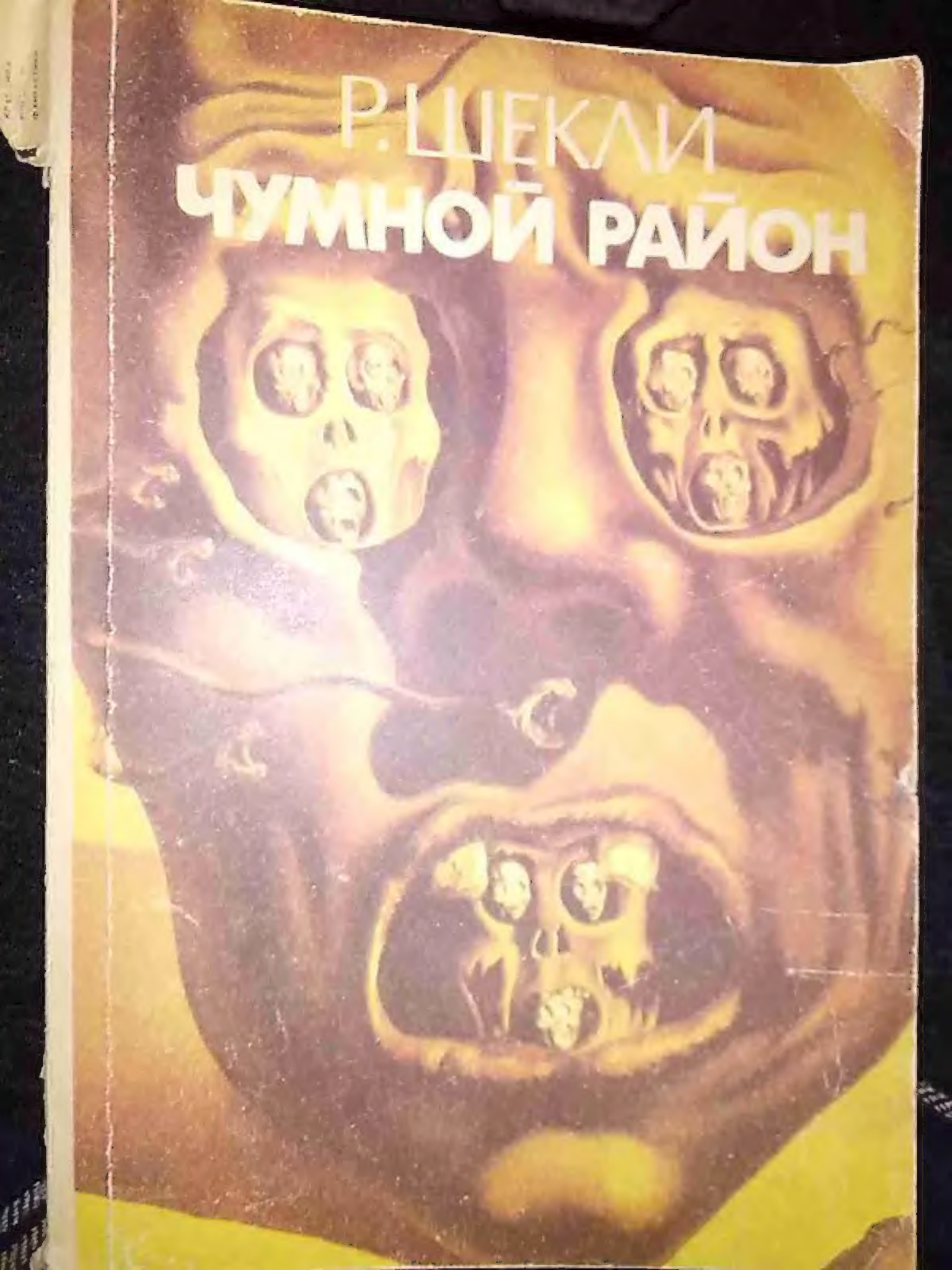
Р. ШЕКЛИ

ЧУМНОЙ РАЙОН



PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

РОБЕРТ ШЕКЛИ

ЧУМНОЙ РАЙОН

Сборник научно-фантастических произведений

Перевод с английского

МОСКВА
АГЕНТСТВО ПЕЧАТИ «NB – ПРЕСС»
1991

ББК 84Р7
Ч 90

Составитель
ВЛАДИМИР БАКАНОВ

ISBN 5—7085—0011—5

© Составление, Баканов В И
© Предисловие, Кубатиев А К
© Состав и художественное оформление Агентства печати Фонда социальных изобретений СССР «Нота Бене Пресс», 1990.

ОДНОРАЗОВЫЙ ЧАС МИСТЕРА РОБЕРТА ШЕКЛИ

(Опыт психоделического предисловия)

Все важные события происходят в двенадцать часов.

Хотя мне самому известно грандиозное событие, случившееся в семнадцать часов тридцать восемь минут. Есть и другие свидетели.

Но если говорить уж совсем честно, то событие может произойти в любую секунду.

Например, в эту самую.

Надо только успеть взять его в руки и раскрыть.

В сухом климате следует предварительно поплевать на пальцы.

В сыром лучше одновременно раскрыть зонтик: ведь из этих рассказов только один успел привыкнуть к нашему небу.

У остальных еще просто нет иммунитета.

Ну как, раскрыли? Тогда будем считать событие открытым.

С Робертом Шекли их происходило немало — начиная с момента рождения, пришедшегося на 1928 год, получения диплома инженера-металлурга, службы в американском музвзводе (неточный перевод на русский) и выхода в десятку или пятерку лучших фантастов мира.

Ему даже встречался МОЙ ДВОЙНИК — РОБОТ, то есть его, а не мой; в память этой встречи он назвал один из своих лучших сборников.

А сейчас с ним не происходит почти ничего. Ну что может произойти с человеком, написавшим столько шедевров? Он может лишь написать еще несколько. Остается ждать. Шедевров никогда не бывает достаточно.

На всех снимках он появляется в одной и той же рубашке и в тех же очках, только чуть лысеет. Впрочем, наверно, лысеет снимок, а не Шекли, как портрет Дориана Грея. А может быть, и нет. В Координатах Чудес Чумного Района ни за что нельзя поручиться. Прежде всего за население.

То есть за все человечество.

А ведь — ай-яй-яй! — всех людей своего мира Шекли придумал сам. И простаков, и Безумцев, и Монстров в человеческом и нечеловеческом обличье, и Абсолютное Оружие, и Стражей-Птичек, и Убийственно Заботливых Роботов, и Машинистов Времени — все они люди Шекли, и все в них от людей, во что бы он их не рядил. Но поручиться все равно не может.

Он уже был известен нам по симпатичным рассказам, романам и повестям, в которых весело не верил, что человек способен остаться собой в мире, который сам же усердно разлаживает. В «Хождении Джоэниса» вы встретите психиатра, который сначала делает былью все кошмары и бреды пациента, а затем помаленьку убирает их к невыразимой радости и облегчению последнего: ведь больному начинает казаться, что он выздоравливает!..

А он не выздоравливает. Просто один симптом сменяется другим. Да и здоровье самого Психиатра серьезно беспокоит Шекли. Ведь в мире, где все важные события происходят одновременно, а чаще всего в Одиннадцатом часу, Что Угодно превращается в Совсем Другое — врач в пациента, жертва в палача, сон в явь и даже смерть в аттракцион. В классическом рассказе Шекли «Седьмая жертва» (классический фильм по которому видели все, кроме нас), человек, для которого убийство стало образом жизни, неожиданно для себя влюбляется. Очень хорошо,— отвечает ему на этот Мир. — Теперь тебя легче убить. И... Вот тут не меняется ничего — убивает.

Не стоит выяснять год выпуска «Хождения Джоэниса» или «Чумного района». Лучше вспомните, как вы были сегодня в городе и сколько раз Десяти часов повстречался вам Кошмарный Стандарт или Стандартный Кошмар, если верить Шекли. Вспомнили? Ну тогда вам будет намного легче читать. Хотя приятных рассказов Шекли теперь не пишет. «Из луковицы в морковь»? Да, конечно,— весело, элегантно, эксцентрично. Только речь-то все время идет о Похлебке.

А где Похлебка, там и Огонь, и Кипяток, и Повар с отточенным ножом и Большой Ложкой. Той самой, которая в английском фольклоре нужна, чтобы пообедать с дьяволом... И бог с двойным греко-египетским именем Гермес-Тот в обеих мифологиях — это вожатый мертвых душ.

Шекли уже написал тайком громадную летопись Человеческой Очумелости на столетия вперед, разорвал ее в клочки и подкинул их вверх. Каждый кусочек на первый взгляд летит совершенно самостоятельно, да так, что фантасты иногда отказываются признавать его за своего и он залетает в «Плейбой» или даже в «Эсквайр». А некоторые долетают и до нас.

Утверждают, что он вполне мог родиться маленьким пражским евреем, пишущим в Австро-Венгрии по-немецки. Он столько же знает об абсурде и отчаянии. Но помешал юмор, насмешливое мужество и высшее НФ — образование, равно как и многие другие события, случившиеся в Девять часов.

Следовательно, на Кафку ему не потянуть, хотя пишет он лучше. Или хуже. Или вообще не так.

Утверждают, что он мог бы родиться и ядовитым французским философом XVIII века — его герои столь же простодушны в безумном мире, сколь и персонажи Вольтера, — если бы не полное неверие в науку вкупе с издевательской насмешкой над всеми религиями и обрядами.

Если бы Машина Времени работала у нас нормально, а не как всегда — лишь до Восьми часов, он мог бы успеть написать все ранние рассказы Марка Твена, потому что он во всем американец — в мышлении, чуть грубоватом юморе, великолепном, логически выверенном гротеске и в неистребимом стремлении отстоять свои гражданские права.

Но несколько раз Машина капризничала, и в позднее Средневековье нашей литературы падали из будущего «Паломничество на Землю», «Координаты Чудес», «Билет на планету Транай», «Абсолютное Оружие» и целая гроздь веселеньких рассказиков про деконтаминаторов — то есть очистителей — Арнольда и Грегора. Прелестные были рассказики: любой редактор, сладко мурлыча, заверстывал их вместо чего-то совсем уж не идущего.

Тот, кто мурлыкал тогда вместе с редактором, а сейчас делает это самостоятельно, скорее всего останется недоволен рассказом «Па-де-труа шеф-повара, официанта, клиента». Если бы до Семи оставалось чуть больше времени, можно было бы включить его в антологию «Лучшие рассказы Земли и окрестностей». Но уже почти Семь.

Успеем ли мы задуматься о своей самоуверенности и агрессивном стремлении считать свое миропонимание единственно правильным? Успеем ли отказаться от твердого желания считать, будто понимаем всю подноготную другого и лучше знаем, что ему нужно?

Вряд ли. Уже нет времени понять, что, может быть, в этом рассказе и заложено главное для Шекли — не только язвительная вариация на тему взаимной глухоты, но и целительный укол совестливости.

Кстати, помним ли мы, что латинское «Аб сурдус» переводится «от глухого»? Рассказ «Верный вопрос» — об этом: как дать ответ, если сам вопрос не слышен в белом шуме затверженных истин-ошибок? Если ответ немедленно требует нового вопроса?

Особенно после Шести часов, когда начинается Чума и кончается Сон, а вместо него встает во всем своем ужасе Застывший, Окостеневший Мир. Но страшнее всего человеку будет, как в фильме Хичкока, лицом к лицу с самим собой. Стандартный Кошмар в том, что опаснее всего человек сам для себя. И тут же Шекли дает почти верный ответ, какой именно человек.

Это Человек Толпы, Эврimen, наглый, кривоногий, самоуверенный и полуневежественный. Он-то станет фюрером, независимо от национальной и даже галактической принадлежности. Только бы случай подвернулся, а уж там!..

Тем же, кто фюрером пока стать не собирается, но уже успел подхватить бациллу национальной исключительности, будет очень трудно. Где уж тут разобраться в подробностях, когда главное — что человек есть человек — напрочь позабыто! Поэтому, согласно постановлению Минздрава, рассказ «Заметки по восприятию воображаемых различий», как помогающий при некоторых болезнях нашего времени, будет отныне входить в состав автомобильных аптечек.

В словаре Шекли («Полный толковый словарь всех слов и выражений Роберта Шекли». Издание шестое нетронутое. Петушки, 2147) нет почему-то и слова «апокалипсис», означающего по-древнегречески «выяснение последнего скрытого смысла».

Между тем Шекли только тем и занимается, что рассекает реальность в поисках этого самого смысла, не оставляя человеку никаких иллюзий, ни малейшего самообманчика.

До пяти не успевает досчитать Любовь, Дружба, Честность, Вера и даже Надежда с Патриотизмом и Храбростью. Пискнув, лопаются их муляжи, миражи и надувашки. Сколько не-Поддделок выживает, на этот ответ и дает свой вопрос Роберт Шекли.

Но не по капризу Шекли учреждается для регулировки демографического обвала контролер-Чума; это не Шекли рассаживает в тире живых женщин вместо мишеней. Герой Шекли приведен к этому, как дробь к знаменателю, а откуда у дроби, или у человека, ставшего дробью, способность выстоять?

Шекли — часовщик, чинящий брегеты персонажам Льюиса Кэррола. После его ремонта даже на их циферблатах остается на один час меньше. В этот раз их у человечества всего Четыре.

Человек у Шекли не может без свободы. Но что она такое, его теперешняя свобода,— на этот вопрос можно дать ответ только за пределами литературы. Хотя Шекли вроде бы и дает его — не верьте ответу. Верьте вопросу.

До Трех осталось еще немного времени. Надо успеть совершить Обмен Разумов. Потому что со старым, да еще таким механическим, сейчас не очень-то проживешь. А кому понадобится новое тело, тоже пожалуйста.

Только оно может оказаться ненужным — если не успеть вовремя провести грань между кошмаром стандартизированного мышления, судорожной животной деловитостью и желанием развлечься чем угодно.

Шекли — устроитель самых ужасных развлечений. Все его герои играют, иногда и не ведая об этом. Скажи мне, отчего *тебе*

не скучно, и я никому не скажу, кто ты,— так говорит Шекли. И опять не надо верить — все узнают, и мы, наконец, узнаем, когда пробьет Два. Или опять нет?

В ту самую секунду, когда ваши руки раскроют эту вещь, умело закамуфлированную под книгу американского писателя, переведенную с одного из человеческих языков на другой из человеческих языков, пойдет отсчет времени Превращения — в немножечко иного читателя, чем тот, каким вы были раньше. Но помните — остался только Час! Только Один! И его надо успеть провести по-человечески.

Правда, мистер Шекли так и не сказал, какой именно час. Хочется верить, что фантастически длинный.

Или просто — ФАНТАСТИЧЕСКИЙ.

РЫБОЛОВНЫЙ СЕЗОН

Они жили в новом районе лишь неделю, и соседи впервые пригласили их в гости. Кармайклы явно ждали — во всех окнах горел яркий свет, входная дверь была приоткрыта.

— Ну, как я выгляжу? — спросила Филис Маллен на пороге. — Швы не перевернулись, волосы не разлохматились?

— Полный ажур, в красной шляпке ты неотразима, — заверил ее муж. — Только постарайся этим не козырять.

Она скорчила ему физиономию и нажала кнопку звонка. В глубине раздался мелодичный перезвон.

Маллен поправил галстук и вытащил платочек из нагрудного кармана на микроскопическую долю повыше.

— Должно быть, наливают вино в погребе, — сказал он жене. — Позвонить еще?

— Нет, давай подождем.

Они подождали, потом снова позвонили.

— Странно, — произнесла Филис. — Договорились на сегодня...

В распахнутые окна вливался теплый весенний воздух. Сквозь венецианские жалюзи виднелись карточный столик, расставленные стулья, накрытый обеденный стол... Все было готово. Но на звонок никто не отзывался.

— Может, они вышли? — предположила Филис. Ее муж быстрым шагом пересек лужайку и подошел к гаражу.

— Машина на месте, — вернувшись, сообщил он и толкнул приоткрытую дверь.

— Джим, не входи.

— Я и не вхожу. — Он просунул голову внутрь. — Люди! Есть кто-нибудь?!

В доме царило молчание.

— Эй! — крикнул он и напряженно прислушался. Из соседнего коттеджа доносился обычный шум предвыходного дня — там разговаривали, смеялись. По улице проехала машина. Он слушал. Где-то в доме треснула половица; потом снова наступила тишина.

— Если бы они ушли, то не бросили бы все нараспашку. Наверное, что-то случилось.— Маллен ступил внутрь; Филис последовала за ним, но нерешительно остановилась в гостиной, в то время как муж пошел на кухню. Она слышала, как он открыл дверь в погреб, позвал: — Ау, кто-нибудь! — потом вернулся в

гостиную, нахмурился и пошел на второй этаж. Немного погодя Маллен с озадаченным видом спустился вниз.— Никого.

— Пойдем отсюда, — нервно сказала Филис. Ей вдруг стало не по себе в этом ярко освещенном пустом доме.

— Может, закрыть дверь? — спросил Джим Маллен.

— Что толку? Все окна настежь.

— Все-таки... — Он прикрыл дверь, и они медленно пошли к себе домой, то и дело оглядываясь на залитый светом коттедж. Маллен не удивился бы, если б откуда-нибудь вдруг выскочили Кармайклы с веселым криком: «Разыграли!».

Но дом хранил молчание.

Мистер Картер мастерил искусственных мух для рыбной ловли. Неторопливо и методично его ловкие пальцы с любовной бережностью управлялись с цветными нитями. Он был так погружен в свою работу, что не заметил прихода Малленов.

— Папа, мы дома, — сказала Филис.

— Ага, — пробормотал мистер Картер. — Только взгляните на эту прелесть! — Он протянул законченное творение — почти точную копию шершня. Крючок был хитроумно запрятан в нависавших желтых и черных нитях.

— Кармайклы, наверное, куда-нибудь ушли,— сказал Маллен, снимая пиджак.

— Утром попытаю счастья на Старом Ручье, — отозвался мистер Картер. — Чутье подсказывает мне, что там водится форель.

Маллен внутренне усмехнулся. С отцом Филис разговаривать было трудно. В последнее время он не знал другой темы, кроме рыбной ловли. В день своего семидесятилетия старик оставил весьма процветающее дело и без остатка посвятил себя любимому занятию.

Теперь, спустя десять лет, мистер Картер выглядел великолепно. Кожа его была розовой, глаза чистыми и безмятежными, красивые белые волосы аккуратно зачесаны назад. Причем он находился в здравом уме — если говорить с ним о рыбалке.

— Перекусим, что ли...

Филис с сожалением сняла красную шляпку, разгладила вуаль и положила ее на кофейный столик. Мистер Картер вплел еще одну нить к своей мухе, придирчиво осмотрел ее, потом отложил в сторону и последовал за ними на кухню.

Пока Филис варила кофе, Маллен рассказал старику о происшедшем. Ответ мистера Картера был типичным.

— Лучше сходи-ка утром на рыбалку и выкинь это из головы. Рыбная ловля, Джим, не просто спорт. Рыбная ловля — это образ жизни, да и философия, если хочешь. Я люблю поси-

деть на берегу тихой заводи... Думаю поискать завтра. Если есть где-нибудь рыба, то почему не здесь?

Филис улыбнулась, глядя как Джим беспокойно ерзает на стуле. Ее отца, раз уж он разошелся, теперь так просто не остановить. А разойтись на эту тему — ему раз плюнуть!

— Представь себе, — продолжал мистер Картер, — молодого энергичного администратора. Ну вроде тебя, Джим. Спешит по делам. Обычное дело, да? Но в конце последнего длинного коридора — ручей с форелью. Или представь политика. Ты их, безусловно, предостаточно видишь в Олбани. В руке дипломат, вечно в заботах...

— Странно, — сказала Филис, перебивая отца на полуслове. Она разглядывала неоткрытую бутылку молока. — Посмотри.

Молоко они покупали станертоновской маслодельни. Зеленая этикетка на *этой* бутылке гласила: «Станероновска маладелня».

— И вот. — Она указала пальцем. Ниже было написано: «Разришино ньЮ-йорКской комисией здравоохранения».

Все это сильно смахивало на неумелую подделку или розыгрыш.

— Откуда ты это взяла? — спросил Маллен.

— Из магазина мистера Элдриджа. Может, какой-нибудь рекламный трюк?

— Презираю тех, кто ловит на червя, — с чувством заявил мистер Картер.— Муха — это творение искусства. Тот же, кто пользуется червем, способен обирать сирот и рушить храмы!

— Не пей его, — сказал Маллен. — Давай-ка взглянем на остальные продукты.

Они обнаружили еще три фальшивки: конфету «Объеденье» в оранжевой обертке вместо обычной розовой; пачку «Американского СЫра», почти на треть больше привычной; и бутылку «Газированной вады».

— Очень странно, — пробормотал Маллен, потирая подбородок.

— Мелюзгу я никогда не беру, — продолжал мистер Картер. — Это не спортивно. Я их отпускаю. Таково неписанное правило рыболова. Пускай растут, пускай зреют, пускай набираются опыта. Мне нужны старые, которых на мякине не проведешь, которые укрываются в корягах и улепетывают при виде крючка. Вот с кем интересно состязаться!

— Отнесу-ка я это к Элдриджу, — решил Маллен, складывая подозрительные продукты в бумажный пакет. — Если найдешь еще что-нибудь подобное, отложи.

— Старый Ручей, — задумчиво произнес мистер Картер. — Там они, там...

Утро выдалось тихим и солнечным. Мистер Картер спозаранку позавтракал и ушел на Старый Ручей легкой юношеской походкой, залихватски сдвинув на бок потрепанную широкополую шляпу. Джим Маллен допил кофе и отправился к дому Кармайклов.

Машина все так же стояла в гараже. Окна были все еще распахнуты, стол накрыт, свет горел — все, как предыдущим вечером. Маллену невольно вспомнилась прочитанная когда-то история о корабле под всеми парусами – но без единой души на борту.

— Может, позвонить кому-нибудь? — предложила Филис, когда муж вернулся домой. Что-то произошло, я уверена

— Но кому?

Они почти никого еще не знали в этой районе.

Проблему решил телефонный звонок.

— Если это кто-нибудь отсюда, — сказал Джим, — спроси у них.

— Алле?

— Простите, вы, очевидно, меня не помните. Я — Мариам Карпентер, живу в конце улицы... К вам случайно не заходил мой муж?

Даже искаженный телефоном, голос выражал беспокойство и страх.

— Нет. К нам сегодня вообще никто не приходил.

— А...

— Может быть, вам нужна какая-нибудь помощь? — спросила Филис.

— Я не могу понять, — произнесла миссис Карпентер. — Джордж — мой муж — как обычно позавтракал со мной утром, потом поднялся наверх за пиджаком. Больше я его не видела.

— Ох...

— Вниз он не спускался, уверена. Я пошла посмотреть, что́ его задерживает — мы должны были уехать, — но его не было. Я обыскала весь дом. Решила, что он меня разыгрывает, хотя Джордж в жизни никогда так не шутил, и посмотрела даже под кроватями и в шкафах. Потом заглянула в погреб, спросила у соседей... Как в воду канул! Я и подумала: может, он заскочил к вам?

Филис рассказала ей об исчезновении Кармайклов. Они еще немного поболтали и распрощались.

— Джим, — заявила Филис. — Мне это не нравится. Надо сообщить в полицию.

— Мы окажемся круглыми дураками, когда выяснится, что они гостили у друзей в Олбани.

— Все равно.

Джим набрал номер полицейского участка, но линия была занята.

— Пойду сам.

— И захвати с собой это...

Она протянула ему бумажный пакет.

Капитан Леснер был терпеливым краснолицым человеком. Всю ночь и все утро он выслушивал нескончаемый поток жалоб. Его патрульные устали, его сержанты устали, а сам он устал больше всех. Однако он провел мистера Маллена в свой кабинет и внимательно выслушал его рассказ.

— Я хочу, чтобы вы все записали,— попросил Леснер.— Насчет Кармайклов нам еще звонил их сосед. Включая мужа миссис Карпентер, это уже десять за два дня.

— Десять... чего?

— Исчезновений.

— О, господи, — тихо выдохнул Маллен и поправил бумажный пакет. — Все из нашего города?

— Все до единого, — отчеканил капитан Леснер, — из одного района. А точнее, даже из четырех улиц этого района. — Он перечислил названия улиц.

— И я живу там, — пробормотал Маллен.

— Я тоже.

— У вас есть какие-нибудь соображения о личности похитителя?

— Вряд ли это похититель, — сказал Леснер, закуривая уже двадцатую сигарету за день. — Никаких записок. Никаких требований о выкупе. У многих пропавших гроша ломаного нет за душой. Это просто невероятно!

— Значит, орудует маньяк?

— Безусловно. Но как он захватывает целые семьи? Или взрослых мужчин крепкого телосложения, таких, как вы? И где он прячет их или их тела? — Леснер ожесточенно затушил сигарету. — Мои люди обшаривают сейчас каждый метр города. Привлечены полицейские всех пригородов. Полиция штата останавливает и проверяет автомашины. И ничего!

— Да, чуть не забыл, вот еще что. — Маллен показал фальшивые продукты.

— И опять, я ничего не знаю, — раздраженно признался капитан. — У меня не хватает времени. Я захлебываюсь в заявлениях... — Зазвонил телефон, но Леснер не обращал внимания. — Похоже на козни черного рынка. Я уже отправил нечто подобное в Олбани на анализ. Необходимо установить источник. Не исключено, что действуют из-за границы. Между прочим, ФБР... А. будь проклят этот телефон!

Он схватил трубку.

— Леснер слушает. Да... да... Ты уверена? Конечно, Мэри. Немедленно еду.

Он опустил трубку. Его красное лицо внезапно побелело.

— Звонила свояченица, — выдавил он. — Моя жена пропала!

Маллен вел машину на бешеной скорости. У порога он резко затормозил, едва не стукнувшись головой о ветровое стекло, и вбежал в дом.

— Филис! — закричал он. Где она? О, боже, если...

— Что случилось? — спросила Филис, выходя из кухни.

— Я думал...

Он схватил ее в охапку и крепко сжал.

— Ну, знаешь, — улыбнулась она, — мы уже не молодожены. Как-никак полтора года...

Маллен рассказал ей о том, что узнал в полицейском участке.

Филис словно впервые увидела их гостиную. Неделю назад она казалась уютной и теплой. Сейчас каждая тень пугала, каждая приоткрытая дверь в шкаф наводила ужас. Этот дом уже никогда не станет снова родным и близким.

Раздался стук.

— Не подходи, — прошептала Филис.

— Кто там? — спросил Маллен.

— Джо Даттон, ваш сосед. Вы, должно быть, слыхали новости?

— Да, — ответил Маллен, стоя за закрытой дверью.

— Мы баррикадируем улицы, — сказал Даттон. — Будем проверять всех входящих и выходящих. Придется взяться за дело самим, раз полиция бессильна. Вы с нами?

— Еще бы.

Маллен открыл дверь. На пороге стоял высокий смуглый мужчина в старой армейской форме. В руке он сжимал увесистую деревянную палку.

— Перекроем эти кварталы, так что и комар не проскочит.

Маллен поцеловал жену и ушел вместе с ним.

Днем в актовом зале школы состоялось общее собрание. В зал набились все жители пораженного участка и еще столько горожан, сколько влезло. Сразу выяснилось, что, несмотря на блокаду, из района исчезло еще три человека.

В краткой речи капитан Леснер сообщил, что он обратился за помощью в Олбани. Подходят специальные части; кроме того, подключается ФБР. Он честно признал, что не имеет понятия, кто это делает и зачем. Совершенно необъяснимым оставалось и то, что все пропавшие — из одного участка.

Из Олбани пришло сообщение по поводу фальшивых продуктов, которыми, казалось, был наводнен весь район. Химики не обнаружили никаких токсических веществ. Это камня на камне не оставляло от новой теории, будто людей одурманивали, заставляя их покидать дома. Тем не менее, капитан советовал воздержаться от употребления этих продуктов. Осторожность не повредит.

Мэр в своем выступлении призвал жителей не поддаваться панике и проявлять благоразумие. Гражданские власти способны справиться с любой ситуацией.

Конечно, сам мэр жил в другом районе.

Собрание закончилось, люди вернулись на баррикады. К ночи прибыла помощь из Олбани — войска и снаряжение. Все четыре улицы взяли в кольцо. Установили прожектора, ввели комендантский час.

Мистер Картер не был свидетелем этих увлекательных событий. Целый день он удил и вернулся на закате, с пустыми руками, но счастливый.

— Прекрасная погода для рыбной ловли! — заявил он.

Маллены провели кошмарную ночь — полностью одетые, урывками погружаясь в сон, невольно наблюдая за мельтешением прожекторных лучей на стеклах, прислушиваясь к чеканному шагу солдатских патрулей.

Воскресенье, восемь часов утра. Еще двое пропавших. Исчезли из небольшого района, охраняемого лучше тюрьмы.

В десять часов мистер Картер, решительно отметя все возражения Малленов, вскинул на плечо свою сумку и ушел. С тринадцатого апреля, с начала рыболовного сезона, он не пропустил ни одного дня и дальше собирался продолжать в том же духе.

Воскресенье, полдень. Пропал еще один человек. Общее число исчезнувших достигло шестнадцати.

Воскресенье, час дня. Нашлись пропавшие дети!

Полицейская машина обнаружила их на окраине, всех восьмерых, включая сына Кармайклов. Чем-то глубоко потрясенные, они шли к городу. Все были срочно доставлены в больницу.

И никаких следов пропавших взрослых.

Слухи разносятся куда быстрее, чем могут распространить новости газеты или радио. С детьми не сделали ничего плохого. Медицинское обследование подтвердило, что они не помнят, где были и как туда попали. Специалисты обнаружили только общее для всех пострадавших ощущение полета и чувство тошноты. Для вящей безопасности детей оставили в больнице, под усиленной охраной.

А к вечеру из района исчез еще один ребенок.

На закате мистер Картер пришел домой с двумя крупными рыбинами. Он весело приветствовал Маллена и отправился в гараж чистить форель.

Джим Маллен вышел в задний дворик и зашагал к гаражу вслед за тестем. Он хотел прояснить у старика какую-то фразу, оброненную им день или два назад. Память не подсказывала ее точно, но это казалось очень важным...

Его окликнул худенький лысый сосед, чью фамилию он забыл.

— Маллен, я понял.

— Что?

— Вы задумывались над выдвигаемыми теориями?

— Конечно.

— Так слушайте. Это не похитители. В их действиях нет никакой логики. Верно?

— Ну, очевидно.

— Исключен и маньяк. Как бы он мог схватить пятнадцать, шестнадцать человек? И вернуть детей? С этим не справится и банда маньяков. По крайней мере, не перед носом у такой уймы полицейских. Правильно?

— Продолжайте,— краем глаза Маллен заметил, что во дворик вышла толстая жена соседа. Она подошла к ним и прислушалась.

— То же самое относится и к шайке бандитов, и даже к марсианам. Это неосуществимо и бессмысленно. Надо искать что-то *невозможное*. И вот тут-то мы и находим единственно логичный ответ.

Маллен искоса взглянул на женщину. Та стояла, сложа руки на груди, и пронизывала его испепеляющим взглядом. «Похоже, она на меня злится, — подумал Маллен. — Что я такого сделал?»

— Вывод только один, — торжественно произнес сосед. — Где-то рядом существует дыра. Дыра в пространственно-временном континууме.

— Что?! — выпалил Маллен.

— Дыра во времени, — разъяснил лысый инженер. — Или в пространстве. Или и там, и там. Только не спрашивайте меня, как она образовалась; главное, что она есть. Стоит человеку попасть в эту дыру, как — бац! — он в другом месте. Или в другом времени. Или в другом месте и в другом времени. Конечно, дыру эту не увидишь — в четвертом-то измерении! — но она есть. Я полагаю, что если проследить движения этих людей, то выяснится, что каждый из них проходил через какую-то определенную точку — и пропал.

— Мим... — задумчиво хмыкнул Маллен. — Любопытно. Но ведь известно, что многие исчезали прямо из своих домов.

— Да, — озадаченно согласился сосед. — Одну минутку, сейчас соображу... О, понял! Дыра в пространстве — времени не стационарна. Она перемещается, дрейфует. Сперва в доме Карпентера, затем спонтанно сдвигается...

— Но почему она не выходит за пределы наших четырех улиц? — спросил Маллен, недоумевая, в чем причина такого злобного взгляда жены соседа.

— Ну... должны же у нее быть какие-то ограничения!

— А как вернулись дети?

— О, господи, Маллен, что вы пристаете ко мне со всякими пустяками?! Я предлагаю хорошую рабочую теорию. Нам необходимо набрать больше фактов, чтобы прояснить все до конца.

— Общий привет! — бодро закричал мистер Картер, появившись из гаража с двумя красивыми, тщательно вычищенными и вымытыми рыбами. — Форель — достойнейший соперник и, между прочим, великолепна на вкус. Самый прекрасный спорт и самая прекрасная еда! — Он неторопливо вошел в дом.

— У меня теория получше, — сказала жена соседа, разведя руки и опустив их на могучие бедра.

Оба мужчины повернулись к ней.

— Кого одного совершенно не беспокоит все происходящее? Кто везде разгуливает с огромной сумкой, в которой, по *его* словам, рыба? Кто *утверждает,* что проводит время на рыбалке?

— О, нет, — поразился Маллен. — Только не мистер Картер. У него целая философия...

— Плевала я на философию! — завизжала женщина. — Он дурачит вас, но меня ему не надуть! Я знаю только, что он один совершенно спокоен, шляется повсюду и вообще, линчевать его мало!

С этими словами она круто повернулась и вперевалку направилась к своему дому.

— Послушайте, Маллен, — проговорил лысый сосед. — Я прошу прощения. Вы же знаете этих женщин... Она очень расстроена, хотя Дэни сейчас в больнице, в безопасности.

— Разумеется, — заверил Маллен.

— Она не понимает концепции пространственно-временного континиума, — с искренним огорчением продолжал сосед. — Утром ей самой будет стыдно. Вот увидите.

Мужчины пожали друг другу руки и разошлись по домам.

Сумерки спустились быстро, и по всему городу зажглись прожектора. Лучи света прореза́ли улицы, дворы, отражались в стеклах. Жители района приготовились к ожиданию новых исчезновений.

Джим Маллен чувствовал себя на редкость беспомощным.

Губы его жены побелели и растрескались, глаза опухли. Зато мистер Картер был, как всегда, бодр и пожарил на всех форели.

— Сегодня я набрел на прелестное тихое озеро,— объявил мистер Картер.— Около устья Старого Ручья, чуть выше по притоку. Я ловил там целый день, нежась на чудесной зеленой траве и любуясь облаками. Фантастическая вещь — облака! Завтра я снова буду ловить там. А потом двинусь дальше. Опытный рыбак не станет злоупотреблять хорошим местом. Умеренность — вот девиз рыбака. Хорошенького понемножку. Я часто думаю...

— Папа, ну пожалуйста, уймись! — выкрикнула Филис и заплакала. Мистер Картер грустно покачал головой, понимающе улыбнулся и направился в гостиную работать над новой мухой.

Маллены понуро пошли спать.

Джим проснулся и сел в постели. Рядом тихо сопела жена. Светящийся циферблат часов показывал без двух минут пять. Почти утро, подумал Маллен.

Он вылез из постели, накинул халат и, стараясь не шуметь, прошлепал по лестнице вниз. Из окна кухни были видны фигуры часовых и качающиеся прожекторные лучи. Маллен налил себе стакан молока и отрезал кусок свежего кекса.

— Похитители! — подумал Джим.— Маньяки. Пришельцы с Марса. Дыры в пространстве. Чушь какая!.. Черт побери, о чем же я хотел спросить мистера Картера? О чем-то очень важном...— Он сполоснул стакан и вернулся в гостиную.

Неожиданно его резко швырнуло на бок. Что-то его держало! Он отчаянно замолотил руками, но бить было не в кого. Его ухватила незримая стальная длань! Ноги оторвались от пола, и на миг Джим завис в воздухе, извиваясь и брыкаясь. Безжалостная хватка вокруг ребер сжала так, что он едва мог дышать. Его неумолимо начало поднимать.

— Дыра в пространстве,— подумал Маллен и попытался крикнуть. Размахивая руками, он задел за тахту и тут же вцепился в нее. Его стало поднимать вместе с тахтой. Он рванулся, и то, что его держало, на миг ослабло.

Маллен упал, мгновенно вскочил и прыгнул к двери. Его снова поймало и ухватило, но он уже был около батареи и просунул за нее обе руки.

Маллена тянуло все сильнее; батарея страшно скрипела. Ему казалось, что он сейчас разорвется надвое, но из последних сил держался. Неожиданно незримая длань отпустила.

Джим свалился на пол.

Когда он пришел в себя, уже был день. Филис, закусив губу, плескала ему в лицо водой.

— Я еще здесь? — пробормотал Маллен.

— Как ты себя чувствуешь? Что произошло? О, милый, давай уедем отсюда...

— Где твой отец? — пробормотал Маллен, вскарабкиваясь на ноги.

— На рыбалке. Ты сядь, сейчас я вызову врача.

— Нет. Погоди,— он прошел на кухню и достал кекс. На этикетке было написано: «Кондитерская Джонсона, Нью-ЙоркК». Заглавная «К». Совсем крошечная ошибка.

А мистер Картер? Не здесь ли таится ответ? Маллен кинулся наверх и торопливо оделся. Он запихнул кекс в карман и выбежал на улицу.

— До моего возвращения ничего не трогай! — закричал он Филис. Она проследила взглядом, как его машина скрылась за поворотом, и, стараясь не расплакаться, побрела на кухню.

Маллен добрался до Старого Ручья за пятнадцать минут. Он оставил машину и пошел вверх по течению.

— Мистер Картер! — кричал он. — Мистер Картер!

Он шел и кричал около получаса, все дальше углубляясь в лес. Деревья склонялись над ручьем и переплетали над ним свои ветви. Маллен шел уже прямо по воде, почти бежал, то и дело оскальзываясь.

— Мистер Картер!

— Я тут! — раздался голос старика. Вскоре показался и он сам, на крутом берегу маленькой заводи, с длинной бамбуковой удочкой. Маллен в изнеможении свалился рядом.

— Наконец-то ты прислушался к моему совету, — удовлетворенно сказал мистер Картер.

— Нет, — едва отдышавшись, выпалил Маллен. — Я хочу, чтобы вы мне кое-что объяснили.

— С радостью, — отозвался старик. — Что тебя интересует?

— Рыбак ведь не станет вылавливать всю рыбу из водоема, не так ли?

— Я бы не стал, но некоторые способны и на такое.

— А наживка? Правда, что всякий настоящий рыбак пользуется искусственной наживкой?

— Я горжусь своими мухами, — сказал мистер Картер. — Я стремлюсь приблизиться к оригиналу. Вот, к примеру, изумительная копия шершня. Или вот — чудесный комар.

Внезапно леска натянулась. Старик легко и уверенно потащил и вскоре протянул Маллену бьющуюся форель.

— Это еще практически малек — мне он не нужен.

Он осторожно снял рыбу с крючка и бросил ее в воду.

— Когда вы отпускаете их, как по-вашему, — они понимают? Они не расскажут другим?

— Конечно, нет, — ответил мистер Картер. — Они не могут научиться даже на собственном опыте. Мне уже дважды попадается один и тот же. Им еще надо подрасти.

— Ясно... — Маллен посмотрел на тестя. Старик совершенно не замечал того, что происходит вокруг, совершенно не замечал ужаса, обуявшего район.

— Рыбаки живут в своем собственном мире, — подумал Маллен.

— Ты бы пришел на час пораньше, — посетовал мистер Картер. — Клюнул настоящий красавец. Фунта два, не меньше. Ну и задал же он мне работенку! И под конец сорвался. Но... Эй, что ты делаешь?!

— Назад!— заорал Маллен, спрыгнув в воду. Теперь он понял, почему его беспокоила мысль о мистере Картере. Аналогия.

Безобидный мистер Картер ловит свою форель, как тот, другой рыбак ловит...

— Все назад! Предупредите остальных! — кричал Маллен, беснуясь в воде. Только бы Филис не прикасалась ни к каким продуктам!..

Он вытащил из кармана кекс и зашвырнул его как можно дальше.

ЧУМНОЙ РАЙОН

Неопытные путешественники обычно стараются материализоваться в каком-нибудь укромном месте, в уединении. Они возникают на помойках, в складских помещениях, в телефонных будках, отчаянно надеясь, что переход выполнен гладко. И неизбежно подобное поведение только привлекает к ним внимание — то самое, чего они хотели избежать. Но для такого опытного путешественника, как я, переход — пустяк. Место моего назначения — Нью-Йорк в августе 1988 года. Я выбрал вечерний час пик и материализовался в гуще толпы на Таймс-сквер.

Конечно, для этого требуется определенная сноровка. Нельзя же просто **появиться.** Надо сразу начать двигаться: голова слегка наклонена, плечи чуть сгорблены, в глазах бессмысленное выражение. Тогда никто тебя не заметит.

Я провел всю операцию превосходно и, держа в руке чемоданчик, поспешил в центр. Там, возле пруда у вашингтонской арки, опустил чемоданчик на землю и возвел руки к небу. На меня оглянулось несколько человек.

— Подходите, друзья! — воскликнул я. — Подходите скорей! Не упускайте возможность. Не надо смущаться и робеть, подходите ближе и слушайте добрые вести.

Стала собираться маленькая толпа. Ко мне обратился молодой парень:

— Эй, что вы продаете?

Я улыбнулся ему, но не ответил. Мне нужна большая аудитория.

— Подходите же, друзья, подходите и внемлите. Это то, чего вы ждали, прекрасная возможность, последний шанс!

Вскоре собралось человек тридцать, и я решил, что для начала достаточно.

— Славные жители Нью-Йорка! — воззвал я. — Я хочу поговорить о загадочном заболевании, неожиданно вошедшем в ваши жизни, об эпидемии, попросту называемой Синей Чумой. Сейчас вы все уже знаете, что спасения от этого безжалостного убийцы нет. Конечно, врачи продолжают заверять вас, что ведутся исследования, что скоро, дескать, будет найден ключ и определена радикальная терапия. Но на самом деле у них нет ни сыворотки, ни антител — ничего. Да и откуда? Ученые не в состоянии выяснить даже причины заболевания! Пока они наработали лишь пустые и противоречивые теории. Из-за жуткой

активности и быстрого распространения возбудителя, чрезвычайной заразности и неизвестных последствий мора можно ожидать, что врачи не успеют вовремя найти лекарство для вас, страдающих. Вся история несчастного человечества ясно показывает: несмотря на попытки контроля и лечения, эпидемии свирепствуют до тех пор, пока не исчерпывают себя.

Кто-то в толпе засмеялся; многие улыбались. Я объяснил это для себя истерией и продолжал:

— Что же делать? Останетесь ли вы пассивными жертвами чумы, обманутые напускным спокойствием правителей? Или осмелитесь испробовать что-то новое, не отмеченное штампом согласия дискредитировавших себя политико-медицинских властей?

К тому времени толпа разрослась человек до пятидесяти. Я быстро окончил свою речь.

— Врачи не могут защитить вас от Синей Чумы, нет, друзья мои. Но я могу!

Не теряя ни секунды, я раскрыл чемоданчик и зачерпнул пригоршню больших желтых таблеток.

— Вот лекарство, которое усмирит Синюю Чуму! Нет времени объяснять, откуда оно у меня и как действует. Не буду я нести и научную тарабарщину. Вместо этого я предоставлю конкретные доказательства.

Толпа притихла и обратилась в напряженное внимание.

— Приведите мне заболевшего! — вскричал я. — Приведите десять! И если в них еще теплится жизнь, они встанут на ноги! Ведите их ко мне, друзья! Я вылечу любого — мужчину, женщину или ребенка — страдающего от Синей Чумы!

Секунду еще продолжалось молчание; затем толпа взорвалась смехом и аплодисментами. Я пораженно слушал реплики, доносящиеся со всех сторон.

— Студенты веселятся...

— Для хиппи он староват...

— Спорю, это пойдет по телевидению...

— Эй, мистер, что вы затеяли?

Я был слишком потрясен, чтобы пытаться ответить. Я просто стоял у своего чемоданчика, зажав в руке таблетки. Толпа постепенно рассеялась, осталась только одна девушка.

— Так что это все значит? — спросила она. — Реклама? Вы собираетесь открыть ресторан или магазинчик? Расскажите мне. Может, я помогу вам с оформлением документов.

Хорошенькая девушка. Лет двадцати, стройная, темноволосая и кареглазая. Ее трогательная самоуверенность вызывала у меня жалость.

— Это не шутка. Если вы не будете остерегаться чумы...

— Какой чумы? — изумилась она.

— Синей Чумы. Чумы, которая свирепствует в Нью-Йорке.

— Послушайте, приятель, никакой чумы в Нью-Йорке нет — ни синей, ни желтой, ни черной и никакой другой. Ну признайтесь, что вы задумали?

— Нет чумы? — переспросил я. — Вы уверены?

— Совершенно.

— Наверное, держат в тайне... — пробормотал я. — Хотя это невозможно... От пяти до десяти тысяч смертей ежедневно трудно скрыть от газет... Сейчас август 1988 года?

— Да. Эй, что-то вы побледнели. Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, — ответил я, что не соответствовало истине.

— Вам, пожалуй, лучше присесть.

Она подвела меня к садовой скамейке. Неожиданно мне пришло в голову, что я ошибся годом. Может быть, компания имела в виду 1990 или 1998. Если так, меня могут лишить торговой лицензии за продажу лекарства в незараженном регионе.

Я вытащил бумажник и достал тоненькую брошюру, озаглавленную «Чумной район». Брошюра содержала даты всех великих эпидемий, их типы, количество погибших и другие важные сведения. С огромным облегчением я убедился, что нахожусь в нужном месте в нужное время.

— «Чумной район»? — удивилась девушка, заглянув через мое плечо. — Что это такое?

Мне следовало скрыться. Мне следовало даже вообще дематериализоваться. Компания давала на этот счет строжайшие указания. Но теперь мне было все равно. Я внезапно захотел побеседовать с этой очаровательной девушкой в старинной одежде, сидевшей на солнышке рядом со мной в обреченном городе.

— «Чумной район» — это список дат и мест, где разражались или еще будут свирепствовать основные эпидемии. Такие, как Великая Чума в Константинополе в 1346 году или лондонская чума 1664 года.

— Вы, надо полагать, там были?

— Да. Меня посылала компания «Медицинская помощь во времени».

— Значит, вы из будущего?

— Да.

— Вот чудесно! — воскликнула она. — Только вы ошиблись. У нас нет чумы.

— Что-то не так, — признал я. — И словно нарочно задерживается мой помощник-разведчик.

— Вероятно, затерялся во временном потоке...

Она наслаждалась собой; мне же все происходящее казалось отвратительным. Девушка, если только она не из единиц

счастливцев, чуму не переживет. С другой стороны, разговор с ней меня увлекал. Я никогда не беседовал с жертвой эпидемии.

— Что ж, — произнесла она, — приятно было познакомиться. Боюсь, однако, что вашему рассказу никто не поверит.

— Надеюсь,— я достал из кармана горсть таблеток.— Пожалуйста, возьмите Их.

— О...

— Серьезно. Для вас и вашей семьи. Сохраните их, пожалуйста. Они еще пригодятся, вот увидете.

— Ну хорошо, премного вам благодарна. Счастливого путешествия во времени.

Я смотрел ей вслед. Мне показалось, что, завернув за угол, она выбросила таблетки. Впрочем, не уверен.

Я сидел на садовой скамейке и ждал.

Джордж явился за полночь. Я обратился к нему с гневной тирадой:

— Что произошло? Я чуть не опростоволосился! Тут нет никакой чумы!

— Успокойся, — сказал Джордж. — Я должен был прибыть сюда неделю назад, но компания получила правительственную директиву отложить операцию на год. Затем распоряжение отменили, и все пошло по плану.

— Почему меня никто не предупредил?

— Тебя собирались уведомить. Но в суматохе... Мне очень жаль, поверь. Теперь можно начинать.

— А стоит ли?

— Что «стоит»?

— Сам знаешь.

Он пристально посмотрел на меня.

— Что с тобой случилось? В Лондоне ты был не таким.

— Но то был 1664 год, а это 1988. Он ближе к нашему времени. И люди эти выглядят более... человечными.

— Надеюсь, ты ни с кем здесь не братался, — заметил Джордж.

— Конечно, нет!

Джордж вздохнул.

— Я знаю, наша работа может стать эмоционально неприятной. Но надо же трезво смотреть на вещи. Бюро Населения предоставило им богатый выбор. Оно дало им водородную бомбу.

— Да.

— Но они не испытали ее друг на друге. Бюро дало им все средства для ведения действительно масштабной бактериологической войны, но и их они не использовали. Наконец, Бюро предоставило необходимую информацию, чтобы сознательно

сократить рост населения. Но они и этого не сделали. Они просто продолжали бездумно размножаться, вытесняя остальные виды и друг друга, пачкая и отравляя Землю.

Я знал все это, однако, слушая, постепенно приходил в себя.

— Ничто не может расти безгранично, — продолжал Джордж. — Все живое должно находиться под контролем. У большинства видов такое выравнивание происходит естественным путем. Но люди вышли из-под власти природы. Они должны сами выполнять эту работу.

Джордж вдруг побледнел и еле слышно добавил:

— Только люди никогда не видят необходимости прореживать свои ряды. Никак не могут научиться... Вот почему необходимы наши чумы.

— Ну хорошо, — сказал я. — Давай.

— Около двадцати процентов выживет, — произнес Джордж, словно уговаривая себя.

Он вынул из кармана плоскую серебряную флягу. Отвинтил колпачок. Опрокинул флягу над канализационным люком.

— Вот и все. Через неделю начинай продавать свои таблетки. После этого планом предусмотрены остановки в Лондоне, Париже, Риме, Стамбуле, Бомбее...

Я кивнул. Наша работа необходима. Но иногда трудно быть садовником людей.

ЗАСТЫВШИЙ МИР

Лэниган снова увидел тот сон и, хрипло застонав, проснулся. Он сел и вперил взгляд в фиолетовую тьму, ощущая вместо лица искаженную ужасом маску. Рядом зашевелилась жена, Эстель. Лэниган и не взглянул на нее. Все еще во власти сна, он жаждал реальных доказательств существования мира.

По комнате медленно проплыл стул и с тихим чмоканьем прилип к стене. Лэниган облегченно вздохнул.

— Вот, выпей.

— Не надо, все уже в порядке.

Он полностью оправился от кошмара. Мир снова стал самим собой.

— Тот же сон? — спросила Эстель.

— Да... Не хочу говорить об этом.

— Ну хорошо. Который час, милый?

Лэниган посмотрел на часы.

— Четверть седьмого. — Тут стрелка конвульсивно дернулась. — Нет, без пяти семь.

— Ты сможешь уснуть?

— Вряд ли. Пожалуй, мне лучше встать.

— Милый, ты не думаешь, что не мешало бы...

— Я иду к нему в 12^{10}.

— Прекрасно, — сказала Эстель и сонно закрыла глаза. Ее темно-рыжие волосы посинели.

Лэниган выбрался из постели и оделся. Это был обычный человек, крупного сложения и ничем не примечательный, если не считать кошмара, сводившего его с ума.

Следующие пару часов он провел на пороге, глядя, как вспыхивают на заре звезды, превращаясь в Новые.

Позже Лэниган вышел на прогулку. И, как назло, в двух шагах от дома наткнулся на Джорджа Торштейна. Несколько месяцев назад он по неосторожности рассказал Торштейну о своем сне. Торштейн — чистосердечный, приветливый толстяк — глубоко веровал в собранность, самодисциплину, практичность, здравый смысл и прочие скучные добродетели. Его прямой, трезвый подход был тогда необходим Лэнигану. Но сейчас он только раздражал. Люди типа Торштейна являются, несомненно, солью земли и опорой государства; но для Лэнигана он превратился из неудобства в ужас.

— А, Том! Как сынишка? — приветствовал его Торштейн.

— Отлично, — ответил Лэниган, — просто отлично.

Он кивнул с приятной улыбкой и продолжал идти под курящимся зеленым небом. Но от Торштейна так легко не отделаться.

— Том, мальчик, я тут поразмыслил над твоей проблемой, — сказал Торштейн. — Я очень беспокоюсь о тебе.

— Как это мило с твоей стороны, — отозвался Лэниган. — Право, не стоит...

— Но мне хочется! — искренне воскликнул Торштейн. — Я всегда принимаю участие в людях, Том. Всегда, сызмальства. А ведь мы с тобой друзья и соседи.

— Это правда, — вяло пробормотал Лэниган. (Когда вам нужна помощь, самое неприятное — принимать ее).

— Знаешь, Том, думается мне, что тебе не мешало бы хорошенько отдохнуть.

У Торштейна на все были простые рецепты. Так как он практиковал душеврачевание без лицензии, то остерегался прописывать лекарства, которые можно купить в аптеке.

— Сейчас я не могу позволить себе взять отпуск, — сказал Лэниган. (Небо приобрело красно-розовый оттенок; засохли три сосны; старый дуб превратился в крепенький кактус).

Торштейн искренне рассмеялся.

— Дружище, ты не можешь себе позволить *не* взять отпуск сейчас! Ты устал, взвинчен, слишком много работаешь...

— Я всю неделю отдыхаю.

Лэниган посмотрел на часы. Золотой корпус превратился в свинцовый, но время, похоже, они показывали точно. Почти два часа прошло с начала разговора.

— Этого мало, — продолжал Торштейн. — Ты остался здесь, в городе. А тебе надо слиться с природой. Том, когда ты в последний раз ходил в поход?

— В поход? Что-то не припоминаю, чтобы я вообще ходил в походы.

— Вот, видишь?! Старик, тебе необходимо прочное сцепление с реальностью и прежде всего с природой. Не улицы и дома, а горы и реки.

Лэниган снова взглянул на часы и с облегчением убедился, что они опять золотые. Он был рад — заплатив за них шестьдесят долларов...

— Деревья и озера, — декламировал Торштейн. — Трава, расстущая под ногами, высокие черные горы, маршрующие по золотому небу...

Лэниган покачал головой.

— Я был в деревне, Джордж. Это ничего не дало.

Торштейн упорствовал.

— Нужно отвлечься от искусственностей.

— Все кажется искусственным, — возразил Лэниган. — Деревья или дома — какая разница?

- Люди строят дома, — благочестиво пропел Торштейн, — но Бог создает деревья.

У Лэнигана имелись сомнения в справедливости обоих положений, но он не собирался делиться ими с Торштейном.

— Возможно, в этом что-то есть. Я подумаю.

— Ты *сделай*. Кстати, я знаю одно местечко — как раз то, что нужно. В Мэне, у того маленького озера...

Торштейн был великим мастером бесконечных описаний. К счастью для Лэнигана, кое-что его отвлекло. Напротив загорелся дом.

— Эй, чей это дом? — спросил Лэниган.

— Макелби. Третий пожар за месяц.

— Надо, наверное, вызвать пожарных.

— Ты прав. Я сам этим займусь. Помни, что я тебе сказал про то местечко в Мэне.

Он повернулся, и тут произошел забавный случай — асфальт под его ногами расплавился. Торштейн шагнул, провалился по колено и упал.

Том ринулся ему на помощь, пока асфальт не затвердел.

— Сильно ударился?

— Проклятье, я, кажется, вывихнул ногу, — пробормотал Торштейн. — Ну ничего, ходить можно.

И он заковылял сообщать о пожаре. Лэниган стоял и смотрел, полагая, что пожар этот — дело случайное и несерьезное. Через минуту, как он и ожидал, пожар так же, сам по себе, погас.

Не следует радоваться чужой беде; но Лэниган не мог не хихикать, вспоминая о вывихнутой ноге Торштейна. Даже неожиданное появление потока воды на Мэйн-стрит не испортило ему настроения. Он улыбнулся колесному пароходу, прошедшему по небу.

Затем он вспомнил сон и снова почувствовал панику. Надо спешить к врачу.

На этой неделе кабинет доктора Сэмпсона был маленьким и темным. Старая серая софа исчезла; на ее месте располагались два стула с кривыми спинками и кушетка. Но портрет Андретти висел на своем обычном месте на стене, и большая бесформенная пепельница была, как всегда, пуста.

В приоткрывшейся внутренней двери появилась голова доктора Сэмпсона.

— Привет, — сказал он. — Я мигом.

Голова пропала.

Сэмпсон сдержал слово. Все дела заняли у него ровно три

секунды по часам Лэнигана. Еще через секунду Лэниган лежал на кожаной кушетке со свежей бумажной салфеткой под головой.

— Ну, Том, как ваши дела?

— Все так же. Даже хуже.

— Сон?

Лэниган кивнул.

— Давайте-ка припомним его.

— Лучше не стоит, — произнес Лэниган. — Я еще сильнее боюсь.

Наступил момент терапевтического молчания. Затем доктор Сэмпсон сказал:

— Вы и раньше говорили, что страшитесь этого сна; но никогда не объясняли *почему*.

— Это звучит глупо...

Лицо Сэмпсона было спокойным, серьезным, собранным; лицо человека, который ничего не находит глупым, который просто органически не в состоянии увидеть что-нибудь глупое.

— Хорошо, я скажу вам, — резко начал Лэниган и замолчал.

— Продолжайте, — подбодрил доктор Сэмпсон.

— Видите ли, я боюсь, что когда-нибудь, каким-то образом, мир моего сна станет реальным. — Он снова замолчал и затем быстро проговорил: — Однажды я встану и окажусь в *том* мире. И тогда *тот* мир станет настоящим, а этот — сновидением.

Лэнигану хотелось узнать, какое впечатление произвело на Сэмпсона его безумное откровение. Но по доктору ничего не было заметно. Он спокойно разжигал свою трубку тлеющим кончиком указательного пальца. Затем он задул палец и произнес:

— Ну, продолжайте.

— Продолжать?! Но это все!

На розовато-лиловом ковре появилось пятно размером с монету. Оно потемнело, сгустилось и превратилось в маленькое фруктовое дерево. Сэмпсон понюхал плод и печально посмотрел на Лэнигана.

— Вы ведь и раньше рассказывали мне о своем сне, Том.

Лэниган кивнул.

— Мы все обсудили, проследили его истоки, проанализировали значение... Мы поняли, мне верится, *зачем* вы терзаете себя этим кошмаром. И все же вы каждый раз забываете, что ваш ночной ужас — не более, чем сон, который вы сами вызвали, чтобы удовлетворить потребности своей психики.

— Но мой ночной мир очень реалистичен!

— Вовсе нет, — уверенно заявил доктор Сэмпсон. — Просто это независимая и самоподдерживающаяся иллюзия. Человеческие поступки основаны на определенных представлениях о природе мира. Подтвердите их, и его поведение становится по-

нятным и резонным. Но изменить эти представления, эти фундаментальные аксиомы почти невозможно. Например, как вы докажете человеку, что им не управляют по секретному радио, которое слышит только он?

— Понимаю, — пробормотал Лэниган. — И я..?

— Да, Том. С вами то же самое. Вы хотите, чтобы я доказал, что реален *этот* мир, а тот ваш ночной — вымысел. Вы откажетесь от своей фантазии, если я предоставлю вам необходимые доказательства.

— Совершенно верно!

— Но видите ли, я не могу их предоставить, — закончил Сэмпсон. — Природа мира очевидна, но недоказуема.

Лэниган задумался.

— Послушайте, доктор, я ведь не так болен, как тот парень с секретным радио?

— Нет. Вы более разумны, более рациональны. У вас есть сомнения в реальности мира; но, к счастью, вы также сомневаетесь в состоятельности вашей иллюзии.

— Тогда давайте попробуем, — предложил Лэниган. — Я понимаю сложность вашей задачи; но клянусь: буду принимать все, что смогу заставить себя принять.

— Честно говоря, это не моя область, — поморщился Сэмпсон. — Здесь нужен метафизик. Не знаю, насколько я...

— Попробуем, — взмолился Лэниган.

— Ну хорошо, начнем... Мы воспринимаем мир через ощущения и, следовательно, при заключительном анализе должны руководствоваться их показаниями.

Лэниган кивнул, и доктор продолжал:

— Итак, мы знаем, что предмет существует, поскольку наши чувства говорят нам о его существовании. Как проверить точность наших наблюдений? Сравнивая их с ощущениями других людей. Известно, что наши чувства не лгут, если чувства других людей говорят о существовании данного предмета.

— Таким образом, мир — всего лишь то, что думает о нем большинство людей, — после некоторого раздумья заключил Лэниган.

Сэмпсон скривился.

— Я же предупреждал, что не силен в метафизике. Все-таки мне кажется, что это наглядный пример.

— Да... Но, доктор, а предположим, *все* наблюдатели ошибаются? Предположим, что существует множество миров и множество реальностей. Предположим, что это всего лишь одно произвольное существование из бесконечного числа возможных. Или предположим, что сама природа реальности способна к изменению, и каким-то образом я его воспринимаю?

Сэмпсон вздохнул и машинально пристукнул линейкой малень-
кую зеленую крысу, копошащуюся у него под полой пиджака.
— Ну вот, — промолвил он. — Я не могу опровергнуть ни
одно из ваших предложений. Мне кажется, Том, что нам лучше
обсудить сон целиком.

Лэниган поморщился.

— Я бы не хотел. У меня такое чувство...

— Знаю, знаю, — заверил Сэмпсон, отечески улыбаясь. —
Но это прояснит все раз и навсегда, разве нет?

— Наверно, — согласился Лэниган. Он набрался смелости и
выдохнул: — В общем, начинается мой сон...

На него налетел страх. Он почувствовал неуверенность, сла-
бость, ужас. Попытался подняться с кушеткки. Нависшее лицо
доктора... блеск металла...

— Расслабьтесь... Успокойтесь... Думайте о чем-нибудь при-
ятном...

Затем Лэниган, или мир, или оба — отключились.

Лэниган и (или) мир пришли в себя. Возможно, время шло, а
возможно, и нет. Все, что угодно, могло случиться, а могло и
не случиться. Лэниган сел и посмотрел на Сэмпсона.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Сэмпсон.

— Отлично, — сказал Лэниган. — Что произошло?

— Вам стало плохо. Ничего, все пройдет.

Лэниган откинулся на спинку и постарался успокоиться.
Доктор сидел за столом, что-то писал. Лэниган с закрытыми
глазами досчитал до двадцати и осторожно их открыл. Сэмпсон
все еще писал.

Лэниган огляделся, насчитал на стенах пять картин, внима-
тельно изучил зеленый ковер и снова закрыл глаза. На этот раз
он досчитал до пятидесяти.

— Ну, может быть, теперь можете рассказать? — поинтере-
совался Сэмпсон, откладывая ручку.

— Нет, не сейчас, — ответил Лэниган. (Пять картин, зеле-
ный ковер.)

— Как хотите, — развел руками доктор. — Наше время
заканчивается. Но если вы подождете в приемной...

— Нет, спасибо, пойду домой.

Лэниган встал, прошел по зеленому ковру к двери, оглянул-
ся на пять картин и лучезарно улыбающегося доктора. Затем
вышел через дверь в приемную, через приемную и наружную
дверь в коридор к лестнице и по лестнице на улицу.

Он шел и смотрел на деревья с зелеными листьями, колы-
шущимися слабо и предсказуемо. Было транспортное движе-
ние — чинно, в одном направлении по одной стороне, а в другом —
по другой. Было небо — неизменно голубое.

Сон? Лэниган ущипнул себя. Щипок во сне? Он не проснулся. Он закричал. Воображаемый крик? Он не проснулся.

Лэниган находился в мире своего кошмара.

Улица на первый взгляд казалась обычной городской улицей. Тротуар, мостовая, машины, люди, здания, небо над головой, солнце в небе. Все в норме. Кроме того, что *ничего не происходило.*

Асфальт ни разу не вскрикнул под ногами. Вот возвышается Первый национальный городской банк; он был здесь вчера, что само по себе уже достаточно плохо; но гораздо хуже, что он наверняка будет здесь завтра, и через неделю, и через год. Первый национальный городской банк (основан в 1892 году) чудовищно лишен возможности превращений. Он *никогда* не станет надгробием, самолетом, костями доисторической живности. Он неизбежно будет оставаться строением из бетона и стали, зловеще настаивая на своей неизменности, пока его не снесут люди.

Лэниган шел по застывшему миру под голубым небом, дразняще обещающим что-то, чего никогда не будет. Машины неумолимо соблюдали правостороннее движение, пешеходы переходили дорогу на перекрестках, показания часов в пределах нескольких минут совпадали.

Город где-то кончался. Но Лэниган знал совершенно точно, что трава не растет под ногами; то есть, она растет, безусловно, но слишком медленно, незаметно для чувств. И горы возвышаются, черные и угрюмые, но гиганты замерли на полушаге. Они никогда не промаршируют по золотому (или багряному, или зеленому) небу.

Сущность жизни, как-то сказал доктор Сэмпсон, — изменение. Сущность смерти — неизменность. Даже у трупа есть признаки жизни, пока личинки пируют на слепом глазе, и мясные мухи сосут соки из кишечника.

Лэниган осмотрел труп мира и убедился, что тот окончательно мертв.

Лэниган закричал. Он кричал, пока вокруг собирались люди и глядели на него (но ничего не делали и ни во что не превращались), а потом, как и полагалось, пришел полицейский (но солнце ни разу не изменило форму), а затем по безнадежно однообразной улице примчалась карета скорой помощи (на четырех колесах, вместо трех или двадцати пяти), и санитары доставили его в здание, оказавшееся именно там, где они ожидали, и было много разговоров между людьми, которые оставались сами собой, в комнате с постоянно белыми стенами.

И был вечер, и было утро, и был первый день.

ТЕЛО

Открыв глаза, профессор Мейер увидел беспокойно склонившихся над ним трех молодых хирургов. Внезапно ему пришло в голову, что они действительно должны быть очень молоды, чтобы решиться, на что решились; молоды и дерзки, не обременены закостенелыми штампами и мыслями; с железной выдержкой, железным самообладанием.

Его так поразило это откровение, что лишь через несколько секунд он понял, что операция прошла успешно.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Все хорошо?

— Вы в состоянии говорить, сэр? Если нет, качните головой. Или мигните.

Они жадно смотрели.

Профессор Мейер сглотнул, привыкая к новому небу, языку и горлу. Наконец он произнес очень сипло:

— Мне кажется... мне кажется...

— Ура! — закричал Кассиди. — Фельдман, вставай!

Фельдман соскочил с кушетки и бросился за очками.

— Он уже пришел в себя? Разговаривает?

— Да, он разговаривает! Фредди, мы победили!

Фельдман нашел свои очки и кинулся к операционному столу.

— Можете сказать еще что-нибудь, сэр? Все, что угодно.

— Я... я...

— О боже, — выдохнул Фельдман. — Кажется, я сойду с ума.

Трое разразились нервным смехом. Они окружили Фельдмана и стали хлопать его по спине. Фельдман тоже засмеялся, но зашелся кашлем.

— Где Кент? — крикнул Кассиди. — Он удерживал осциллограф на одной линии в течение десяти часов.

— Отличная работа, черт побери! Где же он?

— Ушел за сэндвичами, — ответил Люпович. — Да вот он Кент, все в порядке!

На пороге появился Кент с двумя бумажными пакетами и половиной бутерброда во рту. Он судорожно сглотнул.

— Заговорил?! Что он сказал?

Раздался шум, и в дверь ввалилась толпа людей.

— Уберите их! — закричал Фельдман. — Где этот полицейский? Сейчас никаких интервью!

Полицейский выбрался из толпы и загородил вход.

— Вы слышали, что говорят врачи, ребята.
— Нечестно, это же сенсация!
— Его первые слова?
— Что он сказал?
— Он действительно превратился в собаку?
— Какой породы?
— Он может повилять хвостом?
— Он сказал, что чувствует себя отлично, — объявил полицейский, загораживая дверь. — Идем, идем, ребята.

Под его растопыренными руками прошмыгнул фотограф. Он ...нул на операционный стол и пробормотал:

— Боже мой!

Кент закрыл рукой объектив, и в этот миг сработала вспышка.

— Какого черта?! — взревел репортер.

— Вы счастливейший обладатель снимка моей ладони, — саркастически произнес Кент. — Увеличьте его и повесьте в Музее современных искусств. А теперь убирайтесь, пока я не сломал вам шею.

— Идем, ребята, - строго повторил полицейский, выталкивая газетчиков. На пороге он обернулся и посмотрел на профессора Мейера.

— Просто не могу поверить! — прошептал он и закрыл за собой дверь.

— Мы кое-что заслужили! — воскликнул Кассиди.

— Да, это надо отметить!

Профессор Мейер улыбнулся - внутренне, конечно, так как лицевая экспрессия была ограничена.

Подошел Фельдман.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Превосходно, — осторожно произнес Мейер. — Немного не по себе, пожалуй...

— Но вы не сожалеете? — перебил Фельдман.

— Еще не знаю, — сказал Мейер. — Я был против из принципа. Незаменимых людей нет.

— Есть. Вы. — Фельдман говорил с горячей убежденностью. — Я слушал ваши лекции. О, я не претендую на понимание и десятой части, математическая символика для меня только хобби. Но ваши знаменитые...

— Пожалуйста, - выдавил Мейер.

— Нет, позвольте мне сказать, сэр. Вы продолжаете труд, над которым бился Эйнштейн. Никто больше не в состоянии закончить его. Никто! Вам нужно было еще пару лет существования в любой форме. Человеческое тело пока не хочет принимать гостя, пришлось искать среди приматов...

— Не имеет значения, — оборвал профессор. — В конце концов, главное — интеллект. У меня слегка кружится голова...

— Помню вашу последнюю лекцию в Гарварде, — сжав руки, продолжал Фельдман. — Вы выглядели таким старым! Я чуть не заплакал — усталое, изможденное тело...

— Не желаете выпить, сэр? — Кассиди протянул стакан.

Мейер засмеялся.

— Боюсь, что мои новые формы не приспособлены для стаканов. Лучше блюдечко.

— Ох, — вырвалось у Кассиди. — Правильно! Эй, несите сюда блюдечко!

— Вы должны нас простить, сэр, — извинился Фельдман. — Такое ужасное напряжение. Мы сидели в этой комнате почти неделю, и сомневаюсь, что кто-нибудь из нас наспал восемь часов за это время. Мы чуть не потеряли вас...

— Вот! Вот блюдечко! — вмешался Люпович. — Что предпочитаете, сэр? Виски? Джин?

— Просто воду, — сказал Мейер. — Мне можно подняться?

— Позвольте... — Люпович легко снял его со стола и опустил на пол. Мейер неуверенно закачался на четырех ногах.

— Браво! — восторженно закричали врачи.

— Мне кажется, завтра я смогу немного поработать, — сказал Мейер. — Нужно придумать какой-нибудь аппарат, чтобы я мог писать. По-моему, это несложно. Очевидно, возникнут и другие проблемы. Пока мои мысли еще не совсем ясны...

— Не торопитесь.

— О, только не это! Нам нельзя потерять вас.

— Какая сенсация!

— Мы напишем замечательный отчет!

— Совместно, или каждый по своей специализации?

— И то, и другое. Они никогда не насытятся. Это же новая веха в...

— Где здесь ванная? — спросил Мейер.

Врачи переглянулись.

— Зачем?

— Заткнись, идиот. Сюда, сэр. Позвольте, я открою вам дверь.

Мейер следовал за ним по пятам, всем существом ощущая легкость передвижения на четырех ногах. Когда он вернулся, горячо обсуждались технические аспекты операции.

— ... никогда не повторится.

— Не могу с тобой согласиться. Все, что удалось однажды...

— Не дави философией, детка. Ты отлично знаешь, что это чистая случайность. Нам дьявольски повезло.

— Вот именно. Био-электрические изменения необратимы

— Он вернулся.

— Ему не следует много ходить. Как ты себя чувствуешь, миляга?

— Я не миляга, — прорычал профессор Майер. — И, между прочим, гожусь вам в дедушки.

— Простите, сэр. Мне кажется, вам лучше лечь.

— Да, — произнес Мейер. — Мне что-то нехорошо. В голове звенит, мысли путаются...

Они опустили его на кушетку, обступили тесным кольцом, положив руки друг другу на плечи. Они улыбались и были очень горды собой.

— Вам что-нибудь надо?

— Все, что в наших силах...

— Вот, я налил в блюдце воды.

— Мы оставили пару бутербродов.

— Отдыхайте, — сказал Кассиди.

Затем он непроизвольно погладил профессора Майера по длинной, с атласной шерстью, голове.

Фельдман выкрикнул что-то неразборчивое.

— Я забыл, — смущенно произнес Кассиди.

— Нам надо следить за собой. Он ведь *человек*.

— Конечно, я знаю. Просто я устал... Понимаете, он так похож на собаку, что невольно...

— Убирайтесь отсюда! — приказал Фельдман. — Убирайтесь! Все!

Он вытолкал их из комнаты и вернулся к профессору Мейеру.

— Могу я что-нибудь для вас сделать, сэр?

Майер попытался заговорить, утвердить свою человеческую натуру, но слова давались с большим трудом.

— Это никогда не повторится, сэр. Я уверен. Вы же... вы же профессор Мейер!

Фельдман быстро натянул одеяло на дрожащее тело Мейера.

— Все в порядке, сэр,— проговорил он, стараясь не смотреть на трясущееся животное.— Главное — это интеллект! Мозг!

— Разумеется,— согласился профессор Мейер, выдающийся математик.— Но я думаю... не могли бы вы меня еще раз погладить?

ПРОГУЛКА

Возник Папазиан, замаскированный под человека. Он быстро проверил, на месте ли голова. «Нос и носки ботинок должны смотреть в одну сторону», — напомнил он себе.

Все системы работали нормально, в том числе и компактная душа, которая питалась от батареек для карманного фонарика. Папазиан очутился на Земле, в непонятном, сверхъестественном Нью-Йорке, на перекрестке десяти миллионов человеческих судеб. Ему захотелось гроппнуть, но человеческое тело не было для этого приспособлено, и он просто улыбнулся.

Папазиан вышел из телефонной будки на улицу — играть с людьми.

Сразу же он столкнулся с тучным мужчиной лет сорока. Мужчина остановил его и спросил:

— Эй, приятель, как быстрее пройти на угол Сорок девятой и Бродвея?

Папазиан ответил без колебания:

— Ощупывайте эту стену, а когда найдете неплотность, идите напролом. Этот туннель проложили марсиане — когда они еще были марсианами. Выйдете как раз к углу Сорок восьмой улицы и Седьмой авеню.

— Остряк чертов! — пробормотал мужчина и ушел, даже не дотронувшись до стены.

— Какая косность! — сказал про себя Папазиан. — Надо бы включить это в рапорт.

Но нужно ли ему готовить рапорт? Он не имел понятия.

Время ленча. Папазиан вошел в забегаловку на Бродвее близ Двадцать восьмой улицы и обратился к буфетчику:

— Я хотел бы попробовать ваши знаменитые «хот дог».

— Знаменитые? — изумился буфетчик. — Скорей бы настал такой день!

— Уже настал, — возразил Папазиан. — Ваши «хот доги» пользуются хорошей репутацией по всей галактике. Я знаю кое-кого, кто преодолел тысячи световых лет ради этих булочек с сосисками.

— Чушь! — убежденно сказал буфетчик.

— Да? Возможно, вас заинтересует, что в настоящий мо-мент половина ваших клиентов — пришельцы. В гриме, конечно.

Каждый второй клиент побледнел.

— Вы что, иностранец? — спросил буфетчик.

— Альдебаранец по материнской линии, — объяснил Папазиан.

— Тогда все ясно, — сказал буфетчик.

Папазиан шел по улице. Он ничего не знал о жизни на Земле и наслаждался своим неведением: ему так много еще предстоит узнать. Изумительно — не иметь представления, что делать дальше, кем быть, о чем говорить.

— Эй, приятель! — окликнул его прохожий. — Я доеду по этой линии до Порт-Вашингтона?

— Не знаю, — сказал Папазиан, и это было правдой.

К сожалению, в невежестве есть определенные неудобства. Какая-то женщина поспешила объяснить им, как добраться до Порт-Вашингтона. Узнавать новое довольно интересно, но Папазиан считал, что незнание увлекательнее.

На здании висело объявление: «Сдается в аренду».

Папазиан вошел и взял в аренду. Он полагал, что поступил правильно, хотя в глубине души надеялся, что ошибся, потому что так было бы занятнее.

Молодая женщина сказала:

— Добрый день. Я мисс Марш. Меня прислало агентство. Вам нужна секретарша?

— Совершенно верно. Ваше имя?

— Лилиан.

— Сойдет. Можете приступить к работе.

— Но у вас ничего нет, даже машинки.

— Купите все, что необходимо. Вот деньги.

— А что от меня требуется?

— Вы меня спрашиваете? — с мягкой укоризной сказал Папазиан. — Я понятия не имею, чем заняться мне самому.

— А что вы собираетесь делать, мистер Папазиан?

— Вот это я и хочу выяснить.

— О... Ну, хорошо. Мне кажется, вам понадобятся стол, стулья, машинка и все остальное.

— Превосходно, Лили! Вам говорили, что вы очень хорошенькая?

— Нет...

— Значит, я ошибся. Если вы этого не знаете, то откуда знать мне?

Папазиан проснулся в отеле «Центральный» и сменил имя на Хол. Он сбросил с себя верхнюю кожу и оставил под кроватью, чтобы не умываться.

Лилиан была уже в конторе, расставляла новенькую мебель.

— Вас дожидается посетитель, мистер Папазиан, — сказала секретарша.

— Отныне меня зовут Хол. Впустите его.

Посетителем оказался коротышка по имени Джасперс.

— Чем могу быть полезен, мистер Джасперс? — спросил Хол.

— Не имею ни малейшего представления, — смутился посетитель. — Я пришел к вам, повинуясь необъяснимому порыву.

Хол напрочь забыл, где он мог оставить свою Машину Необъяснимых Порывов.

— И где же вы его ощутили? — поинтересовался он.

— К северо-востоку отсюда, на углу Пятой авеню и Восемнадцатой улицы.

— Около почтового ящика? Так я и думал! Вы очень помогли мне, мистер Джасперс! Чем я могу вам услужить?

— Говорю вам, не знаю! Это был необъяснимый...

— Да. Но чего бы вы хотели?

— Побольше времени, — печально сказал Джасперс. — Разве не все этого хотят?

— Нет, — твердо сказал Хол. — Но, возможно, я помогу Сколько времени вам нужно?

— Еще бы лет сто, — попросил Джасперс.

— Приходите завтра, — сказал Хол. — Посмотрим, что удастся для вас сделать.

Когда посетитель ушел, Лилиан спросила:

— Вы действительно можете ему помочь?

— Это я выясню завтра, — ответил Хол.

— Почему не сегодня??

— А почему не завтра?

— Потому что вы заставляете ждать, а это нехорошо.

— Согласен, — сказал Хол. — Зато очень жизненно. Путешествуя, я заметил, что жизнь - суть ожидание. Значит, следует наслаждаться всем, пребывая в ожидании, потому что только на него вы и способны.

— Это чересчур сложно для меня.

— В таком случае напечатайте какое-нибудь письмо.

На тротуаре стоял человек с американским флагом. Вокруг собралась небольшая толпа. Человек был старый, с красным морщинистым лицом. Он говорил:

— Я хочу вам поведать о мире мертвых, они ходят по земле рядом с нами. Что вы на это скажете, а?

— Лично я, — заметил Хол, — вынужден согласиться, потому что рядом стоит старая седовласая женщина, в астральном теле с высохшей рукой.

— Боже мой, это, наверное, Этель! Она умерла в прошлом году, мистер, и с тех пор я пытаюсь с ней связаться. Что она говорит?

— Цитирую: «Герберт, перестань молоть чепуху и иди домой. Ты оставил на плите яйца, вода уже вся выкипела, и через какие-нибудь полчаса твоя жалкая обитель сгорит дотла».

— Точно Этель! — воскликнул Герберт. — Этель, как ты можешь называть чепухой разговоры о мире мертвых, когда ты сама — дух?

— Она отвечает, — доложил Хол, — что мужчина, который и яиц-то толком не сварит, не спалив свою квартиру, не вправе рассуждать о ду́хах.

— Вечно она меня пилит, — посетовал Герберт и заторопился прочь.

— Мадам, не слишком ли вы строги с ним? — спросил Хол.

— Он никогда не слушал меня при жизни и не слушает теперь. Разве можно быть слишком строгой с таким человеком?.. Приятно было поболтать с вами, мистер, но мне пора, — сказала Этель.

— Куда? — поинтересовался Хол.

— В дом Престарелых Духов, куда же еще? — и она незримо исчезла.

Хол в восхищении покачал головой.

«Земля! — подумал он. — Какое прекрасное место!»

На Кафедральной аллее толпился народ — в основном, венерианцы, замаскированные под немцев, и обитатели созвездия Стрельца, прикидывающиеся хиппи.

К Холу подошел какой-то толстяк и спросил:

— Простите, вы не Хол Папазиан? Я Артур Вентура, ваш сосед.

— С Альдебарана? — спросил Хол.

— Нет. Я, как и вы, из Бронкса.

— На Альдебаране нет Бронкса, — констатировал Хол.

— Придите в себя, Хол! Вы пропадаете почти неделю. Алина сходит с ума от беспокойства. Она хочет обратиться в полицию.

— Алина?

— Ваша жена.

Хол понял, что происходит. То был Кризис Совпадения Личности. Как правило, внеземные туристы с таким явлением не сталкивались. Кризис сулил Холу потрясающие впечатления. Если бы только они сохранились в памяти!

— Хорошо, — сказал Хол, — благодарю вас за информацию. Жаль, что я причинил столько волнений моей жене, моей дорогой Полине...

— Алине, — поправил Вентура.

— Ну да. Передайте ей, что я приеду, как только выполню задание.

— Какое задание?

— Мое задание заключается в выяснении моего задания.

Хол улыбнулся и попытался удалиться. Но Артур Вентура обнаружил уникальную способность роиться и окружил Папазиана со всех сторон, производя шум и предпринимая попытки силового воздействия. Папазиан подумал о лазерном луче и замыслил убить всех Артуров, но потом решил, что это не в духе происходящего.

Лица, одетые в форму, водворили Папазиана в квартиру, где он пал в объятья рыдающей женщины, которая тут же приняла сообщать ему сведения личного характера.

Хол заключил, что эту женщину звали Алина. Женщина считала, что она его жена. И могла предъявить соответствующие бумаги.

Сперва было даже забавно иметь жену, детей, настоящую работу, счет в банке, автомобиль, несколько смен белья и все остальное, что есть у землян. Хол до самозабвения играл с новыми вещами.

Почти каждый день Алина спрашивала его:

— Милый, ты еще ничего не вспомнил?

А он отвечал:

— Ничего. Но я уверен, что все будет в порядке.

Алина плакала. Хол привык к этому.

Соседи были очень заботливы, друзья — очень добры. Они изо всех сил скрывали от него, что он не в своем уме — чудик, дурик, псих ненормальный.

Хол Папазиан узнал все, что когда-то делал Хол Папазиан, и делал то же самое. Простейшие вещи он находил захватывающе интересными. Мог ли альдебаранец рассчитывать на большее? Ведь он жил настоящей земной жизнью, и земляне принимали его за своего!

Конечно, Хол совершал ошибки. Он плохо ладил со временем, но постепенно приучился не стричь газон в полночь, не укладывать детей в пять утра и не уходить на работу в девять вечера. Он не видел причин для таких ограничений, но они делали жизнь интересней.

По просьбе Алины Хол обратился к доктору Кардоману — специалисту по чтению в головах людей. Доктор сообщал, какие мысли хорошие и плодотворные, а какие — плохие и грязные.

Кардоман:

— Давно ли у вас появились ощущение, что вы — внеземное существо?

Папазиан:

— Вскоре после моего рождения на Альдебаране.

Кардоман:

— Мы сэкономим массу времени, если вы признаете, что вас одолевают странные идеи.

Папазиан:

— Мы сэкономим столько же времени, если вы признаете, что я альдебаранец, попавший в трудное положение.

Кардоман:

— Тихо! Слушай, приятель, такое заявление может завести черт знает куда. Подчинись моим указаниям, и я сделаю из тебя пай-мальчика.

Папазиан:

— Тихо!

Дело шло на поправку. Ночи сменялись днями, недели складывались в месяцы. У Хола бывали моменты прозрения, доктор Кардоман это приветствовал. Алина писала мемуары под названием «Исповедь женщины, чей муж верил, что он с Альдебарана».

Однажды Хол сказал доктору Кардоману:

— Кажется, ко мне возвращается память.

— Хм-м, — ответил доктор Кардоман.

— Я вспоминаю себя в возрасте восьми лет. Я пил какао железного фламинго на лугу, возле маленькой беседки, недалеко от которой катила свои воды река Чесапик.

— Ложная память из фильмов, — прокомментировал доктор Кардоман, сверившись с досье, которое собрала на мужа Алина. — Когда вам было восемь, вы жили в Янгстауне, штат Огайо.

— Черт побери! — в сердцах воскликнул Папазиан.

— Но вы на верном пути, — успокоил его Кардоман. — У каждого есть подобная память, скрывающая страх и наслаждение больной психики. Не расстраивайтесь. Это добрый признак.

Папазиан приходил и с другими воспоминаниями: о юности, которую он провел юнгой на английской канонерке, о тяготах Клондайка...

Это были неоспоримо земные воспоминания, но не их искал доктор Кардоман.

В один погожий день в дом пришел продавец щеток — он хотел поговорить с хозяйкой.

— Она вернется через несколько часов, — извинился Папазиан. — У нее сегодня урок греческого, а потом резьбы по камню.

— Прекрасно, — сказал продавец. — На самом деле я хотел поговорить с вами.

— Мне не нужны щетки, — ответил Папазиан.

— К черту щетки. Я офицер службы связи. Должен напомнить вам, что мы отбываем ровно через четыре часа.

— Отбываем?

— Все приятное когда-нибудь кончается, даже отдых.

— Отдых?

— Бросьте! — отрезал продавец щеток, или офицер связи. — Вы, альдебаранцы, совершенно невыносимы.

— А вы откуда?

— Я с Арктура. Как провели время, играя с аборигенами?

— Кажется, женился на одной местной, — сообщил Папазиан.

— Настоящая земная жена, это входило в вашу программу. Ну, идете?

— Бедная Полина расстроится, — посетовал Папазиан.

— Ее имя Алина. Как большинство землян, она все равно значительную часть времени проводит в расстроенных чувствах. Но я не могу заставлять вас. Если пожелаете остаться, учтите, что следующий туристический корабль будет через 50—60 лет.

— Пошли они все к черту, — сказал Папазиан. — Я с вами.

— По-прежнему ничего не помню, — пожаловался Хол офицеру связи.

— Естественно. Ваша память осталась в сейфе на корабле.

— Зачем?

— Чтобы вы не чувствовали себя в незнакомой обстановке. Я помогу вам разобраться.

Корабль поднялся в полночь. Полет был замечен локационным подразделением ВВС. Изображение, возникшее на экране, объяснили большим скоплением болотного газа, через которое пролетала плотная стая ласточек.

Несмотря на отвратительный холод открытого космоса, Хол оставался на палубе и наблюдал, как в отдалении исчезала Земля. Его ждет скучная однообразная жизнь, ждут жены и дети...

Но он не испытывал сожаления. Земля — чудесное место для отдыха, однако она мало приспособлена для жизни.

ВЕРНЫЙ ВОПРОС

Ответчик был построен, чтобы действовать столько, сколько необходимо — что очень большой срок для одних и совсем ерунда для других. Но для Ответчика этого было вполне достаточно.

Если говорить о размерах, одним Ответчик казался исполинским, а другим — крошечным. Это было сложнейшее устройство, хотя кое-кто считал, что проще штуки не сыскать.

Ответчик же знал, что именно таким должен быть. Ведь он — Ответчик. Он *знал*.

Кто его создал? Чем меньше о них сказано, тем лучше. Они тоже *знали*.

Итак, они построили Ответчик — в помощь менее искушенным расам — и отбыли своим особым образом. Куда — одному Ответчику известно.

Потому что Ответчику известно все.

На некой планете, вращающейся вокруг некой звезды, находился Ответчик. Шло время: бесконечное для одних, малое для других, но для Ответчика — в самый раз.

Внутри него находились *ответы*. Он знал природу вещей, и *почему* они такие, какие есть, и *зачем* они есть, и что все это значит.

Ответчик мог ответить на любой вопрос, будь тот поставлен правильно. И он хотел. Страстно хотел отвечать!

Что же еще делать Ответчику?

И вот он ждал, чтобы к нему пришли и спросили.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — участливо произнес Морран, повиснув над стариком.

— Лучше, — со слабой улыбкой отозвался Лингман.

Хотя Морран извел огромное количество топлива, чтобы выйти в космос с минимальным ускорением, немощному сердцу Лингмана маневр не понравился. Сердце Лингмана то артачилось и упиралось, не желая трудиться, то вдруг пускалось вприпрыжку и яростно молотило в грудную клетку. В какой-то момент казалось даже, что оно вот-вот остановится, просто назло. Но пришла невесомость — и сердце заработало.

У Моррана не было подобных проблем. Его крепкое тело свободно выдерживало любые нагрузки. Однако в этом полете ему не придется их испытывать, если он хочет, чтобы старый Лингман остался в живых.

— Я еще протяну, — пробормотал Лингман, словно в ответ на невысказанный вопрос. — Протяну, сколько понадобится, чтобы *узнать*.

Морран прикоснулся к пульту, и корабль скользнул в подпространство, как угорь в масло.

— Мы узнаем, — Морран помог старику освободиться от привязных ремней. — Мы найдем Ответчик!

Лингман уверенно кивнул своему молодому товарищу. Долгие годы они утешали и ободряли друг друга. Идея принадлежала Лингману. Потом Морран, закончив институт, присоединился к нему. По всей Солнечной системе они выискивали и собирали по крупицам легенды о древней гуманоидной расе, знавшей ответы на все вопросы, которая построила Ответчик и отбыла восвояси.

— Подумать только! Ответ на любой вопрос! — Морран был физиком и не испытывал недостатка в вопросах: расширяющаяся Вселенная, ядерные силы, «новые» звезды...

— Да, — согласился Лингман.

Он подплыл к видеоэкрану и посмотрел в иллюзорную даль подпространства. Лингман был биологом и старым человеком. Он хотел задать только два вопроса.

Что такое жизнь?

Что такое смерть?

После особенно долгого периода сбора багрянца Лек и его друзья решили отдохнуть. В окрестностях густо расположенных звезд багрянец всегда редел — почему, никто не ведал, — так что вполне можно было поболтать.

— А знаете, — сказал Лек, — пощу-ка я, пожалуй, этот Ответчик.

Лек говорил на языке оллгрот, языке твердого решения.

— Зачем? — спросил Илм на языке звест, языке добродушного подтрунивания. — Тебе что, мало сбора багрянца?

— Да,— отозвался Лек, все еще на языке твердого решения.— Мало.

Великий труд Лека и его народа заключался в сборе багрянца. Тщательно, по крохам, выискивали они вкрапленный в материю пространства багрянец и сгребали в колоссальную кучу. Для чего — никто не знал.

— Полагаю, ты спросишь у него, что такое багрянец? — предположил Илм, откинув звезду и ложась на ее место.

— Непременно, — заверил Лек. — Мы слишком долго жили в неведении. Нам необходимо осознать истинную природу багрянца и его место в мироздании. Мы должны понять, почему он правит нашей жизнью.

Для этой речи Лек воспользовался илгретом, языком зарождающегося знания.

Илм и остальные не пытались спорить, даже на языке спора. С начала времен Лек, Илм и все прочие собирали багрянец. Наступила пора узнать самое главное: что такое багрянец и зачем сгребать его в кучу?

И конечно, Ответчик мог поведать им об этом. Каждый слыхал об Ответчике, созданном давно отбывшей расой, схожей с ними.

— Спросишь у него еще что-нибудь? — поинтересовался Илм.

— Пожалуй, я спрошу его о звездах, — пожал плечами Лек. — В сущности, больше ничего важного нет.

Лек и его братья жили с начала времен, потому они не думали о смерти. Число их всегда было неизменно, так что они не думали и о жизни.

Но багрянец? И куча?

— Я иду! — крикнул Лек на диалекте решения-на-грани-поступка.

— Удачи тебе! — дружно пожелали ему братья на языке величайшей привязанности.

И Лек удалился, прыгая от звезды к звезде.

Один на маленькой планете, Ответчик ожидал прихода Задающих вопросы. Порой он сам себе нашептывал ответы. То была его привилегия. Он *знал*.

Итак, ожидание. И было не слишком поздно и не слишком рано для любых порождений космоса прийти и спросить.

Все восемнадцать собрались в одном месте.

— Я взываю к Закону восемнадцати! — воскликнул один. И тут же появился другой, которого еще никогда не было, порожденный Законом восемнадцати.

— Мы должны обратиться к Ответчику! — вскричал один. — Нашими жизнями правит Закон восемнадцати. Где собираются восемнадцать, там появляется девятнадцатый. Почему так?

Никто не мог ответить.

— Где я? — спросил новорожденный девятнадцатый. Один отвел его в сторону, чтобы все рассказать.

Осталось семнадцать. Стабильное число.

— Мы обязаны выяснить, — заявил другой, — почему все места разные, хотя между ними нет никакого расстояния. Ты здесь. Потом ты там. И все. Никакого передвижения, никакой причины. Ты просто в другом месте.

— Звезды холодные, — пожаловался один.

— Почему?

— Нужно идти к Ответчику.

Они слышали легенды, знали сказания. «Некогда здесь был народ — вылитые мы! — который *знал*. И построил Ответчик. Потом они ушли туда, где нет места, но много расстояния».

— Как туда попасть? — закричал новорожденный девятнадцатый, уже исполненный знания.

— Как обычно.

И восемнадцать исчезли. А один остался, подавленно глядя на бесконечную протяженность ледяной звезды. Потом исчез и он.

— Древние предания не врут, — прошептал Морран. — Вот Ответчик.

Они вышли из подпространства в указанном легендами месте и оказались перед звездой, которой не было подобных. Морран придумал, как включить ее в классификацию, но это не играло никакой роли. Просто ей не было подобных.

Вокруг звезды вращались планета, тоже не похожая на другие. Морран нашел тому причины, но они не играли никакой роли. Это была единственная в своем роде планета.

— Пристегнитесь, сэр, — сказал Морран. — Я постараюсь приземлиться как можно мягче.

Шагая от звезды к звезде, Лек подошел к Ответчику, положил его на ладонь и поднес к глазам.

— Значит, ты Ответчик? — проговорил он.

— Да, — отозвался Ответчик.

— Тогда скажи мне, — попросил Лек, устраиваясь поудобнее в промежутке между звездами. — Скажи мне, что я есть?

— Частность, — сказал Ответчик. — Проявление.

— Брось, — обиженно проворчал Лек. — Мог бы ответить и получше... Теперь слушай. Задача мне подобных — собирать багрянец и сгребать его в кучу. Каково истинное назначение этого?

— Вопрос бессмысленный, — сообщил Ответчик. Он знал, что такое багрянец и для чего предназначена куча. Но объяснение таилось в большем объяснении. Лек не сумел правильно поставить вопрос.

Лек задавал другие вопросы, но Ответчик не мог ответить на них. Лек смотрел на все по-своему узко, он видел лишь часть правды и отказывался видеть остальное. Как объяснить слепому ощущение зеленого?

Ответчик и не пытался. Он не был для этого предназначен.

Наконец Лек презрительно усмехнулся и ушел, стремительно шагая в межзвездном пространстве.

Ответчик *знал*. Но ему требовался верно сформулированный вопрос. Ответчик размышлял над этим ограничением, глядя на звезды — не большие и не малые, а как раз подходящего размера.

«Правильные вопросы... Тем, кто построил Ответчик, следовало принять это во внимание, — думал Ответчик. — Им следовало предоставить мне свободу, позволить выходить за рамки узкого вопроса».

Восемнадцать созданий возникли перед Ответчиком — они не пришли и не прилетели, а просто появились. Поеживаясь в холодном блеске звезд, они ошеломленно смотрели на подавляющую громаду Ответчика.

— Если нет расстояния, — спросил один, — то как можно оказаться в других местах?

Ответчик *знал*, что такое расстояние и что такое другие места, но не мог ответить на вопрос. Вот суть расстояния, но она не такая, какой представляется этим существам. Вот суть мест, но она совершенно отлична от их ожиданий.

— Перефразируйте вопрос, — с затаенной надеждой посоветовал Ответчик.

— Почему здесь мы короткие, — спросил один, — а там длинные? Почему там мы толстые, а здесь худые? Почему звезды холодные?

Ответчик все это знал. Он понимал, почему звезды холодные, но не мог объяснить это в рамках понятий звезд или холода.

— Почему, — поинтересовался другой, — есть Закон восемнадцати? Почему, когда собираются восемнадцать, появляется девятнадцатый?

Но, разумеется, ответ был частью другого, большего вопроса, а его-то они и не задали.

Закон восемнадцати породил девятнадцатого, и все девятнадцать пропали.

Ответчик продолжал тихо бубнить себе вопросы, и сам на них отвечал.

— Ну вот, — вздохнул Морран. — Теперь все позади.

Он похлопал Лингмана по плечу — легонько, словно опасаясь, что тот рассыплется.

Старый биолог обессилел.

— Пойдем, — сказал Лингман. Он не хотел терять времени. В сущности, терять было нечего.

Одев скафандры, они зашагали по узкой тропинке.

— Не так быстро, — попросил Лингман.

— Хорошо, — согласился Морран.

Они шли плечом к плечу по планете, отличной от всех других планет, летящей вокруг звезды, отличной от всех других звезд.

— Сюда, — указал Морран. — Легенды верны. Тропинка, ведущая к каменным ступеням, каменные ступени — во внутренний дворик... И — Ответчик!

Ответчик представился им белым экраном в стене. На их взгляд, он был крайне прост.

Лингман сцепил задрожавшие руки. Наступила решающая минута его жизни, всех его трудов, споров...

— Помни, — сказал он Моррану, — мы и вообразить не в состоянии, какой может оказаться правда.

— Я готов! — восторженно воскликнул Морран.

— Очень хорошо. Ответчик, — обратился Лингман высоким слабым голосом,— что такое жизнь?

Голос раздался в их головах.

— Вопрос лишен смысла. Под «жизнью» Спрашивающий подразумевает частный феномен, объяснимый лишь в терминах целого.

— Частью какого целого является жизнь? — спросил Лингман.

— Данный вопрос в настоящей форме не может разрешиться. Спрашивающий все еще рассматривает «жизнь» субъективно, со своей ограниченной точки зрения.

— Ответь же в собственных терминах, — сказал Морран.

— Я лишь отвечаю на вопросы, — грустно произнес Ответчик.

Наступило молчание.

— Расширяется ли Вселенная? — спросил Морран.

— Термин «расширение» неприложим к данной ситуации. Спрашивающий оперирует ложной концепцией Вселенной.

— Ты можешь нам сказать хоть что-нибудь?

— Я могу ответить на любой правильно поставленный вопрос, касающийся природы вещей.

Физик и биолог обменялись взглядами.

— Кажется, я понимаю, что он имеет в виду, — печально проговорил Лингман. — Наши основные допущения неверны. Все до единого.

— Невозможно! — возразил Морран. — Наука...

— Частные истины, — бесконечно усталым голосом заметил Лингман. — По крайней мере, мы выяснили, что наши заключения относительно наблюдаемых феноменов ложны.

— А закон простейшего предположения?

— Всего лишь теория.

— Но жизнь... безусловно, он может сказать, что такое жизнь?

— Взгляни на это дело так, — задумчиво проговорил Лингман. — Положим, ты спрашиваешь: «Почему я родился под созвездием Скорпиона при прохождении через Сатурн?». Я не сумею ответить на твой вопрос *в терминах зодиака,* потому что зодиак тут совершенно ни при чем.

— Ясно, — помолчав, произнес Морран. — Он не в состоянии ответить на наши вопросы, оперируя нашими понятиями и предположениями.

— Думаю, именно так. Он связан корректно поставленными вопросами, а вопросы эти требуют знаний, которыми мы не располагаем.

— Следовательно, мы даже не можем задать верный вопрос?— возмутился Морран. — Не верю! Хоть что-то мы должны знать. — Он повернулся к Ответчику. — Что есть смерть?

— Я не могу определить антропоморфизм.

— Смерть — антропоморфизм! — воскликнул Морран, и Лингман быстро обернулся. — Ну наконец-то мы сдвинулись с места.

— Реален ли антропоморфизм?

— Антропоморфизм можно классифицировать экспериментально: как А — ложные истины, или В — частные истины — в терминах частной ситуации.

— Что здесь применимо?

— И то и другое.

Ничего более конкретного они не добились. Долгие часы они мучили Ответчик, мучили себя, но правда ускользала все дальше и дальше.

— Я скоро сойду с ума,— не выдержал Морран.— Перед нами разгадки всей Вселенной, но они откроются лишь при верных вопросах. А откуда нам взять эти верные вопросы?!

Лингман опустился на землю, привалился к каменной стене и закрыл глаза.

— Дикари — вот мы кто, — продолжал Морран, нервно расхаживая перед Ответчиком. — Представьте себе бушмена, требующего у физика, чтобы тот объяснил, почему нельзя пустить стрелу в Солнце. Ученый может объяснить это только своими терминами. Как иначе?

— Ученый и пытаться не станет, — едва слышно проговорил Лингман. — Он сразу поймет тщетность объяснения.

— Или вот как вы разъясните дикарю вращение Земли вокруг собственной оси, не погрешив против научной точности?

Лингман молчал.

— А, ладно... Пойдемте, сэр?

Пальцы Лингмана были судорожно сжаты, щеки впали, глаза остекленели.

— Сэр! Сэр! — затряс его Морран.

Ответчик знал, что ответа не будет.

Один на планете — не большой и не малой, а как раз подходящего размера — ждал Ответчик. Он не может помочь тем, кто приходит к нему, ибо даже Ответчик не всесилен.

Вселенная? Жизнь? Смерть? Багрянец? Восемнадцать?

Частные истины, полуистины, крохи великого вопроса.

И бормочет Ответчик вопросы сам себе, верные вопросы, которые никто не может понять.

И как их понять?

Чтобы правильно задать вопрос, нужно знать бо́льшую часть ответа.

СТАНДАРТНЫЙ КОШМАР

Космический пилот Джонни Безик состоял на службе в компании «Эс-Би-Си Эксплорейшнс». Он исследовал подступы к скоплению Сиргона, в то время совершенной terra incognita. Первые четыре планеты не показали ничего интересного. Безик приблизился к пятой, и начался стандартный кошмар.

Ожил корабельный громкоговоритель. Раздался низкий голос:

— Вы находитесь в окрестностях планеты Лорис. Очевидно, собираетесь произвести посадку?

— Верно,— подтвердил Джонни.— Как получилось, что вы говорите по-английски?

— Одна из наших вычислительных машин овладела языком на основе эмпирических данных, ставших доступными во время вашего приближения к планете.

— Ишь ты, недурно! — восхитился Джонни.

— Пустяки,— ответил голос.— Сейчас мы войдем в непосредственную связь с корабельным компьютером и введем параметры орбиты, скорость и другие сведения. Вы не возражаете?

— Конечно, валяйте! — сказал Джонни. Он только что впервые в истории Земли вошел в контакт с иным разумом. Так всегда и начинался стандартный кошмар.

Рыжеволосый, низенький, кривоногий Джонни Чарлз Безик выполнял свою работу добросовестно, компетентно и механически. Он был тщеславен, чванлив, невежествен, сварлив и бесстрашен. Короче говоря, изумительно подходил для исследований глубокого космоса. Лишь определенный тип человека может вынести умопомрачительную безбрежность пространства и грозящие шизофренией стрессы, вызванные опасностью неведомого. Тут нужен человек с огромным и незыблемым самомнением и воинственной самоуверенностью. Нужен кретин. Поэтому исследовательские корабли ведут люди, подобные Джонни, чье вопиющее самодовольство твердо опирается на безграничную самовлюбленность и поддерживается непоколебимым невежеством. Таким психическим обликом обладали конкистадоры. Кортес и горстка головорезов покорили империю ацтеков только потому, что так и не осознали невозможности этого предприятия.

Джонни развалился в кресле и наблюдал, как приборы на пульте управления регистрировали изменение курса и скорости. На видеоэкране появилась планета Лорис — голубая, зеленая, коричневая. Джонни Безик вот-вот встретит парней со своей улицы.

Чудесно, если эти парни, эти, выражаясь межгалактически, соседи — смышленые ребята. Но вовсе не так здорово, если они соображают намного лучше вас и при этом, возможно, сильнее, проворнее и более агрессивны. Подобным соседям может взбрести на ум сделать что-нибудь с вами. Разумеется, вовсе не обязательно будет так, но к чему кривить душой, мы живем в жестокой вселенной, и извечный вопрос — это кто наверху.

Земля посылала экспедиции, исходя из расчета, что если «где-то там» кто-то есть, то лучше пусть мы найдем их, чем они свалятся нам на голову одним тихим воскресным утром. Сценарий стандартного земного кошмара всегда начинался контактом с чудовищной цивилизацией. Потом шли варианты. Иногда инопланетяне оказывались высокоразвиты технически, иногда обладали невероятными психокинетическими способностями, иногда были глупы, но практически неуязвимы — ходячие растения, роящиеся насекомые и тому подобное. Обычно они были безжалостны и аморальны — не в пример хорошим земным парням.

Но это второстепенные детали. Лейтмотив кошмара постоянно одинаков: *Земля вступает в контакт с чужой могущественной цивилизацией, и они нас покоряют.*

Базик вот-вот узнает ответ на единственный вопрос, который серьезно волнует Землю: они нас или мы их?

Пока он не решался делать ставки...

Воздухом Лориса можно дышать, а вода годна для питья. Обитатели Лориса — гуманоиды. Несмотря на мнение нобелевского лауреата Сержа Бонблата, будто бы вероятность этого — 1 к 10^{93}.

Лорианцы при помощи гипнопедии преподали Безику свой язык и показали ему главный город Атисс. Чем больше Джонни наблюдал, тем становился мрачнее.

Лорианцы были приятными, уравновешенными и доброжелательными существами. За последние пять столетий их история не знала войн или восстаний. Рождаемость и смертность были надежно сбалансированны: населению многочисленно, но всем хватало места и возможностей. Существовали расовые отличия, однако никаких расовых проблем. Технически высокоразвитые, лорианцы с успехом соблюдали чистоту окружающей среды и экологическое равновесие. Каждый занимался любимой творческой работой, в то время как весь тяжелый труд выполняли саморегулирующиеся механизмы.

В столице Атисс — гигантском городе с фантастически красивыми зданиями, башнями, дворцами — было все: базары,

рестораны, парки, величественные скульптуры, кладбища, аттракционы, пирожковые, песочницы, даже прозрачная река. Все, что ни назови. И все бесплатно, включая пищу, одежду, жилье и развлечения. Каждый брал, что хотел, и отдавал, что хотел, и каким-то образом это уравновешивалось. Поэтому на Лорисе обходились без денег, а при отсутствии денег отпадала нужда в банках, казначействах и хранилищах. Даже замки не требовались: все двери на Лорисе открывались и закрывались по обыкновенному мысленному приказу.

В политическом отношении правительство отражало единый коллективный разум лорианцев. И коллективный этот разум был спокойным, мудрым, *благим*. Между желаниями общественности и действиями правительства не существовало расхождений, не возникало и задержек.

Более того, чем внимательнее Джонни всматривался, тем больше ему казалось, что Лорис вовсе не имел никакого правительства. Пожалуй, ближе всех к образу правителя подходил некто Веерх, руководитель Бюро Проектирования Будущего. А Веерх никогда не отдавал распоряжений — лишь время от времени выпускал экономические, социальные и научные прогнозы.

Безик узнал все это за несколько дней. Ему помогал специально назначенный гид по имени Хелмис, ровесник Джонни. Поскольку он обладал умом, терпимостью, сметкой, добротой, неисчерпаемым юмором, самокритичностью и прозорливостью, то Джонни его на дух не выносил.

Размышляя на досуге в роскошном номере гостиницы, Джонни понял, что лорианцы настолько близки к воплощению человеческих идеалов безупречности, насколько можно ожидать. Казалось, они олицетворяют абсолютно все достоинства. Но это никак не противоречило стандартному земному кошмару. Своенравные земляне попросту не желают плясать под дудку инопланетян, даже самых добродетельных, даже ради благополучия самой Земли.

Безик ясно видел, что лорианцы не любят лезть на рожон: они домоседы, не домогаются ничьих территорий, не хотят никого покорять, и само понятие «экспансия» им чуждо. Но, с другой стороны, они не могли не сообразить, что если не предпринять что-нибудь по отношению к Земле, то Земля уж точно предпримет что-нибудь по отношению к ним и из кожи вон вылезет, пытаясь это сделать.

Возможно, правда, что никаких трудностей не возникнет вовсе. Возможно, у народа столь мудрого, доверчивого и миролюбивого, как лорианцы, и в помине нет никакого оружия.

Но на следующий день, когда Хелмис предложил осмотреть Космический флот Древней Династии, Безик убедился в беспочвенности своих надежд.

Флоту было тысяча лет, и все семьдесят кораблей работали, как отлаженные часы.

— Торминш II, последний правитель Древней Династии, намеревался завоевать все обитаемые планеты,— пояснил Хелмис.— К счастью, наш народ созрел прежде, чем он успел начать исполнение своего замысла.

— Но корабли вы сохранили,— заметил Джонни.

Хелмис пожал плечами.

— Это памятник нашей прошлой безрассудности. Ну и, по правде сказать, если на нас вдруг все-таки нападут... попробуем отбиться.

— Думаю, небезуспешно,— промолвил Джонни. Он прикинул, что один такой корабль запросто справится со всем, что Земля сможет вывести в космос в ближайшие два столетия.

Такова была жизнь на Лорисе — точь-в-точь какой ей следовало быть по сценарию стандартного кошмара. Слишком хороша для правды. Идеальна. Ужасающе, отвратительно идеальна.

Но уж так ли она безупречна? Джонни в полной мере обладал свойственной землянам верой в то, что на каждое достоинство есть соответствующий порок. Сию мысль он обычно выражал следующим образом: «Где-то здесь должна быть лазейка». Даже в раю господнем дела не могут идти гладко.

Безик наблюдал, критически взвешивал, сопоставлял. У лорианцев была полиция. Их называли «наставниками», и вели они себя чрезвычайно вежливо. Но, по существу, были полицейскими. Это указывало на существование преступников.

Хелмис развеял выводы Джонни.

— У нас, разумеется, есть отдельные случаи генетических отклонений от нормы, но вовсе нет преступного мира. Наставники занимаются, скорей, образованием, чем отправлением закона. Любой гражданин вправе поинтересоваться мнением наставника по каким-либо нюансам личного поведения. А уж если он ненароком нарушит закон, наставник на это укажет.

— А потом арестует?

— Нет! Гражданин извинится, и инцидент будет исчерпан.

— Но что, если гражданин нарушает закон снова и снова? Как тогда поступают наставники?

— Такого никогда не бывает.

— И все-таки?

— Наставники способны действовать эффективно при любых обстоятельствах.

— Больно они хлипкие,— сомнительно пробормотал Джонни. Что-то мешало ему убедиться в правоте слов Хелмиса до конца. Скорее всего, он просто не мог позволить себя убедить. И все же... Дела на Лорисе шли. Шли потрясающе здорово. Они не шли потрясающе здорово только у Джонни Безика. Это потому, что он был землянином — иными словами, неуравновешенным дикарем. А еще потому, что Джонни с каждым днем становился все более мрачным и свирепым.

Кругом царили радость и совершенство. Наставники вели себя, как скромные и деликатные девушки. На дорогах никогда не бывало пробок, никто не портил друг другу нервы. Миллионы автоматических систем доставляли в город жизненно важные продукты и вывозили отходы. Люди блаженствовали, наслаждались общением с окружающими и занимались искусством.

И все так благоразумны! Так дружелюбны! Так доброжелательны! Так красивы и умны!

Да, это был настоящий рай. Даже Джонни Безик не мог не признать этого. Его и без того дурное настроение портилось все больше и больше. Вам, вероятно, трудно это понять — если вы сами, случайно, не с Земли.

Оставьте такого, как Джонни, в месте, подобном Лорису, и потом не расхлебаете неприятностей. Почти две недели Джонни держал себя в руках. Затем в один прекрасный день, сидя за рулем (автомобиль был на ручном управлении), он сделал левый поворот, не подав сигнала.

Машина сзади как раз увеличила скорость, собираясь обходить слева. Резкий поворот Джонни едва не привел к столкновению. Машины завертелись и остановились нос к носу. Джонни и другой водитель вылезли.

— Ну и ну, дружище!...— весело сказал водитель.— Мы едва не треснулись.

— Какое там треснулись, к чертовой матери!— рявкнул Джонни.— Ты меня подрезал.

Водитель доброжелательно рассмеялся.

— По-моему, нет. Хотя, разумеется, я признаю возможность...

— Послушай,— перебил Джонни.— Из-за твоей проклятой невнимательности мы оба могли отправиться на тот свет.

— Но вы, безусловно, находились впереди, а делать внезапный поворот...

Джонни резко подался вперед и угрожающе прорычал:

— Не городи чепухи, парень. Сколько раз повторять, что ты неправ?!

Водитель опять рассмеялся, пожалуй, с некоторой нервозностью.

— Я предлагаю вопрос виновности вынести на суд свидетелей,— кротко произнес он.— Убежден, что все эти стоящие здесь славные люди...

Джонни покачал головой.

— Мне не нужны никакие свидетели,— заявил он.— Я *знаю*, что произошло. Я *знаю*, что виноват ты.

— Похоже, вы совершенно уверены...

— Еще бы я не был уверен!— возмутился Джонни.— Я уверен, потому что знаю.

— Что ж, в таком случае...

— Ну?

— В таком случае,— молвил водитель,— мне остается лишь извиниться.

— Да уж, по меньшей мере,— сказал Джонни, величаво прошел к машине и умчался на недозволенной скорости.

После этого Безик почувствовал некоторое облегчение, но стал еще более непокорным и упрямым. Он был сыт по горло превосходством лорианцев, его тошнило от их рассудительности, от их добродетелей.

Он вернулся в номер с двумя бутылками бренди, выпускавшегося в медицинских целях, пил и предавался мрачным раздумьям. Пришел советник по этике и указал, что поведение Джонни было вызывающим, невежливым и диким. Он изложил все в очень тактичной форме.

Джонни посоветовал ему убраться восвояси. Нельзя сказать, что Безик был особо безрассуден — для землянина. Оставь его в покое, дня через два он наверняка почувствовал бы раскаяние.

Советник продолжал выговаривать. Он рекомендовал лечение. Он даже настаивал на лечении: Джонни чересчур подвержен злости и агрессивному настроению, он являет угрозу для граждан.

Джонни велел советнику сгинуть. Советник отказался сгинуть и оставить проблему неразрешенной. Джонни разрешил проблему, вытолкав его за дверь.

Потрясенный советник поднялся на ноги и из-за двери поставил Джонни в известность, что до выяснения обстоятельств дела ему придется смириться с изоляцией.

— Только попробуйте,— многообещающе заявил Джонни.

— Вы не беспокойтесь,— обнадежил советник.— Это ненадолго и не будет связано с неприятными ощущениями. Мы осознаем культурные различия между нами. Но мы не можем допустить неконтролируемое и необоснованное насилие.

— Если вы не станете меня заводить, я не выйду из себя,— сказал Джонни.— Главное, не ерепеньтесь и не вздумайте меня запирать.

— Наши правила абсолютно ясны. Скоро сюда придет наставник. Я предлагаю вам с ним не спорить.

— Похоже, вы напрашиваетесь на неприятности,— заметил Джонни.— Ладно, малыш. Делайте, что считаете нужным. И я буду делать, что считаю нужным.

Советник удалился. Джонни пил и размышлял. Пришел наставник. Как официальный представитель закона, наставник ожидал от Джонни беспрекословного повиновения. Когда Джонни отказался, он был ошеломлен. Так не положено! Наставник ушел за новыми указаниями.

Джонни продолжал пить. Через час наставник вернулся и сообщил, что он наделен полномочиями увести Джонни силой, если потребуется.

— Это правда?— спросил Джонни.

— Да, так что не принуждайте меня...

Джонни вышвырнул его, тем самым избавив от необходимости применить силу.

Безик покинул номер на не совсем твердых ногах. Он знал, что нападение на наставника — тяжкий проступок. Так просто ему не выкрутиться. Он решил вернуться на корабль и убраться подобру-поздорову. Они, конечно, могут помешать взлету или уничтожить его в воздухе, но вряд ли станут утруждать себя. Они наверняка будут только рады избавиться от него.

Безик достиг корабля без приключений. Вокруг суетились два десятка рабочих. Он сказал мастеру, что хочет немедленно взлететь. Тот был чрезвычайно расстроен, что не может услужить. Двигатель разобран, его прочищают и модернизируют — скромный дружеский дар лорианского народа.

— Дайте нам еще пять дней, и у вас будет самый быстрый корабль к западу от Ориона,— пообещал мастер.

— Чертовски мне это пригодится,— прорычал Джонни.— Послушайте, я страшно спешу. Не могли бы вы поставить мне двигатель поскорее?

— Работая круглосуточно и без перерывов на обед, мы постараемся управиться за три с половиной дня.

— Просто великолепно,— выдавил Джонни.— Кто велел вам трогать мой корабль?

Мастер принес извинения. Джонни взбесился еще больше. Очередной акт бессмысленного насилия был предотвращен прибытием четырех наставников.

Безик оторвался от преследования в лабиринте извивающихся улочек, заблудился сам. Над ним возвышалась аркада. Сзади появились два наставника. Безик побежал по узким каменным коридорам. Вскоре путь его преградила закрытая дверь.

Он приказал ей открыться. Дверь оставалась закрытой — очевидно, по указанию наставников. В ярости Безик повторил приказ. Мысленная команда была столь сильна, что дверь с грохотом распахнулась, как и все прочие двери в непосредственном окружении. Джонни убежал от наставников и остановился перевести дыхание на замшелой мостовой.

Долго так продолжаться не может. Необходимо разработать план. Но какой план способен выручить одного землянина, преследуемого целой планетой лорианцев? Шансы слишком неразны, даже для конкистадора, каковым по духу был Джонни.

И вдруг, совершенно самостоятельно, Джонни родил идею, которую использовал Кортес и которая спасла шкуру Писарро. Он решил найти здешнего правителя и пригрозить ему смертью, если его люди не успокоятся и не прислушаются к голосу разума.

У плана был только один изъян — этот народ не имел правителя. Самая нечеловеческая черта лорианцев.

Тем не менее, у них было несколько важных чиновников. Например, Веерх. Конечно, подобную шишку положено охранять. Однако обитатели сумасшедшего дома под названием Лорис, наверное, попросту не додумались до этого.

Дружелюбный прохожий сообщил ему адрес. До Бюро Проектирования Будущего оставалось четыре квартала, когда Безика остановил отряд из двадцати наставников.

Они неуверенно потребовали, чтобы он сдавался. Джонни пришло в голову, что, хотя в аресте людей заключается смысл их работы, производить его им наверняка приходилось впервые. В первую очередь, это были миролюбивые, рассудительные граждане, и лишь во вторую — полицейские.

— Кого вы хотите арестовать? — спросил он.

— Чужеземца по имени Джонни Безик,— ответил старший наставник.

— Я рад это слышать,— сказал Джонни.— Он причинил мне немало неприятностей.

— Но разве вы не...

Джонни рассмеялся.

— Не я ли тот опасный чужеземец? Мне жаль вас разочаровывать, но вынужден ответить отрицательно. Я знаю, однако, о нашем сходстве.

Наставники стали обсуждать создавшееся положение.

Джонни продолжал:

— Послушайте, друзья, я родился вот в этом доме. Меня могут опознать двадцать человек, включая жену и четырех детей. Какие вам еще нужны доказательства?

Наставники снова засовещались.

— Более того,— не унимался Джонни,— неужели вы искренне полагаете, что я действительно опасный и неудержимый преступник? По-моему, здравый смысл должен подсказать вам...

Старший наставник извинился.

Джонни продолжил путь. От цели его отделял всего квартал, когда появилась новая группа наставников в сопровождении его бывшего гида, Хелмиса.

Они призвали Джонни сдаваться.

— У меня нет времени, — заявил Безик.— Ваши приказы отменены. Я уполномочен сейчас же открыть свою истинную личность.

— Мы знаем вашу истинную личность,— сказал Хелмис.

— Если б вы знали, мне не пришлось бы ее открывать, не так ли? Слушайте внимательно. Я лорианец, много лет назад обученный агрессивности для особого задания. Это задание теперь выполнено. Я вернулся как планировалось — и провел несколько простейших тестов с целью проверки психологической атмосферы на Лорисе. Вам известны результаты. Они удручающи, с точки зрения выживания расы. Я обязан немедленно обсудить эту проблему и другие высокие материи с Главным Проектировщиком Бюро Проектирования Будущего. Могу сообщить вам совершенно конфиденциально, что наше положение крайне серьезно и не оставляет времени на раздумья.

Сбитые с толку наставники попросили Джонни подтвердить свое заявление.

— Я же сказал, что дело не терпит промедления. С удовольствием все подвердил бы — если бы было время.

— Сэр, без приказа не можем позволить вам уйти.

— В таком случае, вероятная гибель нашей планеты лежит на вашей совести.

— Какое у вас звание, сэр? — спросил офицер-наставник.

— Выше, чем у вас,— быстро ответил Джонни.

Офицер пришел к решению.

— Что прикажете, сэр?

Джонни улыбнулся.

— Сохраняйте спокойствие. Пресеките панику. Ждите дальнейших указаний.

Безик уверенно продолжил свой путь. Он достиг двери Бюро и приказал ей открыться. Дверь открылась. Он собирался пройти...

— Поднимите руки и отойдите от двери!— раздался жесткий голос сзади.

Безик обернулся и увидел группу из десяти наставников. Все десять были одеты в черное и держали оружие.

— Мы имеем право стрелять,— предупредил один из них.— Не пытайтесь нас обмануть. Нам приказано не обращать внимания на ваши слова и любой ценой произвести арест.

— Не имеет смысла убеждать вас, да?

— Никакого. Идите.

— Куда?

— Специально для вас мы открыли одну из древних тюрем. Вам будут созданы все условия. Судья займется вашим делом, учитывая инородство и низкий уровень культуры. Вы, безусловно, получите предупреждение и немедленно покинете Лорис.

— Это вовсе не плохо. Я в самом деле отделаюсь так легко?

— Нас в этом заверили,— сказал наставник.— Мы разумные и сострадательные люди. Ваше доблестное сопротивление высоко оценено.

— Благодарю.

— Но теперь с этим покончено. Вы пойдете с нами по доброй воле?

— Нет.

— Простите, не понимаю.

— Вы много чего не понимаете обо мне и землянах. Я намерен войти в эту дверь.

— Если попытаетесь, мы будем стрелять.

Существует единственный безошибочный способ отличить тип истинного конкистадора, настоящего берсерка, искреннего камикадзе или крестоносца от обычных людей. Обычно люди, столкнувшись с невероятной ситуацией, склонны к компромиссу, к выжиданию более благоприятных условий для схватки. Но только не Писарро, не Готфрид Бульонский, не Гарольд Гардрадас, не Джонни Безик. Они одарены великой глупостью. Или великой храбростью. Или и тем, и другим вместе.

— Ладно,— сказал Джонни.— Стреляйте, черт с вами.

И вошел в дверь. Наставники не стреляли. Идя по коридорам Бюро Проектирования Будущего, Джонни слышал, как они спорили за его спиной.

Вскоре он оказался лицом к лицу с Веерхом, Главным Проектировщиком. Веерх был спокойным маленьким человечком с лицом престарелого эльфа.

— Здравствуйте,— сказал Главный Проектировщик.— Садитесь. Я закончил прогноз взаимоотношений между Землей и Лорисом.

— Оставьте его при себе,— посоветовал Джонни.— У меня есть парочка незатейливых просьб, которые, я уверен, вы с радостью выполните. Иначе...

— Полагаю, вам было бы интересно,— перебил Веерх,— что мы экстраполировали черты вашего народа и сравнили с нашими. Похоже, между нами неминуемо произойдет столкновение в борьбе за господство. Инициаторами, естественно, явитесь вы. Вы, земляне, попросту не успокоитесь, пока не выясните, кто здесь главный. Исход неизбежен, учитывая ваш уровень развития.

— Чтобы прийти к такому же выводу, мне не потребовались ни высокий пост, ни причудливый титул,— сказал Джонни.— Теперь слушайте...

— Я не закончил. С точки зрения развития техники, у вас нет ни единого шанса. Мы можем в два счета уничтожить любой ваш флот.

— Выходит, вам не о чем беспокоиться.

— Но техника не имеет такого значения, как психология. Вы, земляне, достаточно развиты и не будете бросаться на нас в лоб. Пойдут переговоры, угрозы, нарушения, снова переговоры, нападения, объяснения, вторжения, битвы и тому подобное. Мы не в состоянии делать вид, будто вас не существует, и отказываться сотрудничать с вами, желая найти более разумное и справедливое решение. Это так же невозможно для нас, как для вас — оставить нас в покое. Мы — прямые, безмятежные и честные люди. Ваш же народ агрессивен, неуравновешен и способен на поразительное коварство. Учитывая все обстоятельства, мы *психологически* не сможем вам противостоять.

— Гмм, проклятье!— произнес Джонни.— Чертовски странно слышать такие слова. Наверное, глупо с моей стороны давать советы, но посудите сами, если вы все это понимаете, почему бы вам не приспособиться? Заставить себя стать такими, какими вам необходимо сейчас стать?

— Как вы? — спросил Веерх.

— Нет, я не смог приспособиться. Но я же в подметки не гожусь по уму вам, лорианцам.

— Ум тут ни при чем,— сказал Главный Проектировщик.— Никто не может мгновенно изменить свою культуру по собственному желанию. Но, положим, нам удастся переделать себя. Мы станем такими же, как вы. По правде говоря, нам это не понравится.

— Не могу вас винить,— признался Джонни.

— Предположим даже, совершится чудо, и наш народ станет воинственным,— все равно мы не сможем за несколько лет дос-

тичь уровня, к которому вы шли тысячелетия по пути агрессивного развития. Несмотря на превосходство в вооружении, мы, по всей вероятности, потерпим поражение, играя в вашу игру вашими же правилами.

Джонни моргнул. Он и сам об этом думал. Лорианцы просто чересчур доверчивы, чересчур наивны. Не составит труда, прикрываясь какими-нибудь мирными переговорами, внезапно захватить один из их кораблей. Может быть, два или три. Потом...

— Я вижу, вы пришли к тому же заключению,— заметил Веерх.

— Боюсь, вы правы,— сказал Джонни.— Мы действительно рвемся к первенству куда более рьяно, чем вы. Лорианцы слишком честные и милые люди, и будут играть по правилам, даже если дело пойдет о жизни или смерти. А мы, земляне, не очень-то церемонимся и ради победы не побрезгуем ничем.

— Таковы результаты нашей экстраполяции,— заключил Веерх.— Так что мы решили просто-напросто сэкономить время и сейчас же сделать вас нашим главой.

— Что?!

— Мы хотим, чтобы вы нами правили.

— Лично я?

— Да. Лично вы.

— Это, конечно, шутка,— пробормотал Джонни.

— Тут совершенно не до шуток,— твердо сказал Веерх.— И мы, лорианцы, никогда не лжем. Я сообщил вам наш прогноз. Самое разумное — избавить себя от болезненных усилий и лишений и немедленно принять неизбежное. Вы согласны править нами?

— Чертовски лестное предложение,— проговорил Джонни.— Я вряд ли подхожу... Но какого дьявола?.. Тут вообще никто не подойдет... Ладно, придется заняться вашей планетой. Я буду милостивым правителем, потому что вы мне по душе.

— Благодарим вас,— сказал Веерх.— Вы убедитесь, что управлять нами легко, пока вы не требуете психологически невыполнимого. Но вот ваши соотечественники могут оказаться не такими покладистыми. Им это не понравится.

— Мягко говоря...— иронично усмехнулся Джонни.— Правительства Земли не знали такого потрясения за всю историю. Они в лепешку расшибутся, чтобы сместить меня и поставить одного из своих парней. Но ведь вы, лорианцы, меня поддержите.

— Вам известна наша натура. Мы не станем драться за вас, как не станем драться за себя. Мы будем подчиняться наделенному властью лицу.

— Пожалуй, большего ожидать нельзя,— произнес Джонни.— Мне видятся определенные сложности... Надо, вероятно, пос-

ветоваться, создать организацию, прощупать обстановку в конгрессе...

Джонни замолчал.

— Нет, что-то не так... Я не до конца логичен. Дело сложнее, чем мне казалось. Я не все продумал.

— К сожалению, бессилен вам помочь,— сказал Главный Проектировщик.— Должен признаться, тут я ничего не понимаю.

Джонни нахмурился. Потер лоб. Почесал голову. Потом проговорил:

— Да... Что ж, мне ясно, что делать. А вам?

— Я полагаю, есть много разумных путей.

— Только один,— отчеканил Джонни. - Рано или поздно, но я должен завоевать Землю. Иначе они завоюют меня. То есть, нас. Разве не очевидно?

— Весьма вероятное предположение.

— Это сущая правда! Или я, или они.

После некоторого молчания Джонни продолжил:

— Мне такое и привидеться не могло. Меньше чем за две недели — от простого космонавта до императора могущественной планеты. А теперь мне предстоит покорить Землю, и к этой мысли я еще не привык. Впрочем, им будет только лучше. Мы принесем цивилизацию этим обезьянам, научим их, как надо жить. Пройдет время, и они нас возблагодарят.

— У вас есть приказания для меня?— спросил Веерх.

— Я желаю получить все сведения о флоте Древней Династии. Но раньше, пожалуй, надо провести коронацию. Нет, сперва референдум, провозглашающий меня императором, а потом коронацию. Вы сможете все устроить?

— Я приступаю немедленно,— сказал Главный Проектировщик.

Так разразился, наконец, тот самый стандартный земной кошмар. Высокоразвитая инопланетная цивилизация вознамерилась насадить на Земле свою культуру. На Лорисе — иная ситуация. Лорианцы, прежде беззащитные, обрели воинственного командира и вскоре подыщут наемников для космического флота. Что не сулит Земле ничего хорошего, но вовсе не вредит Лорису.

Это, разумеется, неизбежно. Ибо лорианцы развиты и разумны. А в чем же цель истинного разума, как не в том, чтобы обладать истинно желаемым, но не принимать за него ошибочно обыкновенную тень...

ЗАПИСКИ О ЛАНГРАНАКЕ

1

Нельзя описать это место, не описав себя. Но нельзя описать себя, не описывая это место. Так с чего же начать? Наверное, мне следует описывать нас вместе. Но я сомневаюсь, что сумею это сделать. Вероятно, я вообще не способен что-либо описывать.

Все же, я нахожусь на чужой планете — ситуация, которая обычно считается интересной. Моя личность тоже представляет интерес. И уж, во всяком случае, я способен записать свои впечатления.

Пожалуй, надо начать с описания своей неспособности что-либо описывать. Но это я уже кое-как сделал.

2

Я решил начать со шпилей.

Здешний главный город называется Лангранак. Он примечателен своими шпилями. С вершины горы в пяти милях от города кажется, что он целиком состоит из шпилей — разных форм, размеров и цветов. В Венеции и Стамбуле, я слышал, тоже много шпилей. Шпили, независимо от своих качеств, оказывают приятное эстетическое воздействие. Шпили Лангранака выглядят совершенно *чужими*. По-моему, это все, что я должен сказать о шпилях.

3

Я — человек с Земли, среднего роста и сложения, один из очень многих. Моя необычность заключается в том, что я нахожусь на чужой планете.

Большую часть времени я провожу в своем корабле. Сколько усилий было приложено, чтобы сделать его удобным и уютным! Я чувствую себя здесь как дома. Раньше я смеялся над американским стилем, сейчас перестал. Мне нравится пиццераздаточная машина и фонтанчик кока-колы. Хот-доги — будто прямо от «Натана». Только кукурузные початки, жареные на масле, еще не на уровне. Пока эту проблему не решили

4

Здесь почти ничего не происходит. Об этом я предпочел бы не упоминать. Рассказ, по моему представлению, должен быть насыщен приключениями и загадками; именно такие истории мне нравится читать. Но со мной ничего не случается. Вот я — на чужой планете, среди чужих существ,— и *ничего* не происходит. Тем не менее, я верю, что рассказ у меня выйдет. Ведь все ингредиенты налицо.

5

Вчера я имел беседу с мэром Ланграпака. Мы обсуждали проблемы космической дружбы и сошлись на том, что наши народы должны быть друзьями. Кроме того, говорили о межзвездной торговле, которую одобрили в принципе. Но при конкретном обсуждении выяснилось: мы не многое можем предложить из того, что хотят они, и наоборот. Совершенно недостаточно, чтобы оправдать высокую стоимость транспортировки. Понимаете, в их распоряжении целая планета. То же и у нас. Так что соглашение осталось чисто теоретическим.

Гораздо больше возможностей у программы туристического обмена. И они, и мы — все любят путешествовать. Цены, разумеется, фантастические, но некоторым по карману. Во всяком случае, начало будет положено.

6

Я очень много читаю. Прочитал массу книг по дзен-буддизму, йоге, тибетскому и хинди мистицизму. «Входите в тишину как можно чаще, оставайтесь в ней как можно дольше». Вот и весь смысл, честное слово. Способы предохранения личности от болтовни и суматохи.

«Однонаправленность». Я хочу достичь ее страстно, да мозгмой не желает покоя. Приходят какие-то мысли, ощущения. Иногда удается: бренный мир отступает, я отрешаюсь минут на пять... Но это не приносит удовлетворения. Полагаю, мне нужен гуру. Я даже прикидывал, не поискать ли наставника здесь. Однако вряд ли игра стоит свеч — слишком мало мне осталось времени. Вот так всегда.

7

Вчера ночью было затмение. Я собирался наблюдать его, но задремал над книгой и проспал. Ну и ладно. Все засняли автоматические камеры, просмотрю позже.

8

Ничего здесь не кажется странным, честно. Люди продают и покупают. Работают кто где. Попадаются нищие. Вполне постижимый мир. Конечно, я не все понимаю; но я и дома не все понимал. Хотел бы я сказать: «Что эти люди творят — просто уму непостижимо!». Но нет ничего непостижимого и невероятного. Они выполняют свою работу и живут своей жизнью, и я делаю то же самое, и все это кажется совершенно нормальным. Приходится напоминать себе, что я нахожусь на чужой планете. Не то, что я могу забыть, разумеется. Просто никак не проникнусь чувством удивления.

9

Сегодня взял себя в руки и отправился на руины. Мне усиленно рекомендовали их посетить, и я рад, что выбрался. Развалины — считается, что они принадлежат исчезнувшей несколько тысячелетий назад цивилизации — расположены приблизительно в десяти милях от пригородов Лангранака. Они занимают большую площадь. Я осмотрел три главные башни, частично реставрированные. Стены украшены тонкой резьбой и барельефами разных животных, которых, как сообщил мой гид, на самом деле не существует. Кроме того, видел статуи, очень стилизованные. Гид рассказал, что им когда-то поклонялись как божествам. Еще там есть лабиринты, некогда имевшие религиозное значение.

Все это я фотографировал. Условия освещенности средние. Снимал аппаратом «Никон», через 50-миллиметровый объектив, иногда ставил 90-миллиметровый.

Гид указал на любопытный факт: среди массы изображений нигде не встречается параллелограмм. Строители этих руин, вероятно, считали его эстетически невыдержанным. А может, это было религиозным табу? Не исключено, однако, что они просто не открыли форму параллелограмма, хотя широко пользовались квадратом и треугольником. Точно никому не известно.

Исследования продолжаются. Прояснение этого вопроса во многом облегчит понимание психологии древнего загадочного народа.

10

Сегодня праздник. Я пошел в город и сидел в одном из ресторанчиков, пил то, что здесь считается кофе, и наблюдал за

прохожими. Очень красочное зрелище. Согласно брошюре, в этот день отмечают годовщину важной военной победы над соседней страной. Теперь оба государства поддерживают дружеские отношения.

11

В городе живут три основные группы людей. Старые обитатели, вроде англичан; эмигранты первой волны похожи на французов, а позднейшие эмигранты — на турок. Между этими группами существуют трения. Народную одежду, когда-то очень популярную, сейчас носят только по особым праздникам. Все жалеют об уходе этого обычая.

12

Иногда, вечерами, меня охватывает тоска. Тогда я не могу уснуть. Я читаю и слушаю записи, смотрю кино по корабельному проектору. Потом принимаю снотворное. Вероятно, скучаю по дому. Впрочем, я и дома так себя чувствовал. И принимал снотворное.

13

Боюсь, что это не очень интересная планета. Говорят, в другом полушарии гораздо лучше. Но вряд ли я туда отправлюсь. Договор о дружбе подписан, моя работа выполнена. Пожалуй, пора улетать. Весьма жаль, что этот мир оказался совсем не экзотическим местом. Надеюсь, в следующий раз мне повезет больше.

ГОРОД — МЕЧТА, ДА НОГИ ИЗ ПЛОТИ

1

Кармоди никогда всерьез не думал уезжать из Нью-Йорка. И почему он так поступил — непонятно. Прирожденный горожанин, он давно свыкся с неудобствами жизни в крупном центре. В его уютной квартирке на 290-ом этаже, оборудованной по последней моде «Звездолет», стояли двойные герметизированные рамы и фильтрующие воздухозаборники, которые отключались, когда Общий показатель загрязнений атмосферы поднимался до 999,8. Кислородно-азотная рециркуляционная система, безусловно, не блистала новизной, но была надежной. Устройство для очистки воды безнадежно устарело, спору нет, но, в конце концов, кто пьет воду?

Даже с шумом, непрерывным и вездесущим, Кармоди свыкся, так как знал, что спасения нет, ибо древнее искусство звукоизоляции давно утрачено. Таков уж удел горожанина — вечно слушать бульканье в трубах, ссоры и музыку у своих соседей. Однако и эту пытку можно облегчить, самому производя анологичные звуки.

Конечно, кое-какие опасности подстерегали каждый день по пути на работу; но, скорее, мнимые, чем реальные. Загнанные в угол снайперы продолжали свои тщетные протесты с крыш, и время от времени им удавалось подстрелить какого-нибудь ротозея-приезжего. Как правило, все же, они безбожно мазали. Повсеместное ношение легких пуленепробиваемых поддевок вырвало, образно выражаясь, у несчастных снайперов жало, а неукоснительное соблюдение запрета на покупку пушек окончательно поставило на них крест.

Таким образом, ни один из этих факторов не мог вызвать неожиданного решения Кармоди покинуть Нью-Йорк, по общему мнению — самый увлекательный город в мире. Взыграли пасторальные фантазии, не иначе. Либо случайный порыв. Либо просто из вредности.

В общем, как-то раз Кармоди развернул «Дэйли Таймс Ньюс» и заметил рекламу образцового города в Нью-Джерси. «Приезжайте жить в Бельведер — в город, который о вас позаботится», — приглашала газета. Далее шли утопические обещания, которые нет нужды приводить здесь.

— Черт побери!— сказал Кармоди.— Приеду.

Так он и сделал.

2

Дорога вышла на опрятную зеленую равнину. Кармоди вылез из машины и огляделся. В полумиле впереди он увидел городок; скромный дорожный знак гласил: «Бельведер».

Построен Бельведер был не в традиционно-американской манере — с кольцом бензоколонок, щупальцами бутербродных, каймой мотелей и защитным панцирем свалок,— скорее, наподобие раскинутых на холмах итальянских городков, что поднимаются сразу, без преамбул.

Кармоди это пришлось по душе. Он двинулся вперед и вскоре вошел в город.

Бельведер казался сердечным и доброжелательным, щедро предлагал свои улицы, откровенно распахивал широкие витрины. Проходя по городу, Кармоди открывал для себя все новые и новые прелести. Например, площадь, похожую на Римскую, только поменьше размером. Посреди площади был фонтан с мраморной скульптурой мальчика и дельфина; из пасти дельфина истекала струйка чистой воды.

— Надеюсь, Вам нравится? — раздался голос из-за левого плеча Кармоди.

— Очень мило,— согласился Кармоди.

— Я сам все сделал и установил,— сообщил голос.— Убежден, что фонтан, несмотря на архаичность замысла, эстетически функционален. А площадь в целом, вместе со скамейками и тенистыми каштанами,— точная копия площади в Болонье. Меня не сдерживал страх выглядеть старомодным. Истинный художник использует все необходимые средства, будь они тысячелетней давности или только что появились.

— Полностью с вами согласен,— сказал Кармоди.— Позвольте представиться. Я — Эдвард Кармоди.

И с улыбкой повернулся.

Но за левым плечом никого не оказалось, как, впрочем, и за правым. На площади вообще никого не было.

— Прошу прощения,— произнес голос.— Я не хотел Вас удивлять. Я думал, Вы знаете.

— Что знаю?— спросил Кармоди.

— Ну, про меня.

— Выходит, не знаю. Кто вы? Откуда говорите?

— Я голос Города,— сказал голос.— Иными словами, с Вами говорит сам Бельведер, истинный и подлинный.

— Неужели?— язвительно поинтересовался Кармоди. И сам себе ответил:

— Да, очевидно. Что ж, город так город. Большое дело!

Он отвернулся от фонтана и прогулочным шагом пошел по площади, словно разговаривал с городами каждый день и сыт этим по горло. Он бродил по улицам и проспектам, заглядывал в витрины, рассматривал здания, а у одной статуи даже остановился, но ненадолго.

— Ну как?— спросил чуть погодя голос Бельведера.

— Что как?— тут же отозвался Кармоди.

— Как я Вам нравлюсь?

— Нормально,— ответил Кармоди.

— Всего лишь нормально? Это все?

— Послушай,— рассудительно произнес Кармоди,— город есть город. Увидишь один, считай, что видел все.

— Неправда!— обиженно воскликнул Бельведер.— Я разительно отличаюсь от других городов! Я уникален!

— Неужто?— презрительно фыркнул Кармоди.— Мне ты представляешься просто кучей разнородных частей. У тебя итальянская площадь, несколько типично греческих зданий, ряд готических сооружений, нью-йоркский многоквартирный дом в старом стиле, калифорнийская бутербродная и бог весть что еще. Где тут уникальность?

— Уникальна сама комбинация, рождающая исполненное смыслом единое целое,— ответил Город.— Составные части, даже из прошлых эпох, вовсе не анахронизмы. Каждая символизирует определенный уклад и, как таковая, вполне уместна в тщательно продуманном образе жизни. Не угодно ли немного кофе и, быть может, бутерброд или свежие фрукты?

— Пожалуй, кофе,— сказал Кармоди.

Он позволил Бельведеру провести себя за угол в кафе, расположенному прямо на улице. Кафе как две капли воды походило на салун времен Веселых девяностых, от механического пианино до канделябров из граненого стекла. Как и все остальное в городе, оно было безукоризненно чистым, но совершенно безлюдным.

— Приятная атмосфера, Вы не находите?— спросил Бельведер.

— Сойдет,— бросил Кармоди.— На любителя.

На столик перед Кармоди опустился поднос из нержавеющей стали, на котором стояла чашка пенящегося кофе «капуцин». Кармоди сделал глоток.

— Хороший кофе?— поинтересовался Бельведер.

— Да, весьма.

— Я горжусь своим кофе,— тихо промолвил Город.— И своей стряпней. Не угодно ли чего-нибудь отведать? Омлет, например, или суфле?

— Ничего,— отрезал Кармоди. Он откинулся на спинку кресла и вздохнул.— Значит, ты образцовый город?

— Да, имею честь быть образцовым,— чопорно ответил Бельведер.— Причем самой последней и, убежден, лучшей модели. Меня создала объединенная исследовательская группа из Йеля и Чикагского университета на субсидии Рокфеллеровского фонда. Детальной разработкой занимались, в основном, в Массачусетском технологическом институте, хотя отдельные проблемы решали в Принстоне и в корпорации «РЭНД». Строительство вел «Дженерал Электрик», а финансировали Форд, фонд Карнеги и еще некоторые организации, пожелавшие остаться неизвестными.

— Любопытная у тебя история,— с оскорбительной небрежностью заметил Кармоди.— А там, через дорогу, не готический ли собор?

— Видоизмененный романский,— сообщил Город,— рассчитанный на все вероисповедания. Вместимость триста человек.

— Не сказал бы, что много — для такого-то домищи!

— Строго в соответствии с замыслом. Моей целью было добиться сочетания внушительного с уютным.

— А где, между прочим, жители этого города?— спросил Кармоди.

— Они все ушли,— скорбно произнес Бельведер.— Они покинули меня.

— Почему?

После короткой паузы Город ответил:

— В отношениях между мной и населением имел место досадный сбой. Точнее, даже недоразумение. Пожалуй, следует сказать, целый ряд недоразумений. Подозреваю, и подстрекатели сыграли свою роль.

— Но что именно произошло?

— Не знаю,— признался Город.— Честно, не знаю. Все просто ушли в один прекрасный день. Только представьте!.. Но я уверен — они вернутся.

— Сомнительно,— обронил Кармоди.

— Я убежден,— сказал Бельведер.— И кстати, почему бы Вам не остаться здесь, мистер Кармоди?

— Да я, собственно, не задумывался.

— А Вы подумайте. Вообразите — самый современный город в мире целиком в Вашем распоряжении!

— Заманчиво,— кивнул Кармоди.

— Так решайтесь, хуже не будет,— уговаривал Бельведер.

— Ну хорошо, я согласен,— сказал Кармоди.

Его заинтересовал город Бельведер. И все же он чувствовал тревогу. Хотелось знать — почему ушли отсюда жители?

По настоянию Бельведера Кармоди провел ночь в гостинице «Георг V», в роскошном номере для новобрачных. Город подал завтрак на веранде и сопровождал трапезу квартетом Гайдна. Утренний воздух был великолепен; если бы Бельведер не предупредил его, Кармоди никогда бы не подумал, что он кондиционированный.

Позавтракав, Кармоди откинулся на спинку кресла и предался созерцанию западного района Бельведера — ласкающей взор мешанины из китайских пагод, вьетнамских мостиков, японских каналов, зеленого бирманского холма, калифорнийской автостоянки, норманнской башни и прочих красот.

— Отличный открывается вид!— одобрил он.

— Я рад, что Вам нравится,— отозвался Город.— Над проблемой стиля бились с первого дня моего зарождения. Некоторые настаивали на согласованности, требовали гармоничных форм, сливающихся в гармоничное целое. Но образцовые города почти все такие — однообразно скучные творения одного человека или одной группы людей. Настоящие города — другие.

— Да ведь ты и сам, в определенном смысле, ненастоящий?— спросил Кармоди.

— Разумеется! Но я не пытаюсь это скрыть. Я — не какой-нибудь фальшивый «город будущего» или псевдофлорентийский ублюдок. От меня требуется практичность и функциональность, но в то же время и оригинальность.

— Ну что ж, Бельведер, на мой взгляд, ты неплох,— заявил Кармоди во внезапном приступе благодушия.— А скажи, все образцовые города разговаривают подобно тебе?

— Конечно, нет. До сих пор ни один город, образцовый или какой-нибудь другой, не произнес ни слова. Но жителям это не нравится — город кажется слишком большим, слишком властным, слишком отчужденным. Потому меня и снабдили искусственным разумом и голосом для его выражения.

— Понимаю,— проговорил Кармоди.

— Дело в том, что искусственный разум одухотворяет меня, а это очень важно в наш век обезличивания. Разум позволяет мне быть чутким, творчески отвечать на запросы жителей. Мы можем договориться — горожане и я. Путем постоянного и осмысленного диалога мы можем выработать динамичную, гибкую, воистину жизнеспособную городскую среду. И можем улучшать друг друга, не утрачивая в значительной мере своей индивидуальности.

— Чудесно,— сказал Кармоди.— Беда только, что тебе не с кем вести диалог.

— Это единственный изъян,— признался Город.— Но сейчас у меня есть Вы.

— Верно,— согласился Кармоди, недоумевая, почему слова Города прозвучали не очень для него приятно.

— А у Вас, естественно, есть я,— продолжил Бельведер.— Отношениям всегда следует быть взаимными. Теперь, дорогой Кармоди, позвольте показать Вам некоторые мои достопримечательности. А потом займемся Вашим поселением и упорядочением.

— Моим... чем?

— Я неудачно выразился,— извинился Город.— Есть такой научный термин. Но Вы понимаете, безусловно, что взаимные отношения накладывают обязательства на *обе* заинтересованные стороны. Иначе и быть не может, так ведь?

— Если только стороны не занимают позицию невмешательства,— заметил Кармоди.

— Нам это ни к чему,— сказал Бельведер.— Невмешательство подразумевает отмирание чувств и приводит неминуемо к отчуждению. А теперь, пожалуйста, пройдите сюда...

3

Кармоди последовал приглашению и увидел все великолепие Бельведера. Он посетил электростанцию, очистные сооружения и предприятия легкой промышленности, осмотрел детский парк, музей и картинную галерею, концертный зал и театр, боулинг, биллиардную, картинговые треки и кинотеатр. Он устал и не прочь был отдохнуть. Но Город во что бы то ни стало хотел показать себя, и Кармоди пришлось любоваться пятиэтажным зданием «Американ Экспресс», португальской синагогой, статуей Ричарда Бакминстера Фуллера*, автобусной станцией «Грейхаунд» и иными достопримечательностями.

Наконец, турне завершилось. Кармоди пришел к выводу, что красота заключена в глазах зрителя, ну и малая ее часть — в ногах.

— Самое время немного перекусить, а?— заметил Город.

— Чудесно,— сказал Кармоди.

Его провели в модный французский ресторан, где он начал с potage au petit pois и закончил petits fours.

— А теперь маленький ломтик сыра бри?— предложил Город.

---

* Р.Б. Фуллер — современный американский архитектор и инженер. — *Прим. перев.*

— Нет, спасибо,— отказался Кармоди.— Я сыт. Честно говоря, я прямо лопаюсь.

— Но сыр не отягощает желудок. Может, кусочек отменного камамбера?

— Уже просто не полезет.

— Рекомендую фрукты — *очень* освежает небо.

— Если здесь и надо что-то освежать, то только не мое небо.

— Ну, по крайней мере, яблоко, грушу и кисть винограда?

— Спасибо, нет.

— Пару вишенок?

— Нет! Нет!

— Обед без фруктов нельзя считать полноценным.

— А я считаю,— заявил Кармоди.

— Многие важные витамины содержатся только во фруктах.

— Значит, перебьюсь без них.

— Ну хоть полозину апельсина? Я сам почищу... Цитрусовые совсем не калорийны.

— Я не могу больше есть.

— Не съедите даже дольки? Если я выберу косточки?

— Определенно, нет.

— Вы бы сняли груз с моей души,— проникновенно сказал Город.— В меня заложена тяга к завершенности, а что за обед без фруктов?

— Нет! Нет! Нет!

— Хорошо-хорошо, только не волнуйтесь,— успокоил Город.— Не нравится, что я подаю, не надо.

— Отчего же, нравится.

— А если Вам так нравится, почему не поесть фруктов?

— Довольно,— произнес Кармоди.— Дай мне винограда.

— Я ничего не хочу Вам навязывать.

— Ты ничего и не навязываешь. Дай, пожалуйста.

— Вы твердо решили?

— Дай винограда!— заорал Кармоди.

— Ладно, берите,— сказал Город. И подал великолепную гроздь муската. Кармоди съел все. Виноград был отличный.

— Прошу прощения,— произнес Бельведер.— Что Вы делаете?

Кармоди выпрямился и открыл глаза.

— Вздремнул немного... Что-то не так?

— Что может быть «не так» при столь здоровом естественном занятии?

— Благодарю,— сказал Кармоди и вновь закрыл глаза.

— Но зачем же дремать в кресле?— спросил Город.

— Потому что я — в кресле и уже наполовину сплю.

— Заработаете растяжение мышц спины,— предупредил Город.

— Плевать,— буркнул Кармоди, не открывая глаз.

— Почему бы не лечь спать со всеми удобствами, на диване?

— Мне вполне удобно здесь, в кресле.

— Так только кажется. Человек анатомически не приспособлен спать в сидячем положении.

— А я вот приспособлен!— сказал Кармоди.

— Нет. Попробуйте уснуть на диване.

— Мне по душе кресло.

— Но диван лучше. Пожалуйста, попробуйте, Кармоди. Кармоди!

— А?.. Что?..— вскинулся Кармоди, проснувшись.

— Я совершенно уверен, что Вам следует отдыхать на диване.

— Ну хорошо!— Кармоди с видимым усилием заставил себя подняться.— Где этот диван?

Город вывел его из ресторана, направил вниз по улице, заставил повернуть и войти в здание с табличкой «Дремотная». В помещении стояло с дюжину диванов. Кармоди направился к ближайшему.

— Не советую,— сказал Город.— Он продавлен.

— Ерунда,— отмахнулся Кармоди.— Как-нибудь устроюсь.

— Неудобная поза вредит осанке.

— Боже милостивый!— воскликнул Кармоди, вставая с дивана.— Какой ты мне порекомендуешь?

— Вот тот, сзади,— сказал Город.— Он здесь самый большой и упругий. Мягкость матраса установлена научным путем. Подушки...

— Ладно, хорошо, отлично,— сказал Кармоди и лег на указанный диван.

— Может быть, включить музыку?

— Не стоит беспокоиться.

— Как угодно. Тогда я потушу свет.

— Прекрасно.

— Одеяло не желаете? Я, разумеется, регулирую температуру, но у засыпающих часто создается субъективное ощущение прохлады.

— Неважно! Оставь меня в покое!

— Хорошо,— сказал Город.— Я ведь, собственно, не для себя стараюсь. Лично я никогда не сплю.

— Да, извини,— произнес Кармоди.

— Ничего, не утруждайте себя извинениями...

Наступила тишина. Потом Кармоди сел.

— Что случилось?— спросил Город.

— Не могу заснуть,— пожаловался Кармоди.

— Попробуйте закрыть глаза и сознательно расслабить каждую мышцу тела, начиная от большого пальца и...

— Не могу заснуть!— заорал Кармоди.

— Вы, наверное, с самого начала не очень-то хотели спать,— предположил Город.— По крайней мере, закройте глаза и постарайтесь немного отдохнуть.

— Нет!— заявил Кармоди.— Сна ни в одном глазу. А в отдыхе я не нуждаюсь.

— Упрямец!— сказал Город.— Поступайте, как хотите. Я сделал все, что мог.

— Да-а-а!— протянул Кармоди, встал и вышел из «Дремотной».

4

Кармоди стоял на маленьком горбатом мостике и смотрел на голубую лагуну.

— Это точная копия моста Риалто в Венеции,— сообщил Город.— Уменьшенная, разумеется.

— Знаю,— отозвался Кармоди,— я прочитал табличку.

— Очаровательно, правда?

— Недурно,— сказал Кармоди, закуривая сигарету.

— Вы много курите,— заметил Город.

— Угу. Что-то тянет.

— Как Ваш медицинский советник, должен предупредить, что связь между курением и раком легких убедительно доказана.

— Знаю.

— Если бы Вы перешли на трубку, вероятность заболевания была бы меньше.

— Я не люблю трубку.

— В таком случае, сигару?

— И сигары не люблю.

Кармоди закурил другую сигарету.

— Эта Ваша третья сигарета за пять минут,— заметил Город.

— Черт побери, я буду курить столько, сколько захочу!— закричал Кармоди.

— Конечно, конечно!— заверил Город.— Я пытался образумить Вас ради Вашего же здоровья. Неужели Вы хотите, чтобы я молча смотрел, как Вы себя губите?

— Да, хочу,— сказал Кармоди.

— Не могу поверить, что Вы говорите серьезно. Здесь вступает в силу этический императив. Человек в принципе может действовать против своих интересов; в машине такая порочность недопустима.

— Отстань от меня,— угрюмо бросил Кармоди.— Прекрати мною понукать.

— Понукать? Мой дорогой Кармоди, разве я к чему-то Вас принуждал? Разве я не ограничивался советами?

— Ну, пожалуй. Но ты слишком много болтаешь.

— Очевидно, этого все же недостаточно,— сказал Город.— Судя по тому, что я получаю в ответ.

— Ты слишком много болтаешь,— повторил Кармоди и закурил сигарету.

— Четвертая сигарета за пять минут.

Кармоди открыл рот, чтобы выкрикнуть оскорбление. Затем передумал и пошел прочь.

— Что это?— спросил Кармоди.

— Автомат для продажи конфет,— сообщил ему Город.

— Совершенно непохоже.

— Однако это так. Я взял модифицированный проект Сааринена* для силосной башни, миниатюризировал его, само собой, и....

— Все равно непохоже. Как им пользоваться?

— Очень просто. Нажмите на красную кнопку. Теперь подождите. Опустите вниз один из рычагов в ряду «А». И нажмите на зеленую кнопку. Пожалуйста!

В руку Кармоди скользнула большая конфета.

— Хм,— сказал Кармоди. Он развернул конфету и надкусил ее.— Это настоящая конфета или копия?

— Настоящая. Столько дел, что самому заняться недосуг, пришлось обратиться к субподрядчику.

— Хм,— сказал Кармоди и выронил обертку.

— Вот с таким пренебрежительным отношением я всегда и сталкиваюсь.

— Подумаешь, бумажка!— Кармоди повернулся и посмотрел на обертку, лежащую на безукоризненно чистом тротуаре.

— Конечно, бумажка,— сказал Город.— Но умножьте ее на сто тысяч жителей, и что получится?

— Сто тысяч бумажек,— тут же отозвался Кармоди.

— Ничего смешного не нахожу,— отрезал Город.— Вы бы не захотели жить среди этих бумажек, можете не сомневаться. Первым бы прибежали жаловаться, что улицы завалены мусором. Ну, а где Ваш вклад в борьбу за чистоту? Хотя бы за собой Вы убираете? Конечно, нет! Это Вы предоставляете мне — а я и так должен выполнять все функции Города, днем и ночью, без выходных.

---

* Сааринен Эро (1910—1961) — американский архитектор.— Прим. перев.

Кармоди нагнулся, чтобы подобрать обертку. Но едва протянул к ней руку, как из ближайшей водосточной решетки выскочила металлическая клешня, схватила бумажку и исчезла.

— Ладно,— сказал Город.— Я привык убирать за другими. Мне все время приходится это делать.

— Гм,— пробормотал Кармоди.

— Не ожидая благодарности.

— Я благодарен, благодарен,— заверил Кармоди.

— Вовсе и нет.

— Ну хорошо, может быть, и нет. Что мне прикажешь говорить?

— Лично мне ничего не надо,— сказал Город.— Будем считать инцидент исчерпанным.

— Достаточно?— спросил Город после ужина.

— О, вполне,— ответил Кармоди.

— Не очень-то много Вы съели.

— Я поел, сколько хотел. Все было очень вкусно.

— Ну а раз так, то почему бы не съесть еще?

— Больше некуда.

— Если бы Вы не испортили аппетит конфетой...

— Черт побери, конфета не испортила мне аппетит! Я просто...

— Вы опять закуриваете,— заметил Город.

— Ага,— подтвердил Кармоди.

— А нельзя ли потерпеть еще немного?

— Послушай,— резко начал Кармоди,— какого черта ты...

— Нам надо серьезно потолковать,— поспешно вставил Город.— Вы не задумывались на что будете жить?

— Пока у меня не было времени задуматься над этим.

— Ну а я уже подумал. Хорошо, если бы Вы стали врачом.

— Врачом? Но сперва нужно закончить курс колледжа, потом медицинскую школу, потом...

— Я все могу устроить.

— Не привлекает.

— Так... Право?

— Ни за что!

— Инженер? Прекрасная профессия!

— Не для меня.

— Кем же Вы хотите быть?

— Летчиком!— запальчиво воскликнул Кармоди.

— О, бросьте...

— Я серьезно!

— У меня даже аэродрома нет.

— Тогда я стану летчиком где-нибудь в другом месте.

— Вы говорите так нарочно, назло мне!

— Вовсе нет,— сказал Кармоди.— Я хочу быть летчиком, честно хочу. Я *всегда* хотел быть летчиком. Это моя мечта.

Наступила тишина. После долгого молчания Город произнес:

— Дело ваше.

Голос прозвучал холодно, как сама смерть.

— Куда это Вы идете?

— Гулять,— ответил Кармоди.

— В полдесятого вечера?

— Ну. А что?

— Мне-то казалось, Вы устали.

— Я успел отдохнуть.

— Понятно. Мне-то казалось, что Вы посидите, и мы хорошенько потолкуем.

— А может, потолкуем, когда я вернусь?

— Ладно, не имеет значения,— горько произнес Город.

— Ладно, к черту прогулку,— горько произнес Кармоди и сел.

— Я уже не хочу,— сказал Город.— Идите, гуляйте на здоровье.

5

— Спокойной ночи,— произнес Кармоди.

— Прошу прощения?

— Я сказал «спокойной ночи».

— Вы собираетесь спать?

— Разумеется. Уже поздно, я устал.

— Спать? Прямо сейчас?

— А почему бы и нет?

— Да так...— промолвил Город.— Вы забыли умыться.

— А-а... действительно. Ничего, утром умоюсь.

— Вы давно не принимали ванну?

— Да, очень давно. Утром приму.

— Разве у Вас не улучшится самочувствие, если Вы примете ванну сейчас?

— Нет.

— Даже если я сам наберу воды?

— Нет, черт побери! Нет! Я хочу спать!

— Поступайте, как знаете,— сказал Город.— Не умывайтесь, не учитесь, неправильно питайтесь. Но тогда не пеняйте на меня.

— Пенять? За что?

— За все, что угодно,— ответил Город.

— Ну а именно? Что ты имеешь в виду?

— Неважно.
— Зачем же ты вообще об этом заговорил?
— Исключительно ради Вас.
— Понимаю.
— *Мне-то* все равно, мостесь Вы или нет.
— Ясно.
— Когда относишься к делу неравнодушно,— продолжал Город,— со всей ответственностью, очень неприятно выслушивать брань в свой адрес.
— Этого не было.
— Сейчас не было. А раньше, днем, было.
— Ну... погорячился.
— Все из-за курения.
— Ты опять за свое!
— Ладно, не буду,— сказал Город.— Дымите, как труба. Мне-то что?
— Вот-вот!— Кармоди закурил.
— Но я оказался несостоятельным,— посетовал Город.
— Нет-нет,— заверил Кармоди.— Не надо так говорить. Пожалуйста.
— Забудем об этом,— произнес Город.
— Хорошо.
— Иногда я чересчур рьяно берусь за дело.
— Да уж.
— Все это очень тяжело — и особенно потому, что я прав. Я прав, Вы же знаете.
— Знаю,— сказал Кармоди.— Ты прав, ты прав, ты всегда прав. Прав-прав-прав-прав...
— Не надо перевозбуждаться,— остановил Город.— Хотите выпить стакан молока?
— Нет.
— Точно не хотите?
Кармоди закрыл лицо руками. Ему было не по себе. Он чувствовал себя крайне виноватым, слабым, грязным, нездоровым и неряшливым. Он чувствовал себя глубоко испорченным человеком и, более того, навеки обреченным на такое состояние, если только он не изменится, не приспособится, не исправится...
Но Кармоди и не пытался сделать что-нибудь подобное. Он поднялся на ноги, расправил плечи и решительно зашагал прочь от Римской площади и венецианского мостика.
— Куда Вы?— спросил Город.— Что случилось?
Поджав губы, Кармоди молча шествовал мимо детского парка и здания «Американ Экспресс».

— Что я сделал плохого?— воскликнул Город.— Что? Скажите мне просто, что?!

Храня молчание, Кармоди миновал французский ресторанчик и португальскую синагогу и вышел, наконец, на опрятную зеленую равнину, что окружала Бельведер.

— Неблагодарный!— закричал ему вслед Город.— Ты такой же, как все остальные! Вы, люди, вообще склочные создания, никогда не бываете довольны.

Кармоди сел в машину и завел двигатель.

— С другой стороны,— задумчиво произнес Бельведер,— вы никогда не выказываете и своего недовольства... Мораль, полагаю, в том, что Городу необходимо запастись терпением.

Кармоди выехал на шоссе и взял путь на Нью-Йорк.

— Счастливой поездки!— закричал на прощанье Бельведер. — Не волнуйтесь обо мне, я буду Вас ждать!

Кармоди с силой надавил на педаль газа. Он предпочел бы не слышать последней фразы.

ПА-ДЕ-ТРУА ШЕФ-ПОВАРА, ОФИЦИАНТА, КЛИЕНТА

ПОВАР

События, о которых я хочу вам рассказать, произошли несколько лет назад, когда я открыл лучший на Балеарских островах индонезийский ресторан.

Я открыл ресторан в Санта-Эулалии-дель-Рио — небольшом городке на острове Ивиса. В то время в главном городе острова уже был индонезийский ресторан, и еще один — в Пальме. Но все в один голос твердили, что мой, безусловно, лучший.

Несмотря на это, нельзя сказать, что дела шли блестяще. Санта-Эулалия — крохотное местечко, сюда приезжают отдыхать писатели и художники. Это люди весьма бедные, но они вполне могли позволить себе рийстафель. Так почему бы им не бывать у меня чаще? Уж явно не из-за конкуренции ресторана Хуанито или той забегаловки, что в Са-Пунте. Отдавая должное омарам в майонезе у Хуанито и паэлье в Са-Пунте, хочу тем не менее отметить, что эти блюда и в подметки не годились моим самбалам, сате из курицы и особенно свинине в соевом соусе.

Думаю, что причиной всему — эмоциональность и темперамент людей искусства, которым необходимо время, чтобы привыкнуть к новому. В частности, к новому ресторану.

Я сам такой. Вот уже много лет пытаюсь стать художником. Именно поэтому, между прочим, я и открыл ресторан в Санта-Эулалии.

Арендная плата была невысока, готовил я сам, а подавал клиентам один местный паренек, он же менял пластинки на проигрывателе и мыл посуду. Платил я ему мало, но лишь потому, что больше не мог. Это был чудо-парень: работящий, всегда опрятный и бодрый. Если ему хоть немного повезет, он непременно станет когда-нибудь губернатором Балеарских островов.

Итак, у меня был ресторан «Зеленый фонарик», был официант, а вскоре появился и постоянный клиент.

Я так и не узнал его имени. Американец — высокий, худой, молчаливый, с черными как смоль волосами, лет тридцати или сорока. Он приходил каждый вечер ровно в девять, заказывал рийстафель, ел, платил, оставлял десять процентов чаевых и уходил.

Признаюсь, что насчет постоянного клиента я слегка преувеличил, так как по воскресеньям он ел паэлью в Са-Пунте, а по

вторникам — омаров в майонезе у Хуанито. Но почему бы и нет? Я сам иногда обедал у них. Остальные пять вечеров клиент сидел у меня, чаще всего в одиночестве, редко — с женщиной, порой — с другом.

Честно говоря, я мог бы прожить в Санта-Эулалии на одном этом клиенте. Не на очень широкую ногу, но мог бы. Тогда все было дешево.

Разумеется, оказавшись в такой ситуации, когда более или менее зависишь от одного посетителя, начинаешь относиться к нему с особым вниманием.

Я жаждал угодить ему и стал изучать его вкусы и пристрастия. Постоянному клиенту я подавал особый рийстафель — на тринадцати тарелках. Стоило это 300 песет — по тем временам, около пяти долларов. Рийстафель — значит «рисовый стол». Это голландский вариант индонезийской кухни. На центральное блюдо выкладывается рис и поливается саджором — овощным соусом. Затем вокруг сервируются такие блюда, как говядина-кэрри, «сате-бабн» — свинина в ореховом соусе, жареная на вертеле, и «самбал-уданг» — печенка в соусе «чили». Все это дорогие яства, потому что в основе их — мясо. Кроме того, подаются самбал с говядиной, «перкадель» — яйца с мясной подливкой и различные овощные и фруктовые блюда. Ну и, наконец, арахис, креветки, кокосовый орех, жареный картофель и тому подобное.

Все подается в маленьких овальных мисочках и производит впечатление целого вагона еды.

Мой клиент обычно ел с хорошим аппетитом и приканчивал восемь или десять блюд плюс половину риса — отличный результат для любого лица неголландского происхождения.

Увы, меня это уже не удовлетворяло. Я заметил, что клиент никогда не ест печенку, поэтому «самбал-уданг» пришлось заменить на «самбал-ати» — тот же самбал, только с креветками. Креветки клиент поглощал с особым удовольствием, особенно, когда я не жалел его любимой ореховой подливки.

Спустя короткое время он стал прибавлять в весе.

Это воодушевило меня. Я удвоил порции картофельных палочек и мясных шариков. Американец стал есть как истинный голландец. Он быстро полнел.

Через два месяца в нем было фунтов десять или двадцать лишнего веса. Меня это не беспокоило, я стремился превратить клиента в раба моей кухни. Я купил глубокие миски и подавал теперь удвоенные порции. Я заменил «сате-бабн» на «баба-траси» — свинину в креветочном соусе, так как к арахисовой подливке клиент теперь не притрагивался.

На третий месяц он перешел границу тучности — в основном

из-за риса и острого соуса. А я стоял у плиты, как органист за пультом органа, и играл на его вкусовых сосочках. Он склонял над мисками свое круглое и блестящее от пота лицо, а Пабло крутился рядом, меняя блюда и пластинки на проигрывателе.

Да, теперь стало ясно: этот человек полюбил мою кухню. Его ахиллесова пята находилась в желудке, если так можно выразиться. Этот американец до встречи со мной прожил тридцать или сорок лет на белом свете и остался худым. Но откуда берется худоба? Я думаю, причина — в отсутствии еды, отвечающей вкусу данного индивида.

Я выработал теорию, согласно которой большинство худых людей — потенциальные толстяки, просто не нашедшие своей специфической пищи. Я знавал одного тощего немца, который прибавил в весе, когда вел монтаж оборудования в Мадрасе и столкнулся с совершенно новыми для себя юго-восточными яствами. И еще одного прожорливого мексиканца — гитариста, игравшего в лондонском клубе: он утверждал, что полнеет только в своем родном городе — Морелии; причем в Центральной Мексике любая другая пища на него вовсе не действовала, а вот в Оахаке, как бы ни были превосходны блюда, он неизменно худел. И знал я англичанина, который большую часть жизни провел в Китае. Так вот, он заверял меня, что не может жить без сычуаньской пищи, что кантонская или шанхайская кухни его совершенно не удовлетворяют и что различия между кухнями в разных провинциях Китая гораздо больше, чем в Европе. Этот мой знакомый жил в Ницце, вкушал провансальские блюда, разнообразя их красным соевым творогом, соусом «амой» и бог весть чем еще. И жаловался мне, что у него собачья жизнь!

Как видите, поведение моего американца вполне объяснимо. Он, совершенно очевидно, относился к числу людей, не нашедших *своей* пищи. И теперь, поедая рийстафель, наверстывал упущенное за тридцать или сорок предыдущих лет.

Истинный повар должен чувствовать ответственность за своего клиента. В конце концов, повар — тот же кукловод: он манипулирует клиентами, как марионетками, играя на их вкусовых пристрастиях.

Но я-то не истинный повар, я простой итальянец с необъяснимым влечением к рийстафелю. Самое горячее мое желание — стать художником.

И я продолжал пичкать клиента рисом. Теперь мне казалось, что этот человек полностью в моей власти. Бывало, ночами я просыпался в холодном поту: мне снилось, что он поднимает расплывшееся лунообразное лицо и говорит:

— Вашему «самбал-удангу» не хватает пикантности. Дурак я был, что ел у вас! Наши отношения кончены.

И я безрассудно увеличивал порции, заменил вареный рис на жаренный в масле с шафраном и добавил цыпленка в соусе «чили» с арахисом.

Мне казалось, что мы оба — я у плиты, а он за столом — пребывали в каком-то бредовом состоянии. Он чудовищно раздался — этакая колбаса, а не человек,— и каждый лишний фунт его веса служил доказательством моей власти.

А затем внезапно наступил конец.

Я как раз приготовил деликатес — «самбал-ати» — чистое безумие с моей стороны, если учесть вздувшиеся цены.

Но американец не пришел, хотя я задержал закрытие на два часа.

И на следующий вечер не пришел.

На третий — тоже.

На четвертый день он вошел, неуклюже переваливаясь, и сел за свой столик.

Ни разу за все время я не заговаривал со своим клиентом. Но в тот вечер я осмелился подойти, слегка поклонился и вежливо сказал:

— Вы пропустили несколько вечеров, минхерц.

— Да, к сожалению, я не мог прийти,— ответил он.

— Надеюсь, ничего страшного?

— Нет, просто легкий сердечный приступ. Но доктор советовал отлежаться.

Я поклонился. Пабло ждал от меня указаний. Американец заправил за воротник гигантскую красную салфетку, купленную специально для него.

Только сейчас я наконец осознал то, о чем должен был давно задуматься: я убиваю этого человека!

Я взглянул на горшки с мясом, на блюда с гарнирами, на горы риса и острых приправ. Это были орудия медленной смерти.

И я закричал:

— Ресторан закрыт!

— Но почему?— изумился клиент.

— Мясо подгорело,— ответил я.

— Тогда подайте мне рийстафель без мяса,— сказал он.

— Это невозможно,— возразил я.— Рийстафель без мяса — не рийстафель.

В глазах клиента появилась тревога.

— Ну так приготовьте омлет — и положите побольше масла.

— Я не готовлю омлеты.

— Тогда свиную котлету — и пожирнее. Или, на худой конец, просто горшочек жареного риса.

— Минхерц, кажется, не понимает,— сказал я.— Я подаю исключительно рийстафель и делаю его по всем правилам — или вообще ничего не готовлю.

— Но я голоден!— воскликнул клиент плаксивым голосом.

— Можете полакомиться омарами в майонезе у Хуанито или паэльей в Са-Пунте. Вам не привыкать,— добавил я, не в силах удержаться от сарказма.

— Я не хочу!— закричал он, едва не рыдая.— Я прошу рийстафель!

— Тогда езжайте в Амстердам!— заорал я, сбросил горшки на пол и выбежал из ресторана.

Я сложил вещи и незамедлительно уехал в Ивису, в самый раз успел на ночной теплоход в Барселону, а оттуда вылетел в Рим.

Согласен, я был груб с клиентом. Но — в силу необходимости. Надо было сразу пресечь его прожорливость. И мою собственную беспечность.

Мои дальнейшие странствия не имеют отношения к этой истории. Добавлю лишь, что на греческом острове Кос я держу лучший ресторан. Я составляю рийстафель с математической точностью и ни грамма не прибавляю даже постоянным клиентам. Никакие сокровища не заставят меня увеличить порцию или дать добавку.

Я часто думаю: что стало с тем американцем и Пабло, плату которому я выслал из Рима?

Я все еще пытаюсь стать художником.

ОФИЦИАНТ

Эти события произошли несколько лет назад, когда я работал официантом в индонезийском ресторанчике в Санта-Эулалии-дель-Рио на Ивисе, одном из Балеарских островов.

Я был еще мальчишкой, мне не исполнилось и восемнадцати, а попал я на Ивису в составе команды французской яхты. Капитана уличили в контрабанде, судно конфисковали. Так я остался на Ивисе, где переехал в Санта-Эулалию. Сам я родом с Мальты и обладаю природными способностями к языкам. Жители местечка считали, что я из Андалузии, а иностранная колония принимала за местного.

Поначалу я вовсе не собирался долго задерживаться в ресторане голландца — слишком уж мизерную зарплату он платил.

Но вдруг я обратил внимание на его пластинки.

У голландца оказалось прекрасное собрание джазовой музыки. В ресторане был неплохой проигрыватель, усилитель и колонки, по тем временам — превосходная техника.

Голландец совершенно не разбирался в музыке, даже вовсе не обращал на нее внимания, полагая джаз некой обеденной атрибутикой — вроде свечей в серебряных подсвечниках.

Но я, Антонио Варга (он звал меня Пабло), страстно люблю музыку. Еще в детстве я научился играть на трубе, гитаре и пианино. Чего мне не хватало — это глубокого и тонкого знания джазовых форм.

И я пошел в услужение к голландцу, чтобы получить возможность постоянно слушать пластинки, изучать американские идиомы и готовить себя к жизни музыканта. Он мог бы мне совсем ничего не платить — хватило бы одного Луи Армстронга.

Я привел пластинки в порядок, расставил их по системе, заставил хозяина заказать в Барселоне головку с алмазной иглой, переместил колонки, чтобы избежать искажений, и сам составил несколько отличных джазовых программ.

Чаще всего я начинал с «Мрачного настроения» в исполнении оркестра Дюка Эллингтона, затем переходил на Стэна Кентона и, чтобы разрядить обстановку, заканчивал «Прощальным блюзом» Эллы Фицджеральд.

Скоро я обратил внимание, что вся аудитория состоит из одного-единственного человека, не считая меня и голландца.

Да, у меня появился слушатель — высокий, худой, молчаливый британец, явный поклонник джаза.

Я заметил, что он ест в соответствии с музыкой — медленно и меланхолично, если я ставил «Не надо грустить», отрывисто и быстро, когда звучал «Караван».

Более того, в зависимости от выбираемой мной музыки явно менялось его настроение. Эллингтон и Кентон возбуждали его: он жевал яростно, отбивая левой рукой такт. Чарли Барнет действовал расслабляюще, я бы даже сказал, угнетающе — каким бы ни был темп вещи, британец ел медленно, поджав губы и нахмурив брови.

Если вы фанатичный меломан и так же, как я, истинный музыкант в душе, вы поймете завладевшее мной стремление: пленить единственного слушателя.

Сперва я прошелся по Эллингтону и Кентону, потому что все еще был не уверен в себе. Мне так и не удалось приучить британца к монументальным фантазиям Чарли Паркера, а Барнет просто действовал ему на нервы. Но я привил ему любовь к Луи Армстронгу, Элле Фицджеральд, Эрлу Хейнсу и «Современному джаз-квартету». Я совершенно точно определил музыкальный вкус британца и составлял программу на вечер специально для него.

Британец был самозабвенным слушателем. Но за музыку, увы, ему приходилось расплачиваться: изо дня в день он вынужден был давиться рийстафелем голландца — жуткой мешаниной из тушеного по-всякому мяса, чрезмерно острого и однообразно политого соусом «чили». Отвертеться невозможно: голландец не любил, чтобы люди торчали в ресторане, не сделав заказ. Стоило вам войти — и он тут же всовывал меню, а как только вы доедали последнее блюдо — выкладывал на стол счет. Может быть, подобное обслуживание принято в Амстердаме, но в Испании такого не приемлют. Иностранной колонии в Санта-Эулалии, проникнутой испанским духом больше, чем сами испанцы, это не нравилось. Таким образом, из-за своей грубости и жадности голландец мог положиться только на одного постоянного клиента — на англичанина, который в действительности-то приходил слушать музыку!

Немного погодя я заметил, что мой слушатель прибавляет в весе. Поразительно, какое влияние может оказывать джаз! Была здесь и моя скромная заслуга — ведь программы, которые я составлял, помогали поклоннику музыки справляться с тяжелым и немузыкальным рийстафелем.

Я был тогда молод и беспечен. Я со всей страстью стремился покорить этого человека, подчинить его Армстронгу, Эллингтону и себе.

Англичанин полнел. Мне следовало бы ставить что-нибудь строгое и аскетичное, вроде Бейдербека или прочих формалистов диксиленда. Они, правда, были не в его вкусе, но непременно оказали бы сдерживающее воздействие. Однако я бесстыдно потакал его желаниям.

Однажды вечером в качестве музыкальной шутки я поставил миллеровскую «Нитку жемчуга» — милую, непритязательную мелодию. И сразу увидел, что англичанину нравится «свинг».

Конечно, мне бы просто оставить это без внимания. Британец явно обладал талантом слушателя, но он был музыкально необразован. Я должен был обучить его, показать то великое, на что способна музыка, однако вместо этого я потворствовал его сентиментальности: ставил Гленна Миллера, Томми Дорси, Гарри Джеймса. Я немного приходил в себя, слушая Бенни Гудмена, и тут же падал на самое дно, беззастенчиво крутя Вэна Мунро.

Это ужасно — иметь такую власть над человеком. Месяца через два я мог вертеть своим слушателем с той же легкостью, с какой вертел пластинки.

Хозяин ресторана тщеславно считал, что клиента привлекают его яства. На самом деле это я заставлял его есть.

Иногда, когда я ставил «Поезд» или, например, «Блюз на улице Бил», англичанин мрачнел и раздраженно откладывал вилку. Тогда я быстро переключался на «Нитку жемчуга», или «Грустный вечер» Гленна Миллера, или «Розовый коктейль для скучающей леди». А то взбадривал англичанина Гарри Джеймсом или Томми Дорси.

Подобная музыка действовала на него, как наркотик. Покачивая в такт головой, со слезами на глазах он брался за столовую ложку. А я продолжал вертеть им, не задумываясь, куда это приведет.

Однажды британец не явился в ресторан.

Не было его и на следующий вечер, и в течение еще нескольких дней.

Наконец он пришел, и хозяин — опасаясь, понятно, за свой основной источник дохода — осведомился о здоровье британца.

Тот ответил, что у него было обострение язвы, но сейчас все хорошо.

Хозяин кивнул и отправился стряпать свою дьявольскую еду.

Англичанин взглянул в мою сторону и впервые обратился персонально ко мне (помню, Стэн Кентон наигрывал «Вниз по Аламо»):

— Простите, пожалуйста, не будете ли вы так добры поставить «Луну над Майами» Вэна Мунро?

— Конечно, с удовольствием,— ответил я и подошел к проигрывателю. Снял пластинку Кентона. Достал Мунро. И в этот миг понял, что убиваю, буквально убиваю британца.

Он превратился в музыкального наркомана и жить не мог без пластинок. Но слушал их только здесь, обжираясь рисом и самбалом, которые разъедали слизистую его желудка.

В этот момент я прозрел.

— Никакого Вэна Мунро!— крикнул я.

Британец пораженно замигал заплывшими глазами. Из кухни вышел хозяин, удивленный, что я повысил голос.

— Может быть, Глени Миллер?..— промямлил англичанин.

— Ни за что!

— Томми Дорси?

— Исключено.

Несчастный затрясся, челюсти его задрожали.

— Ну хоть Дюк Эллингтон!— взмолился он.

— Нет!

— Пабло, ты ведь любишь Дюка Эллингтона!— воскликнул хозяин.

— Поставьте Бейдербека или хотя бы «Современный джаз-квартет»! Что-нибудь!!!

— С вас достаточно,— сказал я британцу.— Концерт окончен.

И со страшной силой грохнул кулаком по усилителю. Внутри зазвенели, разбиваясь, лампы.

Клиент с хозяином лишились дара речи.

Я вышел, даже не потребовав плату за две недели, на попутных добрался до Ивисы, а там сел на теплоход до Марселя.

Теперь я довольно известный саксофонист. Меня можно услышать каждый вечер, кроме воскресенья, в клубе на улице Ашетт в Париже. Мною восхищаются, слушатели ценят классическую ясность и чистоту формы и уважают как приверженца диксиленда.

И все же на моей совести остался грех — тот самый несчастный англичанин. Я искренне сожалею о случившемся.

И часто задумываюсь: что же случилось с моим хозяином и его постоянным клиентом?

КЛИЕНТ

Я взял грех на душу много лет назад в маленьком испанском городке Санта-Эулалия-дель-Рио; до сих пор не признавался в этом ни одной живой душе.

Я отправился в Санта-Эулалию, чтобы написать книгу. Со мной поехала жена. Детей у нас не было.

Во время моего пребывания там какой-то финн или, скорее, мадьяр открыл ресторанчик, где подавали рийстафель. Сие событие с одобрением встретила вся иностранная колония. До тех пор мы выбирали между омарами в майонезе у Хуанито и паэльей в Са-Пунте. Готовили и там и там отлично, но ведь даже самые изысканные яства рано или поздно приедаются.

Многие из нас начали столоваться у финна, где всегда царила какая-то живая атмосфера. Добавьте к этому, что у венгра была замечательная коллекция пластинок. Такое место не могло не пользоваться успехом.

Моя жена — замечательная женщина, но готовит она из рук вон плохо. Я обедал у мадьяра пять раз в неделю и стал одним из его постоянных клиентов.

Через некоторое время я обратил внимание на официанта. Молодой, лет шестнадцати или семнадцати, он, по-моему, был индонезийцем — оливковая кожа, иссиня-черные брови и волосы. Сущее удовольствие было смотреть, как он — гибкий, изящный, быстрый — носится вокруг, подавая блюда и меняя пластинки. Я любовался юношей, как любуются греческой скульптурой или статуями Микеланджело, и получал от этого

невинного, в сущности, занятия эстетическое наслаждение. Кроме того, индонезиец отлично вписывался в повесть, над которой я в то время мучился: такого героя я долго и безуспешно искал.

Я проводил в ресторане все вечера и сидел допоздна. Повар подавал мне гигантские порции, и я ел, благодарный, что могу задержаться.

Жена моя к тому времени вернулась в Соединенные Штаты. Естественно, я полнел. Кто в состоянии съедать каждый вечер по три фунта риса с мясом и не полнеть? Увлеченный созерцанием юношеской красоты, переполненный мыслями о будущей книге, я забросил друзей и перестал следить за своей внешностью. Каждый вечер, когда я выходил из ресторана, живот мой стонал, переваривая чрезмерно острую пищу. Я ложился в постель, думал о чувстве прекрасного, о литературе и с нетерпением ждал следующего вечера.

Не знаю, сколько это могло продолжаться и куда могло меня завести. Я терял свою застенчивость, терял гордость. И тут я кое-что заметил.

Я понял, что остался единственным клиентом ресторана, и глубоко задумался. Пускай я растерял всех друзей и знакомых — но почему они перестали обедать в этом ресторане? Все было без изменений — еда, музыка... Все, кроме меня.

Как-то раз, расправляясь с очередной порцией самбала, я вдруг необыкновенно отчетливо осознал, как чудовищно растолстел. Я взглянул на себя со стороны и увидел... отвратительного типа, от одного вида которого воротит с души. Никто не захочет есть с ним в одной компании.

И тут до меня дошло: именно я причина того, что венгр растерял всех своих клиентов. Какой нормальный человек станет любоваться мной? А ведь я просиживал там все вечера.

Либо подобное озарение должно немедленно привести к действию, либо я навсегда потеряю уважение к себе.

Я с грохотом отодвинул стул и поднялся — нельзя сказать, что с легкостью. Повар и официант озадаченно глядели, как я, переваливаясь, направляюсь к двери.

Повар закричал:

— Я плохо приготовил?!

— Дело не в еде.

Юноша потупился:

— Должно быть, я обидел вас, поставив скверную пластинку?

— Наоборот,— ответил я.— Вы радовали меня чрезвычайно. Я сам оскорбил себя сверх всякой меры.

Они не поняли.

Повар воскликнул:

— Может, попробуете свининки? Свежая, с пылу, с жару!

Юноша сказал:

— Есть новая пластинка Армстронга, вы ее еще не слышали.

Я остановился в дверях.

— Благодарю вас обоих. Вы добрые люди. Но мне лучше уйти.

Я вернулся домой, сложил чемодан, вызвал такси и поздно вечером вылетел из Ивисы в Барселону.

Многие годы прошли с тех пор. Я живу сейчас в Сан-Мигеле-де-Альенде, в Мексике, с новой женой и двумя детьми.

Я часто думаю, как сложились судьбы повара и официанта. Насколько я понимаю, они должны процветать в Санта-Эулалии. При условии, конечно, что мое безобразное поведение не погубило репутацию ресторана.

Если так, чрезвычайно об этом сожалею.

Я все еще пытаюсь стать писателем.

ЗАМЕТКИ ПО ВОСПРИЯТИЮ ВООБРАЖАЕМЫХ РАЗЛИЧИЙ

1

Ганс и Пьер находятся в тюрьме. Пьер — француз, Ганс — немец. Пьер — небольшого роста, полный, с черными волосами. Ганс — высокий, худой и светловолосый. У Пьера желтая кожа и черные усы. У Ганса здоровый цвет кожи и светлые усы.

2

Гансу и Пьеру становится известно, что недавно объявили амнистию. По условиям этой амнистии Пьера выпустят немедленно. О немцах не говорится ничего, и Ганс должен будет остаться в тюрьме. Это печалит обоих узников. Они думают: «Если бы Ганса освободили вместо Пьера...».

(Ганс — опытный слесарь. Оказавшись на свободе, он сможет вызволить из тюрьмы своего друга. Француз — профессор астрофизики и не в состоянии помочь никому, даже сам себе. Он бесполезный человек, но приятный; немец считает его самым хорошим человеческим существом, которое он когда-либо встречал. Ганс принимает решение выйти из тюрьмы, чтобы освободить друга.)

Есть один способ — обмануть стража. Если тот поверит, что Ганс — это Пьер, тогда Ганса выпустят. И он сможет вернуться к тюрьме и помочь Пьеру бежать. Для этой цели они разработали план.

Вот слышатся шаги в коридоре. Это страж! Друзья приступают к первой фазе плана, поменявшись усами.

3

Страж входит в камеру и говорит:
— Ганс, шаг вперед.
Оба мужчины делают шаг.
Страж спрашивает:
— Кто Ганс?
Оба пленника отвечают:
— Я.

Страж разглядывает их. Он видит высокого худого блондина с черными усами и здоровой кожей, стоящего рядом с маленьким полным брюнетом со светлыми усами и желтоватой кожей. Несколько секунд он подозрительно изучает их, затем признает в высоком немца, а другому, французу, приказывает выйти.

Узники готовы к этому. Они бегут за спину стража и меняются волосами.

Страж осматривает их, невозмутимо улыбается и достает классификационный лист. Он определяет, что высокий черноволосый мужчина с черными усами и чистой кожей — немец.

Пленники шепотом совещаются и вновь забегают за спину стража. Ганс пригибается, а Пьер становится на цыпочки. Страж, который чрезвычайно туп, медленно к ним поворачивается.

На этот раз задача сложнее. Он видит двух мужчин одинакового роста. У толстяка светлые волосы, светлые усы, желтоватая кожа. Другой черноволос, худощав, с черными усами и здоровой кожей. У обоих синие глаза — это совпадение.

После некоторого раздумья страж решает, что первый узник — со светлыми волосами, светлыми усами, желтоватой кожей, полный — француз.

Пленники в третий раз проскальзывают за его спину и торопливо советуются. (У стража водянка и очень плохое зрение. Его реакции замедленны из-за скарлатины, которой он переболел в детстве. Он с трудом поворачивается, часто-часто моргая).

Пленники вновь обмениваются усами. Один втирает в кожу пыль, в то время как другой зачерняет лицо сажей. Полный становится еще выше на цыпочки, а худой еще больше пригибается.

Страж видит полного блондина выше среднего роста, с черными усами и светлой кожей. Слева от него стоит болезненный черноволосый тип ниже среднего роста, со светлыми усами. Страж тщательно изучает их, хмурится, поджимает губы, достает и перечитывает инструкцию. Затем он указывает на светлокожего человека выше среднего роста с черными усами — француз.

Пленник уворачивается. Высокий туже затягивает пояс вокруг талии, а низкорослый расстегивает ремень и засовывает всякие тряпки. Они снова меняются усами и волосами.

Страж сразу замечает, что фактор «полнота — худощавость» уменьшился в значимости. Он решает сравнить цветовые характеристики, но тут обращает внимание, что у светло-

волосого черные усы, а у черноволосого — светлые. Блондин слегка ниже среднего роста, а кожу можно счесть желтой. Справа от него стоит человек со светлыми усами (немного покрившимися) и чистой кожей, брюнет; он чуть выше среднего роста.

Инструкция бессильна. Тогда страж вытаскивает из кармана старое издание «Процедуры установления личности» и просматривает его в поисках чего-нибудь подходящего. Наконец он находит пресловутое предписание № 1266 от 1878 года: «Узник— француз всегда стоит слева, немец — справа».

— Ты,— говорит страж, указывая на узника слева.— Пойдешь со мной, француз. А ты, колбасник, останешься здесь, в камере.

4

Страж выводит пленника, оформляет бумаги и выпускает его на свободу.

Ночью бежит оставшийся.

(Сбежать из тюрьмы очень просто. Страж потрясающе глуп. И не только глуп — каждую ночь он напивается до бесчувствия и, кроме того, принимает пилюли от бессонницы. Ему категорически противопоказана работа стража, но все легко объяснимо — он сын знаменитого адвоката. В виде одолжения власти предоставили это место его физически неполноценному сыну. По той же причине у стража нет напарника и нет начальства. Он совершенно одинок, пьян, напичкан наркотиками, и ничто на свете не может пробудить его. Это мое последнее слово по данному вопросу.).

5

Два бывших узника сидят на скамейке в двух милях от тюрьмы. Они выглядят так же, как мы видели их в последний раз.

Один произносит:

— Я же говорил, что получится! Оказавшись на свободе, ты...

— Конечно, получилось,— соглашается другой.— Когда страж выбрал меня, я понял, что это к лучшему, потому что ты и сам сможешь убежать.

— Минуточку,— перебивает первый.— Уж не хочешь ли ты сказать, что несмотря на наши старания, страж выбрал француза?

— Да,— отвечает второй.— Но это не имело никакого значения. Если бы выпустили слесаря, он бы вернулся и помог спастись профессору, а если бы на свободе оказался профессор, слесарь сам мог бы бежать. Нам не было нужды меняться местами.

Первый пристально смотрит на товарища.

— Мне кажется, ты пытаешься украсть мою принадлежность к французской нации!

— Зачем мне это нужно? — спрашивает второй.

— Потому что ты хочешь быть французом, подобно мне. И понятно — вон виднеется Париж, где лучше быть французом, а не немцем.

— Конечно, я хочу быть французом! — восклицает второй.— Потому что я и есть француз. А город этот — Лимож, а не Париж.

Первый мужчина немного выше среднего роста, темноволосый, со светлыми усами, хорошей кожей, худощавый. Другой мужчина ниже среднего роста, со светлыми волосами, черными усами, нездоровой кожей, склонен к полноте.

Они смотрят друг другу в глаза и видят в них искренность. Если никто не врет, то один заблуждается.

— Если никто не врет,— говорит первый мужчина,— то один из нас заблуждается.

— Согласен,— отвечает другой.— А так как мы оба честные люди, нам надо лишь проследить этапы изменения внешности. Если мы сделаем это, то придем к началу, когда один был небольшого роста светловолосым немцем, а второй — высоким брюнетом, французом.

— Да. Однако разве не у француза были светлые волосы, и не немец был высок?

— Сомневаюсь,— говорит второй.— Но, возможно, тюремная жизнь повредила мою память, и я уже не помню, какие черты были у француза, а какие у немца. Тем не менее, я полон желания все с тобой обсудить и готов согласиться с любыми разумными предложениями.

— Давай. Могут у немца быть светлые волосы?

— Вполне. Надели его еще светлыми усами, это подходит.

— Как насчет кожи?

— Желтая, конечно. В Германии влажный климат.

— Цвет глаз?

— Голубой.

— Толстый или худощавый?

— Естественно, толстый!

— Итак, немец — высокий полный блондин с желтой кожей и голубыми глазами.

— Некоторые детали могут быть неточны, но это мелочи. Теперь припомним, кто из нас так выглядел.

6

На первый взгляд, оба мужчины кажутся абсолютно одинаковыми или, по крайней мере, неразличимыми. Это обманчивое впечатление. Надо помнить, что различия между ними реальны и независимы от внешности, несмотря на то, что являются воображаемыми. Их может воспринять любой человек, и именно они делают одного немцем, а другого — французом.

7

Воспринимать воображаемые различия надо следующим образом: вы фиксируете в уме оригинальные черты каждого, а затем в обратном порядке проводите все обмены. В конечном итоге вы окажетесь у исходной точки и безошибочно определите, кто — воображаемый немец, а кто — воображаемый француз.

Все очень просто. Другое дело, конечно, зачем вам это надо.

ХОЖДЕНИЕ ДЖОЭНИСА

Пролог

Невероятный мир Джоэниса существовал более чем тысячу лет назад, в глубоком и туманном прошлом. Известно, что путешествие нашего героя началось около 2000 года и завершилось в начале современной эпохи. То время примечательно взлетом промышленной цивилизации: XXI век, век безумного увлечения техникой, породил странные творения, незнакомые читателю. И все же большинство из нас рано или поздно узнало, что имели в виду древние под «управляемым снарядом» или «атомной бомбой». Детали некоторых из этих фантастических устройств можно увидеть во многих музеях.

Более скудны наши знания в области обычаев и законов того времени. И чтобы получить хоть какое-то представление о тогдашней религии и этике, необходимо обратиться к Хождению Джоэниса.

Без сомнения, сам Джоэнис был реальным лицом; однако мы никак не можем определить степень достоверности всех бытующих о нем историй. Некоторые из них — не изложение фактов, а, скорее, определенного рода моральные аллегории. Но даже и они отображают дух и характер той эпохи.

Настоящая книга, таким образом, есть сборник сказаний о путешественнике Джоэнисе и об удивительном и трагичном XXI веке. Некоторые истории подтверждаются документально, фигурируют в летописях, но большая их часть дошла до нас в устной форме, передаваясь от рассказчика к рассказчику.

Если не считать нашей книги, единственное письменное изложение Путешествия появляется в недавно опубликованных «Фиджийских сказаниях», где, по очевидным причинам, роль Джоэниса отходит на задний план по сравнению с деяниями его друга Лама. Это существенно искажает содержание и совершенно не соответствует духу Путешествия. Руководствуясь вышеприведенными соображениями, мы решили создать книгу, в которой была бы правдиво описана для грядущих поколений история Джоэниса.

Книга содержит также все написанное о Джоэнисе в XXI веке. К великому сожалению, эти записи весьма малочисленны и разрозненны и составляют лишь две главы: «Лам встречается

Джоэнисом» (из «Книги Фиджи», каноническое издание) и «Как Лам поступил на военную службу» (также из «Книги Фиджи», каноническое издание).

Все остальные истории, от Джоэниса или его последователей, передаются из уст в уста. Наш сборник запечатлевает в письменном виде слова самых известных современных рассказчиков без малейших искажений, во всем многообразии их точек зрения, стиля, характеров, морали, комментариев и т.д. Мы хотим поблагодарить рассказчиков за любезное разрешение записать их сказания. Их имена:

Маоа с Самоа,
Маубинги с Таити,
Пааури с Фиджи,
Пелуи с острова Пасхи,
Телеу с Хуахине.

Автор указывается в начале каждой главы. Мы приносим извинения многим блестящим рассказчикам, которых мы были не в состоянии включить в сборник, и чьи труды будут использованы при составлении полного жизнеописания Джоэниса, с комментариями и вариантами.

Для удобства читателя истории расположены в хронологическом порядке, как главы развивающегося повествования, с началом, серединой и концом. Но мы предупреждаем читателя, чтобы он не ожидал последовательного и цельного изложения, так как некоторые части длинные, а некоторые короткие, одни сложные, а другие простые, в зависимости от индивидуальности рассказчика. Редакция, безусловно, могла бы сократить или расширить определенные главы, приведя их к одинаковому объему и наделив своим собственным чувством порядка и стиля. Но мы предпочли оставить притчи в оригинальном виде, чтобы читатель мог ознакомиться с описанием Хождения, не прошедшим никакой цензуры. Это будет справедливо по отношению к рассказчикам и позволит поведать правду о Джоэнисе, о людях, которых он встречал, и о странном мире, с которым он столкнулся.

Редакция дословно повторила повествования рассказчиков и без изменения привела два письменных памятника, ничего не добавив и воздержавшись от замечаний. Наши комментарии содержатся лишь в последней, завершающей главе.

Теперь, читатель, мы приглашаем тебя познакомиться с Джоэнисом и отправиться с ним в путешествие через последние годы старого мира и первые годы нового.

ДЖОЭНИС ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ

(Записано со слов Маубинги с Таити)

На двадцать пятом году жизни героя произошло событие, роковым образом повлиявшее на его судьбу. Чтобы пояснить значение этого события, сперва необходимо рассказать кое-что о нашем герое; а чтобы понять его, надо описать место, где он жил. Итак, начнем оттуда, стараясь как можно быстрее перейти к основной теме повествования.

Наш герой, Джоэнис, жил на маленьком атолле в Тихом океане, в двухстах милях к востоку от Таити. Остров этот, имеющий две мили в длину и не более трехсот ярдов в ширину, назывался Манитуатуа. Его окружал коралловый риф, а за рифом простирались синие воды океана. Именно сюда приехали из Америки родители Джоэниса для обслуживания электрооборудования, снабжавшего электричеством большую часть Восточной Полинезии.

Когда умерла мать Джоэниса, его отец стал работать один, а когда умер отец, Тихоокеанская электрическая компания потребовала, чтобы Джоэнис заступил на его место. Что он и сделал.

Судя по многим источникам, Джоэнис был высоким, крепкого телосложения молодым человеком с добрым лицом и хорошими манерами. Он взахлеб читал книги из богатой библиотеки отца и, будучи натурой романтической и чувствительной, предавался долгим размышлениям об истине, верности, любви, долге, судьбе, случайности и прочих абстрактных понятиях. В силу своего характера Джоэнис представлял себе положительные моральные нормы как нечто обязательное и думал о них всегда только возвышенно.

Жители Манитуатуа, все полинезийцы с Таити с трудом понимали таких людей. Они с готовностью признавали, что добродетели — это хорошо, но при малейшей возможности предавались порокам. Хотя Джоэнис осуждал подобное поведение, ему нравились веселый характер, щедрость и общительность манитуатуанцев. Не утруждая себя размышлениями о добродетелях, они тем не менее умудрялись вести вполне достойную и приятную жизнь.

Постоянное общение с местными жителями не могло не оказывать влияния на характер Джоэниса, который постепенно менялся. Как считают некоторые, он сумел выжить лишь

благодаря тому, что многое перенял у жителей Манитуатуа.

Но об этом можно лишь догадываться, влияние нельзя объективно измерить или оценить. Мы же ведем речь об исключительном событии, происшедшем в жизни Джоэниса, когда ему было двадцать лет.

Истоки этого события следует искать в конференц-зале Тихоокеанской электрической компании, расположенной в Сан-Франциско, на западном побережье Америки. Солидные мужчины в костюмах, ботинках, рубашках и галстуках собрались там за круглым столом из полированного тикового дерева. Эти Люди Круглого Стола, как их называли, вершили в значительной степени человеческими судьбами. Председатель Совета Артур Пендрагон получил этот высокий пост по наследству, но сначала он выдержал тяжелую борьбу для того, чтобы занять законное место. Прочно обосновавшись, Артур Пендрагон распустил прежний Совет попечителей и назначил своих доверенных людей. Присутствовали: Билл Ланселот, финансовый воротила, Ричард Галахад, широко известный своей благотворительной деятельностью, Остин мордред, человек с большими политическими связями, и многие другие.

Финансовая империя, которую возглавляли эти лица, в последнее время пошатнулась, поэтому все они голосовали за единение сил и немедленную продажу всех владений, не дающих прибыли. Это решение, каким бы простым оно ни казалось, имело серьезные последствия.

На далеком Манитуатуа Джоэнис получил указание Совета остановить восточнополинезийскую электростанцию и, таким образом, лишился работы. Что еще хуже, рухнул его привычный уклад жизни.

Всю следующую неделю он размышлял о своем будущем. Полинезийские друзья Джоэниса уговаривали его остаться с ними на Манитуатуа или переехать на один из больших островов, например, на Хуахине, Бора-Бора или Таити.

Выслушав их, он удалился в уединенное место, чтобы поразмыслить над предложениями. Через три дня Джоэнис вернулся и объявил всем собравшимся о своем намерении отправиться в Америку, на родину предков, чтобы увидеть собственными глазами чудеса, о которых читал, и, возможно, найти там свою судьбу. Если окажется, что судьба его не там, он вернется к народу Полинезии с чистой душой и открытым сердцем, готовый к исполнению любых обязанностей, которые на него возложат.

Люди оцепенели от ужаса, когда услышали об этом, ибо американская земля слыла более неведомой и опасной, чем сам океан; а обитатели ее считались колдунами и магами, способными хитроумными заклятьями изменить даже образ мышления человека. Им казалось невероятным, что можно разлюбить коралловые побережья, лагуны, пальмы и остроносые каноэ. Тем не менее, такое случалось и раньше. Некоторые полинезийцы, отправившиеся в Америку, попадали под ее чары и никогда оттуда не возвращались. Один из них даже посетил легендарную Мэдисон Авеню; но что нашел он там, осталось тайной, ибо тот человек больше не заговорил. Тем не менее, Джоэнис твердо решил ехать.

Он был помолвлен с Тонделайо — манитуатуанской девушкой с золотистой кожей, миндалевидными глазами, смоляными волосами и точеной фигурой. Джоэнис предполагал послать за своей невестой, как только обоснуется в Америке, или вернуться, если судьба окажется к нему неблагосклонной. Ни одно из этих предложений не встретило одобрения у Тонделайо, и она обратилась к Джоэнису на преобладавшем тогда местном диалекте со следующими словами:

— Эй, ты, глупый парень, хочешь плыть в Мелику? Зачем, эй? Разве в Мелике больше кокосовых орехов? Длиннее пляжи? Лучше рыбалка? Нет! Ты думаешь, может быть, там интересней чумби-чумби? Так нет! Будет лучше, если ты останешься здесь, со мной, клянусь!

Вот таким образом красавица Тонделайо воззвала к разуму Джоэниса. Но тот ответствовал ей:

— Любимая, ужель ты думаешь, что я хочу покинуть тебя, воплощение всех моих грез и средоточие желаний?! Нет, зеница ока моего, нет! Отъезд наполняет меня скорбью, ибо я не ведаю, какой рок поджидает меня в холодном мире на востоке. Знаю лишь, что долг мужчины толкает меня вперед, к подвигам и славе, а если велит судьба, то и к самой смерти. Только поняв великий мир, известный мне пока лишь по рассказам родителей и из книг, смогу я вернуться и провести остаток дней своих здесь, на островах.

Прекрасная Тонделайо внимательно выслушала эти речи и глубоко задумалась. И обратилась девушка к Джоэнису со словами простой народной мудрости, передаваемой от матери к дочке с незапамятных времен:

— Послушай, малый, я думаю, все вы, белые, одинаковы. Сперва вы делаете чумби-чумби с маленькой wahino, и это хорошо, а потом вас тянет на сторону, я думаю, к белой женщине. Клянусь! Хотя пальмы растут, и кораллы тоже, но такой мужчина должен умереть.

Джоэнис мог лишь склонить голову перед древней мудростью островитянки. Но решимость его не дрогнула. Он знал, что ему суждено посетить Америку, откуда прибыли его родители, и принять уготованную ему судьбу. Джоэнис поцеловал Топделайо, и она заплакала, поняв, что слова ее бессильны.

Окрестные вожди устроили пир в честь Джоэниса, где подавались островные деликатесы — консервированная говядина и консервированные ананасы. Когда на остров пришла торговая шхуна с обычным еженедельным грузом рома, они печально простились с любезным их сердцу Джоэнисом.

На этой шхуне Джоэнис, в ушах которого все еще звучали туземные мелодии, прошел мимо Хуахине и Бора-Бора, мимо Танти и Гавайских островов и наконец прибыл в Сан-Франциско.

ЛАМ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ДЖОЭНИСОМ

(Рассказано самим Ламом и записано в «Книге Фиджи», каноническое издание)

Ну, вы знаете, как это бывает. Еще Хемингуэй говорил — выпивка ни к черту, и девчонка дрянь, и что вам тогда делать? Вот я и торчал в порту, поджидая еженедельную партию мескалина *, и, можно сказать, бил баклуши: слонялся и глазел на толпу, на большие корабли, на Золотые Ворота. Вы знаете, как это бывает. Я только что прикончил бутерброд — итальянская салями на тминном хлебе — и надеялся на скорое прибытие травки, а посему чувствовал себя не так уж паршиво. То есть, я хочу сказать, что необязательно чувствовать себя паршиво, даже если девчонка — дрянь.

Ну так вот, тот корабль пришел из дальних краев, и с него сошел парень. Такой, знаете, поджарый, высокий, с настоящим загаром и нехилыми плечами. Полотняная рубашка, обтрепанные штаны и вовсе никакой обувки. Я, естественно, решил, что он в порядке. То есть, я имею в виду, он выглядел в порядке. Я подошел к нему и спросил, пришел ли груз.

Этот тип посмотрел на меня и сказал:

— Меня зовут Джоэнис. Я здесь впервые.

Так я и понял, что он не в деле, и попросту отвел взгляд.

— Не знаете, где можно найти работу? — продолжал он.—

---

* Мескалин — наркотическое вещество. (Все примечания сделаны переводчиками).

Я первый раз в Америке и хочу узнать, что Америка может дать мне, и что я могу дать Америке.

Я снова посмотрел на него, потому что теперь уже не был уверен, что он в порядке. В наши дни не каждый работает под хиппи, а иногда, если молотишь под простачка, прямиком можешь угодить в ту Чайную на Небесах, где заправляет Величайший Торговец наркотиками из всех. И я сказал этому Джоэнису:

— Ищешь работу? А что ты умеешь?

— Я разбираюсь в электрических трансформаторах.

— Потрясно.

— И играю на гитаре,— добавил он.

— Эй, парень! — воскликнул я.— Что же ты сразу не сказал! Я знаю одно местечко, где ты мог бы играть и клево калымить. Монета есть?

Этот Джоэнис едва лопотал по-английски, и мне приходилось ему все растолковывать. Но он быстро схватывал, насчет монеты и остального, и я предложил ему на некоторое время обосноваться в моей халупе. Когда девчонка все равно дрянь, почему бы и нет? И этот Джоэнис одарил меня улыбкой и сказал, конечно, он согласен. Еще он поинтересовался обстановкой, и как тут можно поразвлечься. Он казался вполне в норме, даром что иностранец, и я его успокоил, что девчонки есть, а насчет других развлечений пускай пока держится меня, а потом видно будет. Он, вроде, усек, и мы двинули на хату. Я дал ему бутерброд с настоящим ржаным хлебом и куском швейцарского сыра — из Швейцарии, а не из Висконсина. Джоэнис был абсолютно на нуле, и мне пришлось ссудить его бренчалкой, так как свою гитару он оставил на островах, не знаю уж, где эти острова. И в тот же вечер мы выступили в кафе.

Надо сказать, что Джоэнис наделал переполоху своей гитарой и песнями, потому что пел на никому непонятном языке, и мелодии были малость занудливы. Туристы пришли в поросячий восторг, будто им задаром отвалили акции «АТ и Т»*. Джоэнис сорвал восемь долларов, чего хватило на пузырь русской — только не надо зудеть мне про патриотизм — и еще кое-какую закусь. И к нему приклеилась одна крошка не больше пяти футов роста, потому что таким уж был Джоэнис. То есть, он был высокий и здоровый, с широченными плечищами, да еще копна выгоревших волос. Для такого, как я, это посложнее, потому что хотя у меня и борода, и сам я крепкого сложения, но порой мне приходится потратить на поиски немало времени. А к Джоэнису их тянуло прямо как магнитом.

* Американская телефонная и телеграфная компания.

И вот Джоэнис, и эта крошка по имени Диедри Фейнстейн, и еще одна подружка, которую она взяла на мою долю,— все пошли ко мне. Я показал Джоэнису, как разминать зернышки и все прочее, мы наширялись и забалдели. То есть, у нас был нормальный приход, а вот Джоэнис засверкал, как тысячеваттная фара «Мазда». И хоть я предупредил его о фараонах, которые бродят по улицам и аллеям Сан-Франциско, ища, кого бы упрятать в свои новенькие расчудесные тюрьмы, Джоэнису было море по колено. Забрался он на кровать и стал толкать речь. Речь получилась потрясная, потому что этот жизнерадостный, улыбчивый парень из далекого захолустья действительно растрогался до глубины души. И сказал он так:

— Друзья мои, я пришел к вам из земли пальм и песка в надежде сделать славные открытия. Я считаю себя счастливей всех смертных, ибо в первый же вечер был представлен вашему кумиру, Королю Травке, и возвышен им, а не унижен. Мне явились чудеса этого мира, которые сейчас розовеют перед моими глазами и низвергаются радужным водопадом. Своего дорогого друга Лама я могу лишь бесконечно благодарить за это битниковское действо. Моей новой возлюбленной, сладчайшей Диедри Фейнстейн, я позволю себе сказать, что вижу разгорающееся внутри меня великое пламя и чувствую сотрясающую меня бурю. Подружке Лама, чье имя я, к сожалению, не разобрал, спешу поведать, что люблю ее любовью брата, страстной и в то же время невинной, как новорожденный младенец. А...

Надо сказать, что у этого Джоэниса голос был неслабый. То есть, он ревел как морской лев в брачный период, а такой звук никак не назовешь тихим. Соседи сверху — они у меня добропорядочные граждане, которые встают в 8 утра и отправляются на работу,— стали стучать в потолок и орать, что чаша их терпения переполнилась, и что они вызвали полицию, то есть фараонов.

Джоэнис и девочки были в отрубе, но я всегда сохраняю ясную голову на случай опасности, что бы там ни клубилось в легких и ни струилось в венах. Я хотел спустить оставшуюся травку в туалет, но Диедри, вконец рехнувшаяся от этого зелья, потребовала спрятать зернышки в самом интимном месте ее тела, где, по ее словам, они будут в полной безопасности. Я выволок их всех на улицу (причем Джоэнис не пожелал расстаться с моей гитарой) как раз вовремя. Подкатил фургон, и из него высыпали фараоны. Я настропалил свою команду идти прямо, как солдатики, потому что тут лучше не шутить.

Мы шагали кое-как, а фараоны пристроились рядом и стали бросать нам замечания насчет битников, аморального поведения и всего такого. Я старался, чтобы мы топали вперед, но с Диедри было не совладать. Она повернулась к фараонам и выложила все, что о них думала. Это очень неразумно, если у вас такое богатое воображение и такой лексикон, как у Диедри.

Их старший, сержант, сказал:

— Ладно, сестрица, пошли-ка с нами. Мы тебя забираем, усекла?

И они поволокли отбрыкивающуюся Диедри к своему фургону. Я заметил, как лицо Джоэниса принимает задумчивое выражение, и понял, что беды не миновать, потому что он, нашарившись, уж очень сильно возлюбил Диедри и вообще всех, кроме фараонов.

Я сказал ему:

— Парень, не вздумай что-нибудь выкинуть. Нашему веселью пришел конец, а если Диедри с нами не будет, то на нет и суда нет. Она вечно не в ладах с фараонами, с тех пор, как приехала изучать Дзен. Ее забирают все время, и ей это совершенно по нулям, потому что ее отец — Шон Фейнстейн, который может купить все, что ты успеешь перечислить за пять секунд. Она очухается и выйдет. Так что и пальцем не шевели, даже не оглядывайся, потому что твой отец — не Шон Фейнстейн и вообще не кто-нибудь, о ком я слыхал.

Вот так я пытался успокоить и урезонить Джоэниса. Но он встал как вкопанный. В свете уличного фонаря, с гитарой в руке, он выглядел настоящим героем.

— Чего тебе надо, малый? — поинтересовался сержант.

— Уберите руки от этой девушки! — потребовал Джоэнис.

— Эта наркоманка, которую ты называешь девушкой, нарушила статью четыреста тридцать один дробь три Уголовного кодекса города Сан-Франциско. Так что не суй нос не в свое дело, приятель, и не вздумай бренчать на этой укулеле на улицах после двенадцати ночи.

Я хочу сказать, что по-своему этот сержант был совсем неплохим парнем.

Но здесь Джоэнис толкнул речь, то есть не речь, а конфетку. К сожалению, я сейчас не припомню дословно, но смысл ее сводился к тому, что законы создаются людьми и, следовательно, должны учитывать дурную натуру человека, и что подлинная мораль заключается в следовании истинным требованиям просвещенной души.

— А, красный...— пробормотал сержант. И в мгновение ока, а то и еще быстрей, они затащили Джоэниса в фургон.

Само собой, Диедри на следующее утро выпустили — может, из-за отца, а может, и из-за ее неотразимого поведения, известного всему Сан-Франциско. Но Джоэнис, хоть мы и перерыли всю округу вплоть до Беркли, как в воду канул.

Говорю вам, как в воду канул! Что случилось с этим светловолосым, обожженным солнцем трубадуром с сердцем, большим как мир? Куда он пропал с моей гитарой и с моей почти самой лучшей обувкой? Полагаю, одни фараоны знают, а они-то уж не скажут. Но я навсегда запомнил Джоэниса, который, как Орфей у врат ада, вернулся на поиски своей Эвридики и тем самым разделил судьбу златоголосого певца. То есть, конечно, это не совсем так, и все же похоже. И кто знает, в каких дальних краях странствует сейчас Джоэнис с моей гитарой?

СЕНАТСКАЯ КОМИССИЯ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Джоэнис никак не мог знать, что в то время в Сан-Франциско проводила расследование Сенатская Комиссия Американского Конгресса. Но полиции это было известно. Интуитивно почувствовав в Джоэнисе потенциального свидетеля, следователь привел его из тюрьмы в зал заседаний Комиссии.

Председатель Комиссии, сенатор Джордж У. Пелопс, сразу спросил у Джоэниса, что тот может сказать о себе.

— Я ни в чем не виноват,— выпалил Джоэнис.

— Ага,— отреагировал Пелопс,— но разве вас в чем-то обвинили? Может быть, я? Или кто-нибудь из моих славных коллег? Если так, то я хотел бы немедленно об этом услышать.

— Нет, сэр,— молвил Джоэнис.— Я просто подумал...

— Мысли не являются уликами,— заявил Пелопс.

Затем он поскреб лысину, поправил очки и торжественно повернулся к телевизионной камере.

— Этот человек, по его собственному признанию, не был обвинен ни в каком преступлении, совершенном злонамеренно или же по заблуждению. Мы всего лишь предложили ему говорить, согласно привилегии и обязанности Конгресса. И все же каждое его слово выдает сознание вины. Я считаю, джентльмены, мы должны расследовать это дело.

— Я желаю видеть адвоката,— сказал Джоэнис.

— Вам не полагается адвокат, так как это не судебный процесс, а слушание Комиссии Конгресса, только устанавливающей факты. Но мы обратим самое пристальное внимание на ваше

требование. Могу я поинтересоваться, зачем предположительно невиновному человеку требуется адвокат?

Джоэнис, прочитавший немало книг на Манитуатуа, пробормотал что-то о законности и своих правах. Пелопс ответствовал ему, что Конгресс является охранником его прав, так же как создателем законов. Следовательно, Джоэнису нечего бояться, если он будет отвечать правду. Джоэнис принял это близко к сердцу и дал обещание отвечать правду.

— Благодарю вас,— сказал Пелопс.— Хотя обычно мне не приходится *просить,* чтобы отвечали правду. Впрочем, возможно, это не имеет значения. Скажите, мистер Джоэнис, вы действительно верите во все то, что упомянули в своей речи прошлой ночью на улице Сан-Франциско?

— Я не помню никакой речи,— ответил Джоэнис.

— Вы отказываетесь отвечать на этот вопрос?

— Я не могу ответить. Я не помню. Полагаю, на меня влиял алкоголь.

— Помните ли вы, с кем были прошлой ночью?

— Кажется, с одним человеком по имени Лам и еще с девушкой, Диедри...

— Нам не нужны их имена,— торопливо перебил Пелопс.— Мы всего лишь спросили вас, не помните ли, с кем вы были. Вы ответили, что помните. Должен сказать, мистер Джоэнис, что у вас весьма удобная память, которая фиксирует одни факты и отвергает другие, имевшие место в течение одного отрезка времени.

— То не факты,— возразил Джоэнис.— То люди.

— Комиссия не просит вас шутить,— сурово отчеканил Пелопс.— Официально предупреждаю вас, что уклончивые, безответственные и вводящие в заблуждение ответы, а также молчание, будут рассматриваться, как неуважение к Конгрессу, что является нарушением федеральных законов и влечет за собой тюремное заключение сроком до одного года.

— Я не хотел сказать ничего такого,— поспешно заверил Джоэнис.

— Очень хорошо, продолжим. Вы отрицаете, что прошлой ночью произносили речь?

— Нет, сэр, я не отрицаю этого.

— В таком случае, не отрицаете ли вы, мистер Джоэнис, что суть вашей речи касалась так называемого права каждого человека низвергать государственные законы? Или, другими словами, отрицаете ли вы, что подстрекали к бунту тех инакомыслящих, кого могли сбить ваши состряпанные за границей воззвания? Или, чтоб вам стало абсолютно ясно, что вы пропагандировали насильственное свержение правительства, опирающе-

гося на свои законы? Можете ли вы оспаривать тот факт, что содержание и смысл вашей речи сводились к нарушению тех свобод, которые дали нам наши Отцы-Основатели, и которые вообще позволяют вам говорить, каковой возможности вы, безусловно, не имели бы в Советской России? Смеете ли вы утверждать, что эта речь, замаскированная пустыми словечками из жаргона богемы, не является частью обширного плана, направленного на подрыв изнутри и прокладывание пути для внешней агрессии, в каковой цели вы пользуетесь молчаливым одобрением, если не явной поддержкой определенных лиц в нашем Государственном департаменте? И что, наконец, эта речь, произнесенная якобы в состоянии опьянения, но при полном сознании вашего так называемого права на подрывные действия в условиях демократии, где возможности возмездия, по вашему мнению, ограничены Конституцией и Биллем о правах, которые существуют не для помощи стоящим вне закона элементам, как вам думается, а, напротив, для охраны свобод народа от таких наемников, как вы? Так это или не так, мистер Джоэнис? Я прошу дать простой и однозначный ответ.

— Мне бы хотелось прояснить...

— Пожалуйста, отвечайте на вопрос,— ледяным тоном отрезал Пелопс.— Да или нет.

Джоэнис лихорадочно соображал, вспоминая все, что читал на родном острове об американской истории.

— Ваши утверждения чудовищны! — наконец воскликнул он.

— Мы ждем ответа! — провозгласил Пелопс.

— Я настаиваю на своих конституционных правах, а именно на Первой и Пятой поправках,— сказал Джоэнис,— и, со всем уважением к вам, отказываюсь отвечать.

Пелопс зловеще улыбнулся.

— Этот номер у вас не пройдет, мистер Джоэнис, поскольку Конституция, за которую вы *сейчас* так цепляетесь, была пересмотрена или, точнее, обновлена теми из нас, кто дорожит ее неизменностью и оберегает ее от выхолащивания. Упомянутые вами поправки, мистер Джоэнис,— или, может быть, мне следует называть вас *товарищем Джоэновым?* — не позволят вам хранить молчание по причинам, которые с радостью объяснил бы любой член Верховного Суда — если бы вы удосужились спросить его!

Эта сокрушительная речь в корне подавила любое возражение. Даже видавшие виды репортеры, присутствовавшие в зале, были поражены до глубины души. Джоэнис сперва побагровел, а затем побелел как смерть. Поставленный в безвыходное положение, он все же раскрыл рот, чтобы отвечать,

но в этот миг был спасен вмешательством одного из членов Комиссии, сенатора Зарешеткинга.

— Прошу прощения, сэр,— обратился сенатор Зарешеткинг к Пелопсу,— прошу прощения также у всех, кто ждет ответа на вопрос. Я хочу лишь кое-что сказать и требую, чтобы мои слова занесли в протокол, потому что иногда человек должен говорить прямо, несмотря на то, что это может причинить ему боль и даже нанести политический и материальный ущерб. И все же такой человек, как я, обязан высказаться, когда долг велит ему высказаться, невзирая на последствия и полностью сознавая, что это может противоречить общественному мнению. Таким образом, я желаю сказать следующее: я — старый человек и многое повидал на своем веку. Мой долг заявить, что я — смертельный враг несправедливости. Меня называют консерватором, но, в отличие от некоторых, я не могу мириться с определенными вещами. И как бы меня кое-кто ни называл, я надеюсь, что не доживу до того дня, когда русская армия займет город Вашингтон. Таким образом, я выступаю против этого человека, этого товарища Джоэнова, но не как сенатор, а, скорее, как тот, кто ребенком резвился в холмистой местности к югу от Соур-Маунтин, кто ловил рыбу и охотился в глухих лесах, кто постепенно взрослел и, наконец, постиг, что значит для него Америка, кто осознал, что соседи послали его в Конгресс для того, чтобы он представлял там их и их близких, и кто теперь считает своим долгом сделать настоящее заявление. Именно по этой и только по этой причине я обращаюсь к вам со словами из Библии: «Зло есть грех!». Некоторые умники среди нас, возможно, посмеются, но так уж оно есть, и я глубоко в это верю.

Члены комиссии разразились бурными аплодисментами. Хотя они много раз слышали речь старого сенатора, она неизменно будила в них самые высокие и благородные чувства. Председатель Пелопс, сжав губы, повернулся к Джоэнису.

— Товарищ,— спросил он с легкой иронией,— являетесь ли вы в настоящее время членом коммунистической партии и имеете ли членский билет?

— Нет! — воскликнул Джоэнис.

— В таком случае, назовите ваших сообщников в то время, когда вы являлись членом коммунистической партии.

— У меня не было никаких сообщников. Я имею в виду...

— Мы отлично понимаем, что вы имеете в виду,— перебил Пелопс.— Так как вы решили не называть своих сотоварищей-предателей, не признаетесь ли вы нам, где находилась ваша ячейка? Нет? Так, тогда скажите нам, товарищ Джоэнов, не говорит ли вам что-нибудь имя Рональд Блейк.

Или, проще выражаясь, когда вы в последний раз встречались с Рональдом Блейком?

— Я никогда с ним не встречался,— ответил Джоэнис.

— Никогда? Это очень смелое заявление. Вы пытаетесь заверить меня, что ни при каких обстоятельствах ни разу не встречались с Рональдом Блейком? Не сталкивались с ним самым случайным образом в толпе, не сидели в одном кинотеатре? Сомневаюсь, что кто-нибудь в Америке может вот так категорически утверждать, что никогда не встречался с Рональдом Блейком. Желаете ли вы, чтобы ваше заявление было занесено в протокол?

— Ну, знаете, возможно я встречался с ним в толпе, то есть я хочу сказать, что я мог оказаться в одной толпе с ним; я не утверждаю наверняка...

— Но вы допускаете такую возможность?

— Пожалуй, да.

— Прекрасно,— одобрил Пелопс.— Наконец-то мы добираемся до сути. Теперь я прошу вас ответить, в какой именно толпе вы встречались с Блейком, что он вам сказал, что вы сказали ему, какие документы он вам передал, и кому вы отдали эти документы...

— Я никогда не встречался с Арнольдом Блейком! — вскричал Джоэнис.

— Нам он был известен как Рональд Блейк,— сказал Пелопс.— Но мы, безусловно, заинтересованы в выяснении его псевдонимов. Заметьте, пожалуйста, что вы сами признали возможность связи с ним, а, ввиду вашей установленной партийной деятельности, эта возможность перерастает в вероятность столь значительную, что может рассматриваться как факт. Более того, вы сами выдали нам имя, под которым Рональд Блейк известен в партии, имя которого до сих пор мы не знали. Полагаю, этого достаточно.

— Послушайте,— взмолился Джоэнис.— Я не знаю ни этого Блейка, ни того, что он сделал.

— Рональд Блейк был обвинен в хищении чертежей новой малогабаритной двенадцатицилиндровой модели «Студебеккера» повышенной комфортности и в продаже этих чертежей советскому агенту,— сухим голосом констатировал Пелопс.— После объективного суда, в соответствии с законом, приговор был приведен в исполнение. Позже были разоблачены, осуждены и казнены тридцать его соучастников. Вы, товарищ Джоэнис, являетесь тридцать первым членом самой крупной из до сих пор нами раскрытых шпионских организаций.

Джоэнис попытался что-то сказать, но обнаружил, что трясется от страха и не может выдавить ни слова.

— Данная Комиссия,— подытожил Пелопс,— наделена особыми полномочиями, поскольку она устанавливает факты, а не карает. Как ни обидно, нам приходится следовать букве закона. Поэтому мы передаем секретного агента Джоэниса в ведомство Генерального прокурора с тем, чтобы он предстал перед справедливым судом и понес наказание, которое соответствующие органы правительства сочтут нужным наложить на изменника, заслуживающего только смерти. Заседание объявляется закрытым.

КАК ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

(Рассказано Пелуи с острова Пасхи)

Генеральный Прокурор, к которому попал Джоэнис, был высоким человеком с орлиным носом, узкими глазками и бескровными губами. Вообще его лицо казалось вырубленным из камня. Сутулый и молчаливо презрительный, величественный в своей черной бархатной мантии с гофрированным воротничком, Генеральный Прокурор являлся живым воплощением своего ужасного ведомства. Поскольку он был слугой карающего органа правительства, его долг заключался в том, чтобы никто из попавших к нему в руки не ушел от возмездия, и он добивался этого всеми доступными средствами.

Резиденция Генерального Прокурора находилась в Вашингтоне, но сам он происходил из города Афины, штата Нью-Йорк, и в годы молодости водил знакомство с Аристотелем и Алкивиадом, чьи произведения считаются высшим достижением американского гения.

Когда-то Афины были одним из городов Древней Греции, откуда возникла американская цивилизация. Рядом с Афинами находилась Спарта — милитаристское государство, главенствующее над городами Македонии в верхней части штата Нью-Йорк. Ионические Афины и дорическая Спарта вели между собой смертельную войну и утратили независимость. Но и попав под власть Америки, они сохранили большой вес в ее делах.

Пока все выглядело достаточно просто. У Джоэниса не было влиятельных друзей или политических соратников и, казалось, кара постигнет его без вреда для карающего. Соответственно, Генеральный Прокурор организовал Джоэнису всяческую возможную юридическую помощь с тем, чтобы его дело слушалось в знаменитой Звездной Палате. Таким образом, буква закона будет выполнена наряду с приятной уверенностью в вер-
дикте присяжных. Ибо педантичные судьи Звездной Палаты

бесконечно преданные идее искоренения зла в любом его проявлении, никогда за всю свою историю не выносили другого решения, кроме решения о виновности.

После оглашения приговора Генеральный Прокурор намеревался принести Джоэниса в жертву на Электрическом Стуле в Дельфах, тем самым снискать благосклонность богов и людей.

Таков был его план. Но в ходе расследования выяснилось, что отец Джоэниса [illegible] Манхэттена штата Нью-Йорк, да к тому же [illegible] муниципального совета. А мать Дж[illegible] из Манами — афинской колонии в [illegible] территории. Поэтому определенные влиятельные [illegible] решения отступившегося отпрыска [illegible] ческого единства — немал[illegible] политике.

Генеральный Прокур[illegible] Мэри, счел за лучшее удовлетворить эту просьб[illegible] и распустил Звездную Палату и послал Джоэниса к [illegible] Оракулу в Сперри, что встретило всеобщее [illegible] Сперрийский Оракул, так же как Оракулы из Дельфагора и Дженэлектрикса, славился объективностью [illegible] о людях и их делах. Оракулы вообще так верили в правосудие, что заменили многие суды страны.

Джоэниса привезли в Сперри, и вскоре, с дрожью в коленках, он предстал перед Оракулом. Оракул был огромной вычислительной машиной весьма сложного устройства, с пультом управления, или алтарем, которому прислуживало множество жрецов. Все жрецы были кастрированы, дабы они не имели других помыслов, кроме заботы о машине. Верховный жрец был к тому же еще и ослеплен, чтобы он мог видеть грешников лишь глазами Оракула.

Когда вошел Верховный Жрец, Джоэнис пал перед ним на колени. Но жрец поднял его и сказал: — Не страшись, сын мой. Смерть ожидает всех людей, и нескончаемые муки присущи их эфемерной жизни. Скажи мне, есть ли у тебя деньги?

— Восемь долларов и тридцать центов,— ответил Джоэнис.— Но почему вы об этом спрашиваете, отец?

— Потому,— молвил жрец,— что среди просителей существует обычай добровольно жертвовать деньги Оракулу. Но если у тебя нет денежных средств, равно принимаются недвижимость, облигации, акции, закладные и любые другие бумаги, которые считаются ценными в бренном мире.

— У меня нет ничего подобного,— печально ответствовал Джоэнис.

— А земли в Полинезии?

— Мои родители получили землю от правительства, и к нему она должна вернуться. Не владею я и никаким другим имуществом, ибо этим вещам в Полинезии не придают значения.

— Значит, у тебя ничего нет? — разочарованно спросил жрец.

— Ничего, кроме восьми долларов и тридцати центов,— сказал Джоэпис,— да гитары, которая принадлежит человеку по имени Лам, из далекой Калифорнии. Но, отец, неужели это действительно необходимо?

— Разумеется, нет. Но и киберпетикам надо на что-то жить, и щедрый дар от просителя рассматривается как благое деяние, особенно, когда приходит пора толковать слова Оракула. Некоторые также полагают, что бедный человек попросту мало трудился, раз не накопил денег для Оракула на случай судного дня и, следовательно, недостаточно благочестив. Но это не должно нас беспокоить. Сейчас мы представим твое дело и испросим решение.

Жрец взял заявление Генерального Прокурора и защитную речь адвоката Джоэписа и перевел их на тайный язык, каким Оракул общался с людьми. Вскоре пришел ответ.

«ВОЗВЕДИТЕ В ДЕСЯТУЮ СТЕПЕНЬ И ВЫЧТИТЕ КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ.
НЕ ЗАБУДЬТЕ КОСИНУС, ИБО ЛЮДЯМ ДОЛЖНО ВЕСЕЛИТЬСЯ. ДОБАВЬТЕ «Х» КАК ПЕРЕМЕННУЮ, СВОБОДНО ВЗВЕШЕННУЮ, НЕВЛЮБЛЕННУЮ.
ВСЕ ПРИДЕТ К НУЛЮ, И Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН».

Получив это решение, жрецы собрались вместе на толкование слов Оракула. И вот что они сообщили:

ВОЗВЕСТИ — значит исправить зло.

ДЕСЯТАЯ СТЕПЕНЬ — есть условия содержания и срок, в течение которого проситель должен работать на каторге, чтобы исправить зло; а именно десять лет.

КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ — будучи мнимым числом, представляет воображаемое состояние благодействия; также обозначает возможность обогащения и прославления просителя. В связи с этим предыдущий приговор объявляется условным.

«Х» ПЕРЕМЕННАЯ представляет воплощение земных фурий, среди которых будет обитать проситель, и которые покажут ему всевозможные ужасы.

КОСИНУС — знак самой богини, оберегающей просителя от некоторых ужасов, уготованных фуриями; он обещает ему определенные земные радости.

ВСЕ ПРИДЕТ К НУЛЮ значит, что в данном случае соблюдается равенство между святым правосудием и человеческой виной.

Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН означает, что в дальнейшем проситель не должен обращаться к этому или другому Оракулу, так как решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Таким образом, Джоэниса приговорили к десяти годам условно. И Генеральный Прокурор вынужден был исполнить решение Оракула и освободить Джоэниса.

Оказавшись на свободе, Джоэнис продолжил свое путешествие по земле Америки. Он торопливо покинул Сперри и добрался на поезде до города Нью-Йорк. О том, что делал он там, и что с ним приключилось, пойдет рассказ в следующей истории.

ДЖОЭНИС, ЧЕВОИЗ И ПОЛИЦЕЙСКИЙ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Никогда не видел Джоэнис ничего, подобного великому городу Нью-Йорку. Бесконечные толкотня и спешка такого множества людей были ему незнакомы, они поражали воображение. Лихорадочная жизнь города не утихла и с наступлением вечера. Джоэнис наблюдал за ньюйоркцами, спешащими в погоне за развлечениями в ночные клубы и варьете. Город не испытывал недостатка в культуре, ибо огромное число людей отдавало свое время утраченному ныне искусству движущихся картинок.

К ночи суматоха стихла. Джоэнис увидел множество стариков и молодых людей, неподвижно сидящих на скамейках или стоящих у входа в метро. Их лица были ужасающе пусты, а когда Джоэнис обращался к ним, то не мог разобрать их вялых, невнятных ответов. Эти нетипичные ньюйоркцы вызывали у него беспокойство, и он был рад, когда наступило утро.

С первыми лучами солнца возобновилось бурление толпы. Люди толкали друг друга, в судорожной спешке стараясь куда-то попать и что-то сделать. Джоэнис решил узнать причину всего этого и остановил одного прохожего.

— Сэр,— обратился к нему Джоэнис,— не могли бы вы уделить минуту вашего ценного времени и рассказать страннику о великой и целенаправленной деятельности, которую я наблюдаю вокруг?

— Ты что, псих? — буркнул прохожий и заторопился прочь.

Но следующий, кого остановил Джоэнис, тщательно обдумал свой ответ и произнес:

— Вы называете это деятельностью?

— Так мне кажется,— ответил Джоэнис, глядя на бурлящую толпу.— Между прочим, меня зовут Джоэнис.

— А меня — Чевоиз.

— Чевоис?

— Нет, Чевоиз: как в «чево изволите». В ответ на ваш вопрос я скажу вам, что то, что вы видите — не деятельность. Это паника.

— Но чем вызвана такая паника? — поинтересовался Джоэнис.

— В двух словах объяснить это можно так: люди боятся, что, если они прекратят суетиться, то кто-нибудь предположит, что они мертвы. Это очень скверно, если вас сочтут мертвым, потому что тогда вас могут выкинуть с работы, закрыть ваш текущий счет, повысить квартплату и отнести в могилу, как бы вы ни отбрыкивались.

Джоэнису ответ показался неправдоподобным, и он сказал:

— Мистер Чевоиз, эти люди не похожи на мертвых. Ведь на самом деле, без преувеличений, они не мертвы, правда?

— Я никогда не говорю без преувеличений,— сообщил ему Чевоиз.— Но так как вы приезжий, я постараюсь объяснить проще. Начнем с того, что смерть есть понятие относительное. Некогда определение ее было примитивным: ты мертв, если не двигаешься в течение длительного времени. Но современные ученые очень внимательно изучили это устаревшее понятие и добились больших успехов. Они обнаружили, что можно быть мертвым во всех важных отношениях, но все же передвигаться и разговаривать.

— Что же это за «важные отношения»? — спросил Джоэнис.

— Во-первых,— сказал Чевоиз,— ходячие мертвецы характеризуются почти полным отсутствием чувств. Они могут испытывать лишь страх и злобу, хотя иногда симулируют другие эмоции, подобно тому, как шимпанзе неумело притворяется читающим книгу. Далее. Во всех их действиях сквозит какая-то роботообразность, которая сопутствует прекращению высших мыслительных процессов. Часто наблюдается рефлексивная склонность к набожности, что напоминает спазматическое дергание цыпленка, которому только что отрубили голову. Из-за этого рефлекса многие ходячие мертвецы бродят вокруг церквей, а некоторые даже пытаются молиться. Других можно встретить на скамейках, в парках или возле выхода метро...

— А-а,— перебил Джоэнис,— гуляя вчера поздно вечером по городу, я видел таких людей.

— Совершенно верно,— подтвердил Чевоиз.— Это те, кто уже не притворяются живыми. Но остальные копируют живых с умилительным старанием, в надежде остаться незамеченными. Но они частенько перебарщивают, и их легко определить либо по слишком оживленному разговору, либо по чересчур громкому смеху...

— Понятия не имел,— признался Джоэнис.

— Это большая проблема,— продолжал Чевоиз.— Власти изо всех сил стремятся решить ее, но она чудовищно разрослась. Я хотел бы поведать вам и о других чертах ходячих мертвецов, ибо уверен, что вам будет интересно. Но к нам приближается полицейский, и, стало быть, мне лучше откланяться.

С этими словами Чевоиз пустился бегом и исчез в толпе. Полицейский погнался было за ним, но вскоре бросил эту затею и вернулся к Джоэнису.

— Проклятье! — пожаловался он.— Опять его упустил.

— Он преступник? — удивился Джоэнис.

— Самый ловкий вор в наших краях, специалист по краже драгоценностей,— сказал полицейский, вытирая пот с широкого красного лба.— Обожает притворяться битником.

— Со мной он разговаривал о ходячих мертвецах,— заметил Джоэнис.

— Он вечно что-нибудь выдумывает,— посетовал полицейский.— Патологический лжец, вот кто он такой; причем сумасшедший. И опасный. Особенно опасный, потому что никогда не носит оружия. Я трижды чуть не поймал его. Приказываю ему остановиться именем закона, точно по инструкции, а когда он не повинуется, стреляю. Пока я убил восьмерых прохожих. Если и дальше так будет продолжаться, сержанта мне не видать. Кроме того, за патроны заставляют платить из собственного кармана.

— Но если этот Чевоиз невооружен...— начал Джоэнис и тут же осекся. Лицо полицейского приобрело зловещее выражение, и рука его опустилась на рукоятку револьвера.— То есть, я хотел бы узнать,— спохватился Джоэнис,— есть ли правда в том, что рассказывал мне Чевоиз о ходячих мертвецах?

— Нет, это все его битниковская болтовня для одурачивания людей. Разве я не говорил, что он вор?

— Простите, забыл,— произнес Джоэнис.

— Так не забывайте. Я самый обыкновенный человек, но такие, как Чевоиз, действуют мне на нервы. Я исполняю обязанности строго по инструкции, а по вечерам прихожу

дкой и смотрю телевизор, каждый вечер, кроме пятницы, когда я иду в боулинг. Ну что, похоже это на поведение робота?

— Разумеется, нет! — заверил Джоэнис.

— Этот парень,— продолжал полицейский,— твердит, что люди лишены чувств. Так я вам скажу: хоть я, может, и не психолог, но я точно знаю, что у меня чувства есть. Когда я сжимаю в руке револьвер, мне хорошо. Похоже, что у меня нет никаких чувств? Больше того, я вам еще кое-что скажу: я вырос в неблагополучном районе и юнцом был в банде. Мы все имели энерганы и гравиножи и развлекались убийствами, грабежами и изнасилованиями. Разве похоже, что у нас не было чувств? Так бы я, наверно, и пошел по дурной дорожке, не повстречайся мне тот священник. Он не хвалился, не задавался, он был словно один из нас, потому что знал, что только так его слова смогут достичь наших дикарских душ. Вместе с нами он совершал налеты, и я не раз видел, как он потрошит кого-то своим маленьким ножиком, с которым никогда не расставался. Так свой в доску священник растолковал мне, что я впустую гроблю свою жизнь.

— Должно быть, воистину замечательный человек,— заметил Джоэнис.

— Он был святым,— задумчиво произнес полицейский печальным голосом.— Он был настоящим святым, потому что делал все наравне с нами, но внутри оставался очень хорошим человеком и всегда уговаривал нас сойти с преступного пути.

Полицейский посмотрел Джоэнису прямо в глаза и добавил:

— Именно благодаря ему я и пошел в полицию. Это я-то! Все думали, что я кончу на электрическом стуле. А у Чевониза хватает наглости болтать о ходячих мертвецах! Я стал фараоном, я стал хорошим фараоном, а не каким-нибудь паршивым подонком вроде Чевониза. Выполняя свой долг, я убил восемь преступников и получил три почетных знака. А еще я убил двадцать семь ни в чем не повинных граждан, которые не сумели быстро убраться с дороги. Мне жаль этих людей, но главное для меня — работа. Я не могу позволить кому-то путаться под ногами, когда от меня уходит преступник. И, что б там ни плели газеты, я в жизни не брал взяток, даже за стоянку в неположенном месте.— Рука полицейского судорожно сжала револьвер.— Я самого Иисуса Христа оштрафую, оставь он машину в неположенном месте, и все святые не смогут меня подкупить. Что вы об этом думаете?

— Я думаю, что вы самоотверженный человек,— осторожно ответил Джоэнис.

— И правильно. У меня красивая жена и трое чудесных детишек. Я обучил их стрелять из револьвера. Я для своей семьи ничего не пожалею. А Чевоиз воображает, что он знает что-то о чувствах! Господи, эти сладкоречивые ублюдки так мне действуют на нервы, что я порой теряю голову. Хорошо еще, что я набожный человек.

— Безусловно, хорошо,— согласился Джоэнис.

— Я до сих пор навещаю каждую неделю священника, который вытащил меня из банды. Он все еще работает с подростками, такой он самоотверженный. Годы его не те, чтобы пользоваться ножом, поэтому частенько приходится орудовать энерганом или велосипедной цепью. Этот человек сделал для законности больше, чем все городские центры по перевоспитанию. Порой и я помогаю ему. Мы с ним вернули обществу четырнадцать закоренелых преступников. Многие из них стали уважаемыми бизнесменами, а шестеро служат в полиции. Всякий раз, когда я вижу этого человека, я *чувствую* святость.

— По-моему, это чудесно,— заметил Джоэнис и начал потихоньку пятиться, потому что полицейский вытащил револьвер и стал им нервно поигрывать.

— Нет такого зла в нашей стране, которое нельзя было бы исправить доброй волей и прямыми действиями,— сказал полицейский и подбородок его начал дергаться.— В конечном счете добро всегда торжествует и будет торжествовать, пока ему помогают добросердечные люди. В полицейской дубинке правопорядка больше, чем во всех заплесневелых кодексах, вместе взятых! Мы их ловим, а судьи их отпускают, как вам это нравится?! Хорошенькое дело, нечего сказать! Но мы, полицейские, привыкли к этому и считаем, что одна сломанная рука стоит года в каталажке, и поэтому часто сами вершим правосудие.

Сжимая одной рукой дубинку, а другой — револьвер, и пристально глядя на Джоэниса, полицейский надвигался на него, излучая необузданное стремление насаждать закон и порядок. Джоэнис застыл на месте. Ему оставалось лишь надеяться, что полицейский не убьет его и не переломает ему кости.

Назревал критический момент. В последнюю секунду Джоэниса спас какой-то разморенный жарой горожанин, который сошел с тротуара до того, как загорелся зеленый сигнал светофора. Полицейский резко повернулся, сделал два предупредительных выстрела и бросился к нарушителю. Джоэнис быстро зашагал в противоположном направлении и продолжал идти, пока не вышел за пределы города.

ДЖОЭНИС И ДВА ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

(Рассказано Телуи с Хуахине)

Джоэнис шагал вдоль шоссе на север, когда рядом с ним затормозил грузовик. В кабине сидели двое мужчин. Они сказали, что охотно его подбросят, поскольку им по пути.

Джоэнис с радостью забрался в машину, выразив водителям благодарность. Те заверили, что берут его с удовольствием, так как вести грузовик — нудное занятие. Оказалось, что они любят беседовать с различными людьми и выслушивать их рассказы. Именно поэтому они попросили Джоэниса поведать им, что приключилось с того момента, как он уехал из дома.

Джоэнис рассказал этим людям, что, будучи родом с далекого острова, он приплыл в город Сан-Франциско, где был арестован и допрошен Сенатской Комиссией. Затем он предстал перед судом Оракула, получил десять лет условно и отправился в Нью-Йорк, где его чуть не убил полицейский. С тех пор, как он покинул остров, все пошло кувырком, жаловался Джоэнис, и оборачивалось крайне неудачно. Таким образом, он считает себя глубоко несчастным человеком.

— Мистер Джоэнис,— проникновенно сказал первый водитель грузовика,— на вашу долю безусловно выпало немало злоключений, но несчастнейшим из людей являюсь я, так как я утратил нечто более ценное, чем золото, о чем скорблю каждый день своей жизни.

Джоэнис попросил этого человека поведать свою историю. И вот что рассказал ему первый водитель грузовика.

ИСТОРИЯ УЧЕНОГО ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

Мое имя — Адольфус Защитникус, по происхождению я швед. Сызмальства я обожал науку. Эта любовь жила во мне не сама по себе; я верил, что наука является первейшим слугой человечества, что она вырвет его из жестокости прошлого и поведет к миру и счастью. Несмотря на все зверства, чинимые людьми, даже несмотря на то, что моя собственная нейтральная страна наживалась на продаже оружия воюющим государствам, я верил в добрую натуру человека.

Из-за своего врожденного гуманизма и склонности к наукам я стал врачом и обратился в Комиссию по Здравоохранению при ООН, добиваясь назначения в самое глухое и запущенное место. Тихая практика в сонном шведском городке была не для меня; я жаждал сразиться с болезнями.

И меня послали на побережье Западной Африки, единственным врачом на территорию, превосходящую по площади Европу. Я замещал швейцарца по фамилии Дюрр, умершего от укуса рогатой гадюки.

В той местности свирепствовало неисчислимое множество разнообразных заболеваний. Одни были мне известны, так как я изучал их по книгам, другие же явились для меня откровением. Эти последние, как я узнал, распространялись искусственно. Мне неведомо, кто принял такое решение, но кое-кому на Западе позарез нужна была именно такая Африка, неспособная к самостоятельному развитию. С этой целью и распространялись бактерии, а также некоторые выведенные в лабораторных условиях растения, которые должны были сделать и без того густые джунгли совершенно непроходимыми. Таким образом африканцев можно было отвлечь от политики, так как все их время уходило на борьбу за выживание. При этом многие виды животных погибли, зато некоторые процветали. Крысы, например, и змеи неимоверно размножались. Резко возросла численность насекомых, в частности мух и москитов, а из птиц несметно размножились стервятники.

Я никогда не догадывался о таком положении дел, поскольку в условиях демократии на подобные сообщения никто не обращает внимания, а диктатура их попросту запрещает. Но мне самому пришлось увидать все эти ужасы. Кроме того, я узнал, что то же самое творится в тропических районах Азии, Центральной Америки и Индии. Случайно или же по чьему-то умыслу, все эти области были абсолютно нейтральными, потому что последние силы их жителей уходили на борьбу за существование.

Как врач, я был опечален разгулом заболеваний, известных и неизвестных. Они шли из джунглей, с помощью и поддержкой человека. Темпы роста всего живого в джунглях были фантастическими, такой же фантастической была и скорость разложения всего отмершего. В этих благоприятных условиях множились и развивались болезнетворные микробы и бактерии.

Как человека, меня доводило до бешенства такое извращенное применение науки. И все же я верил в нее. Я твердил себе, что дурные и ограниченные люди во все века творили в мире зло; но гуманисты, рука об руку с наукой, исправят содеянное.

Я принялся за работу с большим рвением. Я побывал у всех племен своего района и обрушился на заболевания всеми имеющимися у меня лекарствами. Успех был потрясающим. Однако вскоре возбудители болезней стали невосприимчивы к моим средствам. Местное население страдало ужасно.

Я срочно заказал новые лекарства, получил их и остановил эпидемию. Но некоторые микробы и вирусы все-таки сохранились, и зараза вновь начала распространяться.

Я выписал только что открытые препараты, и мне их прислали. Опять мы сошлись в смертельной схватке, из которой я вышел победителем. И снова часть микроорганизмов выжила, и появились мутации. Я обнаружил, что в соответствующих условиях болезни могут принимать новые, еще более опасные формы куда быстрее, чем человек способен создавать новые лекарства.

И вообще, я заметил, что микробы ведут себя точно так же, как люди в критическом положении. Они проявляли поразительную волю к победе. Естественно, что чем более губительное воздействие на них оказывали, тем быстрее и неистовее они множились, сопротивлялись, изменялись и, в конце концов, наносили ответный удар. Сходство, по моему мнению, жуткое и противоестественное.

Я чудовищно много работал в то время, по двенадцать, по восемнадцать часов в сутки, пытаясь спасти несчастное, терпеливое, страдающее население. Но зараза преодолела самые последние достижения медицины и свирепствовала с небывалой силой. Я был в отчаянии, ибо оказался беспомощным перед этими новыми болезнями.

И тут я обнаружил, что микроорганизмы, приспособившиеся к новым лекарствам, потеряли иммунитет к старым. Так, в научном горении я снова стал применять старые средства.

Со времени моего приезда в Африку я справился по меньшей мере с десятью крупными эпидемиями и начал схватку с одиннадцатой. Я уже знал, что микробы и вирусы отступят перед моей атакой, изменятся, размножатся и вновь нанесут удар, поставив меня перед необходимостью с теми же результатами бороться с двенадцатой эпидемией, потом с тринадцатой, четырнадцатой и так далее.

Такова была ситуация, в которую привели меня научное и общегуманистическое рвение. Но я смертельно устал и буквально валился с ног. У меня не было времени думать ни о чем, кроме сиюминутных проблем.

Но потом жители моего района сами освободили меня от непосильной ноши. Люди темные и малообразованные, они видели лишь, что с тех пор, как появился я, эпидемии бушуют с особой яростью. Они считали меня каким-то чрезвычайно злым колдуном, в склянках которого вместо целебных средств заключена квинтэссенция смерти. Эти люди отвернулись от меня и пошли к своим шаманам, которые лечат больных мазками глины и талисманами из кости и сваливают каждую смерть на кого-нибудь из невинных соплеменников.

Даже матери спасенных мною детей выступили против меня. Они винили меня в том, что дети все равно умирают, если не от болезни, то от голода.

Наконец жители деревень собрались меня убить. И непременно бы это сделали, если бы меня не спасли шаманы. Ирония судьбы — ведь я считал их своими ярыми противниками.

Они объяснили своим соплеменникам, что на мое место придет еще более злой колдун. Люди испугались и не причинили мне вреда; а шаманы стали раскланиваться со мной, потому что почитали меня за коллегу.

И все же я не отчаялся и не бросил работу с этими племенами; и тогда племена бросили меня. Они перекочевали в глубь материка, в район губительных болот, где почти не было пищи, зато свирепствовали болезни.

Я не мог последовать за ними, потому что болота относились к другому участку, где был свой доктор, тоже швед, который не делал никаких уколов, не давал ни таблеток, ни пилюль, вообще ничего. Вместо этого он каждый день напивался медицинским спиртом. Он прожил в джунглях двадцать лет и утверждал, что поступает наилучшим образом.

Оставшись в одиночестве на своем участке, я пережил нервное потрясение. Меня отозвали в Швецию, и там я стал размышлять о происшедшем.

Мне пришло в голову, что деревенские жители, которых я считал неразумными дикарями, вели себя как здравомыслящие люди. Они бежали от моей науки и моего гуманизма, которые ни на йоту не улучшили их положения. Напротив, моя наука доставила им еще большие страдания и боль, а мой гуманизм безрассудно пытался уничтожить ради них другие создания и, тем самым, нарушил равновесие сил на Земле.

Осознав все это, я покинул свою страну, покинул Европу и прибыл сюда. Теперь я вожу грузовик. И когда кто-нибудь обращается ко мне с восторженными речами о науке, гуманизме и чудесах исцеления, этот человек кажется мне сумасшедшим.

Вот так я потерял веру в науку, в то, что было для меня дороже золота и что я буду оплакивать до конца своих дней.

В конце этой истории второй водитель грузовика сказал:

— Никто не станет отрицать, что на вашу долю выпало немало бед, Джоэнис, но пережитое вами не идет ни в какое сравнение с рассказом моего друга. А невзгоды моего друга никак не сравнятся с моими. Ведь я — самый несчастный среди людей. Я утратил нечто более ценное, чем золото, и более дорогое, чем наука, что буду оплакивать до конца жизни.

Джоэнис обратился к нему с просьбой поведать свою историю. И вот что рассказал второй водитель грузовика.

ИСТОРИЯ ЧЕСТНОГО ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

Мое имя — Рамон Дельгадо. Родился я в Мексике и больше всего гордился своей честностью. Я был честен, потому что этого требовали законы страны, написанные лучшими из людей. Они вывели их из общепринятых принципов справедливости и укрепили Наказанием, дабы повиновались все, а не только готовые к соблюдению законов добровольно.

Это казалось мне правильным, ибо я любил справедливость и верил в нее, а, стало быть, и в законы, выведенные из понятия справедливости, и в Наказание, насаждающее законность. Ибо только так можно обрести свободу от тирании и чувство собственного достоинства.

Многие годы я трудился в своей деревне, копил деньги и вел честную и правильную жизнь. Однажды мне предложили работу в столице. Я был счастлив, ибо давно мечтал увидеть великий город, откуда исходила справедливость в моей стране. Я потратил все сбережения на покупку старенького автомобиля и поехал в столицу. Я поставил машину перед магазином моего работодателя, на платной стоянке со счетчиком и зашел внутрь, чтобы разменять деньги и бросить песо в счетчик. А когда вышел, меня арестовали.

Я предстал перед судьей, который обвинил меня в нарушении правил стоянки, мелком воровстве, бродяжничестве, сопротивлении аресту и создании общественных беспорядков.

Судья признал меня виновным по всем статьям. В нарушении правил стоянки, потому что я не опустил монету в счетчик; в воровстве, потому что я взял песо из кассы хозяина; в бродяжничестве, потому что при мне не было ничего, кроме одного песо; в сопротивлении аресту, потому что я спорил с полицейским; и в создании общественных беспорядков, потому что я плакал, когда меня вели в тюрьму.

Строго говоря, все это было правдой, и я не посчитал несправедливым, когда меня осудили. Я даже восхищался равнодушием судьи на службе закону. И не выражал недовольства, когда меня приговорили к десяти годам заключения. Это казалось жестоким, но я-то знал, что закон может быть соблюден лишь посредством применения сурового и бескомпромиссного Наказания.

Меня направили в федеральную Каторжную Тюрьму Морелос. Я понимал, что мне пойдет на пользу знакомство с местом, где осуществляется Наказание, и усвоение горьких плодов бесчестного поведения.

По пути в Каторжную Тюрьму я обратил внимание на множество людей, прячущихся рядом в лесу. Я не придал этому особого значения, потому что часовой как раз читал мои бумаги. Он изучил их с большим вниманием, а затем открыл ворота.

К величайшему моему изумлению, как только ворота открылись, эта толпа ринулась вперед и силой проложила себе дорогу в тюрьму. Откуда-то появилось множество охранников, которые попытались оттеснить их. Но прежде чем часовой сумел закрыть ворота, некоторым удалось проскочить внутрь.

— Разве возможно,— спросил я его,— чтобы эти люди специально хотели попасть в тюрьму?

— Именно так,— ответил часовой.

— Но я всегда полагал, что тюрьмы скорее служат цели удержания людей внутри, чем предохранения от попадания снаружи,— заметил я.

— Да, так было,— сказал часовой.— Но в наши дни, когда в стране такое количество иностранцев и такой голод, люди рвутся в тюрьму хотя бы из-за трехразового питания. Мы не в силах задержать их. Ворвавшись в тюрьму, они становятся преступниками, и мы вынуждены оставлять их там.

— Возмутительно! — воскликнул я.— Но при чем тут вообще иностранцы?

— С них все и началось,— объяснил часовой.— В их странах царит голод, а они знают, что у нас в Мексике — лучшие тюрьмы в мире. И вот они специально приезжают в тюрьму. Но на мой взгляд, иностранцы ничуть не хуже и не лучше наших собственных граждан, которые делают то же самое.

— В таком случае,— удивился я,— как может правительство соблюдать закон?

— Лишь скрывая истинное положение вещей,— сказал часовой.— Когда-нибудь мы научимся строить такие тюрьмы, которые смогут кого надо содержать внутри, а кого надо оставлять снаружи. До тех пор необходимо хранить все в тайне. Тогда большая часть населения будет верить, что наказания следует бояться.

Затем часовой провел меня внутрь Каторжной Тюрьмы, в помещение Комиссии по Амнистии. Находившийся там человек спросил, нравится ли мне тюремная жизнь. Я ответил, что пока не могу сказать определенно.

— Что ж,— промолвил тот человек,— ваше поведение за все время пребывания здесь было воистину примерным. Наша цель — перевоспитание, а не месть. Как бы вы отнеслись к немедленной амнистии?

Я боялся ответить невпопад, поэтому сказал, что не знаю.

— Не торопитесь, подумайте,— посоветовал он,— и приходите сюда, как только захотите выйти на свободу.

После этого я направился в свою камеру. Там сидели еще два моих соотечественника и три иностранца. Двое иностранцев были французами, а один американцем. Американец спросил, согласился ли я на амнистию, и я ответил, что пока еще нет.

— Чертовски умно для новичка! — одобрил американец по имени Лифт.— Некоторые из только что осужденных ничего не понимают. Они соглашаются — и бац! — оказываются за воротами у разбитого корыта.

— А это так плохо?

— Еще бы! — воскликнул Лифт.— Если тебя освободили, обратно в тюрьму уже не попасть. Что бы ты ни делал, судья попросту расценивает это как нарушение правил поведения отпущенного под честное слово и предупреждает, чтобы ты так больше не поступал. Скорее всего, ты больше ничего не сделаешь, потому что полицейские переломают тебе руки.

— Лифт прав,— заметил один из французов.— Согласиться выйти под честное слово — крайне опасно. Я — живое тому свидетельство. Мое имя Эдмон Дантес. Много лет назад меня направили в это заведение, а потом предложили условное освобождение. Будучи зеленым юнцом, я согласился. Но затем снаружи, я понял, что все мои друзья остались в тюрьме, и там же собранные мною книги и пластинки. По юношеской опрометчивости, я оставил там также свою возлюбленную, заключенную под номером 43 422 231. Слишком поздно я осознал, что в тюрьме находится вся моя жизнь, теперь я навсегда лишен тепла и надежности этих гранитных плит.

— Что же вы сделали?

— Я наивно полагал, что преступление принесет мне заслуженное вознаграждение,— печально улыбнувшись, произнес Дантес.— Ну, и убил человека. Но судья просто-напросто продлил срок моего условного заключения, а полиция сломала мне все пальцы на правой руке. Именно тогда, когда моя рука заживала, я и преисполнился решимости вернуться назад [illegible]

— Это, должно быть, оказалось очень трудно,— вставил [illegible]

Дантес кивнул.

— Потребовалось огромное терпение, ибо я потратил двадцать лет жизни, чтобы попасть в тюрьму.

Старый Дантес вздохнул и продолжал рассказ при [illegible] ном молчании остальных заключенных.

— В те дни тюрьмы охранялись куда строже, и такой прорыв через ворота, как вы видели сегодня, никогда бы не удался. Поэтому я, в одиночку, прорыл подземный ход. Трижды я

выходил на сплошной гранит и был вынужден начинать все сначала. Один раз я почти уже проник во внутренний дворик, но меня засекла охрана. Они сделали контрподкоп и оттеснили меня назад. Как-то я попытался спуститься в тюрьму на парашюте, но внезапный порыв ветра отнес меня в сторону. С тех пор самолетам запретили пролетать над тюрьмами. Таким образом, я вызвал даже некоторые тюремные реформы.

— Но как же вы в конце концов добились своего? — спросил я.

Старик печально усмехнулся.

— После многих лет бесплодных усилий мне в голову пришла идея. Даже не верилось, что такой простой план может привести к успеху там, где не помогли изобретательность и безрассудная храбрость. И все же я попытался. Я вернулся в тюрьму под видом следователя по особым делам. Сперва охрана не хотела меня впускать. Но я сказал, что правительство рассматривает возможность введения поправки, согласно которой охране даруются равные права с заключенными. Меня пропустили, и тогда я открыл свое инкогнито. Они вынуждены были позволить мне остаться. Потом ко мне пришел какой-то человек и записал мою историю. Надеюсь, что он записал ее правильно.

С тех пор, разумеется, ввели строгие меры, делающие повторение моего плана невозможным. Но я глубоко убежден, что отважные люди всегда преодолевают препятствия, которые воздвигает общество на пути к достижению их цели. Если проявить достаточно упорства, в тюрьму *можно* попасть.

Когда старый Дантес закончил свой рассказ, наступило молчание.

— А возлюбленная ваша была еще там, когда вы вернулись?

Старик отвернулся, и по его щеке скатилась слеза.

— Заключенная под номером 43 422 231 умерла от цирроза печени за три года до того. Отныне я провожу все время в молитвах и размышлениях.

Трагическая история о смелости, настойчивости и обреченной любви произвела на нас мрачное впечатление. Молча мы отправились на вечерний прием пищи и потом еще долгие часы пребывали в подавленном настроении.

Я много размышлял об этом странном деле, о людях, мечтающих жить в тюрьме, и от неотвязных мыслей у меня раскалывалась голова. И чем больше я думал об этом, тем становился растерянней. Поэтому я очень робко поинтересовался у своих товарищей по камере: разве не манит их свобода,

разве не томятся они тоской по городам и улицам, по цветущим лугам и лесам?

— Свобода? — переспросил Лифт.— Ты говоришь об *иллюзии* свободы, а это разные вещи. В городах, о которых ты ведешь речь, существование опасно, там царят ужас и страх, за каждым углом поджидает смерть.

— А упомянутые вами цветущие луга и леса еще хуже,— заметил второй француз.— Мое имя Руссо. В молодости я по наивности написал несколько книг, где превозносил природу и человека, как венец ее творения. Но потом, в зрелом возрасте, я тайно покинул страну и совершил путешествие в ту самую природу, о которой так уверенно распространялся.

Тогда-то я понял, как она ужасна и до какой степени ненавидит человека. Я обнаружил, что цветущие луга крайне неудобны для ходьбы, и ходить по ним вреднее, чем по самому плохому асфальту. Я увидел, что посевы человека — это жалкие изгои растительного мира, лишенные силы и существующие лишь благодаря людям, которые борются с сорняками и вредителями.

Попав в лес, я убедился, что деревья признают только себе подобных; все живое бежало меня. Я узнал, что как бы ни радовали глаз прекрасные голубые озера, они всегда окружены колючками и топью. А когда вы, наконец, добираетесь до них, то обнаруживаете, что вода коричневая от грязи.

Дожди и засуха, жара и холод — все это природа. И она же заботливо устраивает так, что от дождей гниет пища человека, от жары сохнет тело человека, а от стужи мерзнут его конечности.

Причем это только самые мягкие проявления природы, их никак нельзя сравнить с гневом моря, с холодным безразличием гор, с предательством трясины, с безжалостностью пустынь или ужасом джунглей. И я заметил, что в своей злобе природа покрыла большую часть земли морями, болотами, пустынями, горами и джунглями.

Нет нужды говорить о землетрясениях, торнадо, приливных волнах и всех тех бедствиях, в которых природа с полной силой проявляет свое ожесточение.

Единственное спасение человечества от этих кошмаров — в городе, где мощь природы отчасти ограничена. И, естественно, самый далекий от природы тип поселения — это тюрьма. К такому выводу привели меня долгие годы исследований. Вот почему я отрекся от слов, сказанных в юности, и веду здесь счастливую жизнь, не видя ничего зеленого.

С этим Руссо отвернулся и погрузился в созерцание стальной стены.

— Видишь, Дельгадо,— сказал Лифт,— единственная настоящая свобода — здесь, в тюрьме.

Этого я принять не мог и указал на то, что мы находимся взаперти, а это противоречит понятию свободы.

— Но мы все взаперти на этой земле,— возразил мне старый Дантес.— Кто-то на большем пространстве, кто-то на меньшем. И все навеки взаперти внутри себя.

Лифт пожурил меня за неблагодарность.

— Ты же слышал, что говорили охранники. Если бы о нашей счастливой судьбе узнали по всей стране, сюда ринулись бы сломя голову все остальные. Надо радоваться, что мы находимся здесь, и что об этом чудесном местечке известно лишь избранным.

— Но сейчас ситуация меняется,— заметил заключенный мексиканец.— Несмотря на то, что правительство скрывает истину и представляет тюремное заключение как нечто такое, чего следует страшиться и избегать, люди потихоньку начинают узнавать правду.

— Это ставит правительство в затруднительное положение,— вставил другой мексиканец.— До сих пор тюрьмам никакой замены не нашли, хотя некоторое время собирались карать любое преступление смертной казнью. От этой идеи отказались, потому что сие пагубно отразилось бы на военном и промышленном потенциале государства. И поэтому до сих пор приходится посылать людей в тюрьму — в то единственное место, куда они и хотят попасть.

Все заключенные тут засмеялись, потому что, будучи преступниками, обожали парадоксы правосудия. А это казалось величайшим извращением — совершить преступление против общественного блага и получить в результате счастливое и обеспеченное существование.

Я чувствовал себя словно во сне, словно во власти ужасного кошмара, ведь мне нечего было возразить этим людям. Наконец, в отчаянии я воскликнул:

— Возможно, вы свободны и живете в наилучшем уголке Земли, но у вас нет женщин!

Заключенные нервно захихикали, как будто я затронул щекотливую тему, но Лифт спокойно сказал:

— Твои слова верны, у нас нет женщин. Однако это совершенно несущественно.

— Несущественно? — поразился я.

— Абсолютно,— подтвердил Лифт.— Может быть, некоторые и ощущают поначалу определенное неудобство; но люди всегда приспосабливаются к окружающей обстановке. В конце концов, одни только женщины считают, что без них нельзя обойтись. Мы, мужчины, знаем, что это не так.

Все находящиеся в камере дружно и горячо выразили свое согласие.

— Настоящие мужчины,— продолжал Лифт,— нуждаются лишь в обществе таких же мужчин. Если бы здесь был Батч, он объяснил бы это гораздо лучше; но, к великому сожалению, его многочисленных друзей и поклонников, Батч лежит в лазарете с двойной грыжей. Он, безусловно, растолковал бы тебе, что жизнь в обществе невозможна без компромиссов. Когда компромиссы чересчур велики, мы называем это тиранией. Когда они незначительны и не требуют от нас особых усилий, как вот этот малосущественный вопрос о женщинах, мы называем это свободой. Помни, Дельгадо, совершенства нет ни в чем.

Больше я спорить не стал, но выразил желание покинуть тюрьму как можно скорее.

— Я устрою тебе побег сегодня вечером,— сказал Лифт.— Пожалуй, это хорошо, что ты уходишь. Тюремная жизнь не для того, кто ее не ценит.

Вечером, когда выключили свет, Лифт поднял одну из гранитных плит на полу камеры. Под ней был тоннель. И, пораженный, сбитый с толку, я оказался на улице города.

Долгие дни я размышлял над происшедшим. Наконец я понял, что моя честность была ничем иным, как глупостью, поскольку основывалась на невежестве и неправильном представлении о жизни. Честности вообще не может быть, так как она не предусматривается никаким законом. Закон просто-напросто не сработал, потому что все человеческие представления о справедливости оказались ложными. Следовательно, справедливости не существует — как не существует никаких ее производных, в том числе и честности.

Это было ужасно. Но ужаснее было другое: раз нет справедливости, то не может быть свободы или человеческого достоинства; есть лишь искаженные иллюзии, подобные тем, что владели умами моих товарищей по камере.

Так я потерял вдру в честность, которая была для меня дороже золота. И эту утрату я буду оплакивать до конца своих дней.

Джоэнис молча сидел с водителями грузовика, не зная, что сказать. Наконец они доехали до развилки дорог, и машина остановилась.

— Мистер Джоэнис,— молвил первый водитель грузовика.— Здесь вам придется нас покинуть. Мы свернем на восток, к нашему складу, а там лишь океан и леса.

Джоэнис сошел с машины. Но на прощанье он задал попутчикам последний вопрос:

— Каждый из вас утратил то, что было ему дороже всего на свете. Но откройте мне, удалось ли вам обрести что-нибудь взамен?

Дельгадо, который некогда верил в честность, ответил:

— Ничто не может возместить мне потерю. Однако я должен признаться, что меня начинает занимать наука, которая, мне кажется, предлагает целостную и логичную картину мира.

Защитникус — швед, проклявший науку, — сказал:

— Ничто не может утешить меня в моем горе. Но время от времени я думаю о честности. Она создает законы и чувство собственного достоинства.

Джоэнис понял, что водители грузовика не слышали друг друга, так как каждый был слишком занят своей бедой. И так Джоэнис распрощался с ними, помахал рукой и пустился в путь, размышляя над их рассказами.

Но вскоре он обо всем забыл, потому что увидел впереди большой дом. На его пороге стоял мужчина и жестами приглашал Джоэниса войти.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖОЭНИСА В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

(Рассказано Нади с Фиджи)

Джоэнис подошел ко входу в дом и остановился, чтобы прочитать надпись над дверью. Надпись гласила:

«ДОМ «ХОЛЛИС» ДЛЯ НЕВМЕНЯЕМЫХ ПРЕСТУПНИКОВ».

Пока Джоэнис размышлял над тем, что бы это значило, к нему подскочил человек, делавший ему знаки, и схватил за обе руки. Джоэнис уже приготовился защищать свою жизнь, но тут увидел, что человек этот — не кто иной, как Лам, его друг из Сан-Франциско.

— Джонсик! — восторженно заорал Лам.— Ну, парень, и попортил же ты мне кровь! Жуть берет, как подумаю, что ты — чужеземец, причем малость простоватый по натуре,— будешь крутиться в нашей стране. Ведь Америка — не то место, где можно спать спокойно. Но Диедри сказала, чтобы я за тебя не беспокоился, и она оказалась права. Я вижу, что ты все-таки пришел сюда.

— Куда сюда? — спросил Джоэнис.

— В Уютноград,— ответил Лам.— Входи.

Джоэнис вошел в «Дом «Холлис» для невменяемых преступников». В гостиной, Лам представил его группе людей. Джоэнис смотрел и слушал очень внимательно, но не мог

обнаружить в них ничего ненормального, и поделился своими наблюдениями с Ламом.

— Разумеется, в них нет ничего ненормального! — возмутился Лам.— Вывеска — всего-навсего официальное название. Мы, обитатели, предпочитаем называть свой дом «Поселение «Холлис» для писателей и художников».

— Так значит, это не лечебница для душевнобольных?

— Нет, это лечебница, но только формально.

— А сумасшедшие здесь есть? — спросил Джоэнис.

— Послушай, старина,— сказал Лам,— сюда мечтают попасть люди искусства со всего Восточного побережья. Конечно, у нас найдется парочка психов — надо же чем-то занять докторов. Да к тому же, мы потеряем правительственную дотацию и освобождение от налогов, если у нас не будет ни одного чокнутого.

Джоэнис быстро огляделся, поскольку никогда в жизни не видел сумасшедшего. Но Лам покачал головой и сказал:

— Тут их не ищи. Сумасшедших, как правило, приковывают цепями в подвале.

К их разговору прислушивался высокий бородатый врач. Теперь он обратился к Джоэнису.

— Да, мы пришли к выводу, что подвал — самое подходящее для них место. Он сырой и темный, а это успокаивающе воздействует на буйных.

— Но почему вы держите их на цепи? — поинтересовался Джоэнис.

— Тогда у них складывается впечатление своей исключительности,— ответил врач.— Кроме того, не следует недооценивать воспитательного значения цепей. Воскресенье у нас день посещений, и когда люди проходят мимо ревущих, покрытых нечистотами безумцев, это производит на них неизгладимое впечатление. Психиатрия занимается предупреждением заболеваний в неменьшей степени, чем их лечением. Выборочные статистические данные показывают, что посетители, видевшие наши подземные камеры, гораздо реже сходят с ума, чем остальные американцы.

— Очень интересно,— заметил Джоэнис.— И что, вы так же обращаетесь со всеми сумасшедшими?

— Боже упаси! — с улыбкой воскликнул врач.— Мы, работники сферы психологии, не имеем права допустить косность в подходе к душевным расстройствам. Каждая конкретная форма сумасшествия требует своего собственного, особого лечения. Так, в отношении меланхоликов мы установили, что желаемый результат в плане поднятия общего тонуса приносит удар по лицу платком, пропитанным луком. Что касается паранойи, то мы

считаем, что лучше всего как бы войти в манию больного. Соответственно, мы устанавливаем за ним слежку, приставляем шпиков, используем подслушивающую аппаратуру и прочие подобные устройства. Пациент перестает быть сумасшедшим, ибо мы преобразуем окружающий его мир таким образом, что бывшие необоснованные страхи становятся вполне реальными. Этот метод лечения — одно из наших лучших достижений.

— Что происходит потом? — спросил Джоэнис.

— Войдя в мир параноика и превратив его из иллюзии в реальность, мы затем стремимся изменить картину действительности так, чтобы больной вернулся в норму. Пока мы не добились положительных результатов, но теория обещает многое.

— Как видишь,— заметил Лам,— наш док — настоящий мудрец.

— Ну что вы,— скромно улыбнулся врач.— Я лишь стараюсь не закоснеть. Мой ум готов принять любое предположение. Уж такой я есть, и тут совершенно нечем восхищаться.

— А, бросьте, док,— сказал Лам.

— Нет-нет, в самом деле. Я всего лишь из тех, кого называют «пытливым умом». В отличие от некоторых моих коллег, я задаю вопросы. Например, при виде мужчины, свернувшегося калачиком с закрытыми глазами, подобно зародышу в утробе, я не тороплюсь лечить его массированной шоковой радиотерапией. Скорее я спрошу себя: «А что, если создать большую искусственную матку и поместить его внутрь?». Кстати, такой случай действительно имел место.

— И что произошло? — поинтересовался Джоэнис.

— Несчастный малый задохнулся,— со смехом ответил Лам.

— Я никогда и не утверждал, что хорошо разбираюсь в технике,— надменно проговорил врач.— Метод проб и ошибок сопряжен с риском. Однако я рассматриваю данный случай как успех.

— Почему? — спросил Джоэнис.

— Потому что перед кончиной пациент *выпрямился*. До сих пор не знаю, что явилось причиной исцеления — искусственная матка, смерть или сочетание обоих факторов; но эксперимент, безусловно, имеет важное теоретическое значение.

— Я просто пошутил, док,— извинился Лам.— Я знаю, что вы отличный специалист.

— Благодарю вас, Лам,— произнес врач.— А теперь прошу прощения, мне пора навестить одного пациента. Любопытная мания. Он верит, что является физическом воплощением Бога. Причем вера его столь сильна, что он каким-то непонятным образом заставляет черных мух образовывать нимб вокруг

его головы; крысы падают пред ним ниц, а птицы лесов и полей слетаются со всех сторон петь у решетки его камеры. Этим феноменом заинтересовался один из моих коллег, так как он предполагает неизвестный канал общения человека с животными.

— Как вы его лечите? — спросил Джоэнис.

— Потакая мании. Я притворяюсь его поклонником и учеником. Каждый день в течение пятидесяти минут я сижу у его ног. Когда ему кланяются звери, я тоже кланяюсь. По четвергам я отвожу его в лазарет и позволяю лечить больных, потому что это доставляет ему удовольствие.

— Он в самом деле исцеляет их?

— Пока неудач у него не было,— ответил доктор.— Но, разумеется, ни для религии, ни для медицины эти так называемые чудеса не являются чем-то новым. Мы ведь не претендуем на всеведение.

— Можно мне увидеть этого пациента? — попросил Джоэнис.

— Конечно. Он очень любит посетителей. Я устрою вам встречу сегодня днем.

И с бодрой улыбкой доктор заспешил прочь.

Джоэнис разглядывал светлую, хорошо обставленную гостиную, прислушивался к бурлящим вокруг интеллектуальным спорам, и «Дом «Холлис» для невменяемых преступников» уже не казался ему неприятным. А через минуту он стал и того лучше, ибо навстречу Джоэнису шла Диедри Фейнстейн.

Прелестная девушка кинулась ему на шею, и аромат ее волос был подобен меду.

— Джоэнис, — произнесла она дрожащим голосом.— Я думала о тебе с момента нашей преждевременной разлуки в Сан-Франциско, когда ты встал так отважно и любяще между мною и полицейскими. Ты являлся мне во сне и наяву, и я перестала различать, где сон, а где явь. Мы с отцом искали тебя по всей Америке. Отчаявшись увидеть тебя, я приехала сюда, чтобы успокоить нервы. О Джоэнис, как ты думаешь, судьба или случайность свела нас сейчас снова вместе?

— Ну,— молвил Джоэнис,— мне кажется...

— Я так и знала! — воскликнула Диедри, прижимая его к себе еще крепче.— Мы поженимся через два дня, четвертого июня, так как за время твоего отсутствия я стала патриоткой. Тебя устраивает эта дата?

— Э-э...— начал Джоэнис,— я полагаю, нам следует принять во внимание...

— Я не сомневалась,— сказала Диедри.— Знаю, я была не из самых примерных, если вспомнить бурное прошлое, как мы

шпрялись на вечеринках, как месяц я пряталась в мужском общежитии в Гарварде, и то время, когда я была королевой Вест-Сайдских хулиганов и убила прежнюю королеву велосипедной цепью, и другие детские шалости. Я не горжусь этим, любимый, но и не стыжусь своей естественной неукротимой юности. Вот почему я призналась тебе в этих вещах и буду признаваться по мере того, как буду вспоминать. Ведь между нами не должно быть секретов. Ты согласен со мной?

— Ну,— произнес Джоэнис,— я думаю...

— Я была уверена, что ты того же мнения. К счастью для нас, все это уже в прошлом. Я повзрослела и посерьезнела, вступила в Лигу молодых консерваторов, в Совет против антиамериканизма в любой форме, в Общество друзей Салазара и в Крестовый Поход Женщин Против Иностранных Веяний. И это не поверхностные изменения. Я чувствую глубокое отвращение ко многим моим бывшим занятиям и, в частности, к искусству, которое часто ничто иное, как порнография. Ты видишь, я выросла, перемены внутри меня самые настоящие, и я буду тебе хорошей и верной женой.

Джоэнис представил на миг свою жизнь с Диедри, в которой отвратительные признания будут чередоваться с невыносимой скукой. Диедри долго еще лепетала о приготовлениях к свадьбе, а потом побежала звонить отцу.

— Как можно отсюда выбраться? — спросил Джоэнис.

— Послушай, дружище, сказал Лам,— но ведь ты только что сюда попал.

— Знаю. Но как мне смыться? Можно просто выйти?

— Конечно, нет. Это ведь, в конце концов, «Дом для невменяемых преступников».

— Нужно разрешение врача?

— Безусловно. Но на этой неделе к нему лучше не соваться. Он в полнолуние всегда очень раздражительный.

— Мне надо уйти сегодня же,— тревожно сказал Джоэнис.— Или завтра утром самое позднее

— Довольно неожиданно, – заметил Лам. - Уж не крошка ли Диедри со своими матримониальными планами заставляет тебя нервничать?

— Она,— признался Джоэнис.

— Не стоит беспокоиться,— сказал Лам.-- Я возьму на себя Диедри и завтра же тебя отсюда вызволю. Доверься мне, Джонсик, и ни о чем не волнуйся. Лам все устроит.

Позже днем вернулся доктор, чтобы повести Джоэниса на встречу с пациентом, возомнившим себя воплощением Бога. Они прошли несколько массивных стальных дверей и остановились в конце мрачного серого коридора.

— Для пользы дела будет лучше, если вы к моменту встречи освоите наши психотерапевтические методы,— предупредил врач.— Пусть пациент думает, что вы разделяете его заблуждение.

— Хорошо,— согласился Джоэнис и внезапно почувствовал прилив волнения и надежды.

Врач отомкнул дверь, и они ступили в камеру. Но в ней никого не оказалось. Напротив зарешеченного окна у стены стояла аккуратно заправленная койка. У маленького деревянного столика заходилась душераздирающим плачем полевая мышь. На столике лежала записка.

— Крайне странно,— проговорил врач, беря записку.— Полчаса назад, когда я запирал дверь, он казался в хорошем настроении.

— Но каким образом ему удалось выбраться? — удивился Джоэнис.

— Безусловно, он использовал некую форму телекинеза,— сказал врач.— Я не претендую на то, что много знаю об этих так называемых психических феноменах; но это ярко демонстрирует, сколь далеко может зайти потерявший ориентацию человек в стремлении себя оправдать. Сама интенсивность попытки бегства от реальности показывает степень умственного расстройства. Очень жаль, что мы не смогли помочь бедняге.

— А что говорится в записке? — поинтересовался Джоэнис.

Врач взглянул на клочок бумаги и сказал:

— Похоже на список необходимых покупок. Правда, весьма странный список. Не представляю себе, где он сумеет купить...

Джоэнис попытался заглянуть в записку через плечо доктора, но тот резко отдернул руку и убрал записку в карман.

— Привилегия врачей,— объяснил он.— Мы не можем позволить посторонним читать подобные вещи. По крайней мере, сперва записку надо тщательно проанализировать и снабдить пояснениями, а также заменить некоторые ключевые термины для сохранения в тайне имени пациента. А теперь, не вернуться ли нам в гостиную?

У Джоэниса не оставалось другого выхода, как последовать за доктором в гостиную. Он разглядел первое слово записки: «Помни». Совсем немного, но Джоэнис запомнил это навсегда.

Джоэнис провел беспокойную ночь. Его тревожило, сможет ли Лам выполнить свои обещания, касающиеся Дидри и освобождения Джоэниса из сумасшедшего дома. Но он еще не знал о всех способностях своего друга.

С надвигающимся бракосочетанием Лам разобрался, сообщив Диедри, что у Джоэниса третья стадия сифилиса. Курс лечения займет много времени; а если он не принесет успеха, заболевание поразит нервную систему и превратит Джоэниса в безмозглое и беспомощное создание.

Диедри опечалили эти известия, но она заявила, что все равно выйдет замуж за Джоэниса четвертого июня. Диедри сказала Ламу, что с тех пор, как она изменилась, половые отношения стали ей глубоко противны. Поэтому недуг Джоэниса скорее можно считать положительным фактором, так как он неизбежно ограничит их связь лишь духовным единением. Что касается замужества с безмозглым и беспомощным созданием, то таковая жизнь не является отталкивающей для девушки с возвышенными мыслями, и вообще она всегда мечтала стать сестрой милосердия.

Тогда Лам сказал, что людям, страдающим таким заболеванием, не положено выдавать брачные свидетельства. Это вынудило Диедри сдаться, так как недавно обретенная ею гражданская зрелость не допускала даже мысли о чем-то запрещенном федеральным или государственным законом.

Таким образом Джоэнис был спасен от союза, не сулившего ему ничего хорошего.

Что касается выхода из психиатрической лечебницы, то Лам побеспокоился и об этом. Вскоре после полдника Джоэниса позвали в комнату для посетителей. Там Лам представил его декану Гарнеру Дж. Глупсу, который, вместе с несколькими своими коллегами, составлял факультетский комитет университета Сент-Стивенс Вуд (УССВ).

Декан Глупс был высоким жилистым человеком с мягким взглядом ученого, ироничным улыбчивым ртом и сердцем большим, как мир. Замечанием о погоде и цитатой из Аристофана он помог Джоэнису быстро освоиться и почувствовать себя как дома. А потом изложил причину, побудившую его к знакомству с Джоэнисом.

— Вы должны понять, мой дорогой Джоэнис, если я могу вас так называть, что мы, работники сферы — ну, скажем, просвещения — постоянно находимся в поисках таланта. Нас нередко уподобляют, причем, как правило, в положительном аспекте, тем лицам в бейсболе, которые осуществляют аналогичную функцию.

— Понимаю,— сказал Джоэнис.

— Также следует добавить,— продолжал декан Глупс,— что мы ценим не столько обладателя ученых степеней, отвечающего формальным академическим требованиям, как я и мои коллеги, сколько человека с абсолютным пониманием своего

предмета и динамичным подходом к передаче знаний своим студентам. Не слишком ли часто мы, люди академического склада, оказываемся оторванными от главной — да позволю себе выразиться — струи американской жизни? Не слишком ли часто игнорируем мы тех, кто, не имея педагогического опыта, блестяще ведет свою работу? Впрочем, я уверен, что мой добрый мистер Лам уже объяснил все это, причем куда убедительнее, чем когда-либо удастся сделать мне.

Джоэнис перевел взгляд на Лама, и тот сказал:

— Как ты знаешь, два семестра я преподавал в УССВ «Взаимосвязь между джазом и поэзией». Потрясный курс, дружище. Клевые ударные и все прочее. Народ балдел.

— Лекции мистера Лама имели грандиозный успех,— добавил Глупс.— И мы с радостью их повторим, если мистер Лам...

— Нет, старина,— отрезал Лам.— Мне не хочется вас огорчать, но вы знаете, что я пас.

— Разумеется,— торопливо сказал Глупс,— если вы выразите желание преподавать что-нибудь другое...

— Может быть, я дам семинар по Дзену,— неуверенно произнес Лам.— Дзен-буддизм сейчас снова в силе. Но я должен подумать.

— Ну конечно.— Декан Глупс повернулся к Джоэнису.— Как вам, безусловно, известно, мистер Лам вчера вечером мне позвонил и проинформировал меня о вашем опыте.

— Весьма любезно с его стороны,— осторожно сказал Джоэнис.

— У вас великолепные данные,— продолжал Глупс.— Я уверен, что курс, который вы собираетесь у нас прочесть, будет иметь успех в полном смысле этого слова.

Джоэнис уже понял, что ему предлагают работать в университете. К сожалению, он понятия не имел, чему он должен учить и, между прочим, чему он вообще может научить. Лам, погруженный в мысли о буддизме, сидел глаза долу и не подавал никаких намеков.

— Я счастлив преподавать в таком славном учебном заведении, как ваше,— заверил Джоэнис.— Что касается курса, который мне предстоит вести...

— Пожалуйста, поймите меня правильно,— горячо произнес декан Глупс.— Мы ясно представляем себе узкий, специальный характер вашего предмета и все трудности, связанные с его изложением. Предлагаем вам для начала полную профессорскую ставку, то есть тысячу шестьсот десять долларов в год. Я понимаю, что это не очень большие деньги. Иногда я с грустью думаю, что какой-нибудь помощник водопроводчика зарабатывает

у нас не меньше восемнадцати тысяч. И все же, универ-
ситетская жизнь имеет свои преимущества.

— Я готов отправиться сейчас же,— заявил Джоэнис, боясь, что декан изменит свое решение.

— Чудесно! — вскричал Глупс.— Я восхищаюсь душевной бодростью нашей молодежи. Должен сказать, что в поисках подходящих талантов в таких артистических поселениях, как это, нам всегда сопутствовала удача. Мистер Джоэнис, пожалуйста, следуйте за мной!

Вместе с деканом Глупсом они подошли к старинному автомобилю. Сделав прощальный жест рукой Ламу, Джоэнис сел в машину, и вскоре сумасшедший дом скрылся из виду. Джоэнис снова был свободен. Его беспокоили лишь данное им обещание преподавать в университете Сент-Стивенс Вуд и мысль о том, что он не знает, чему, собственно, должен учить.

КАК ДЖОЭНИС ПРЕПОДАВАЛ В УНИВЕРСИТЕТЕ, И ЧТО ОН ПРИ ЭТОМ УЗНАЛ

(Рассказано Маубинги с Таити)

Через некоторое время Джоэнис прибыл в Ньюарк, штат Нью-Джерси, где находился университет Сент-Стивенс Вуд. На обширном зеленом пространстве были раскиданы низенькие, приятных очертаний здания. Глупс по очереди называл строения: корпус Гретца, корпус Ваникера, общага, столовая, физическая лаборатория, ректорат, библиотека, часовня, химическая лаборатория, новое крыло и старый корпус. За университетом протекала река Ньюарк, ее серо-бурые воды отливали оранжевыми сбросами с плутониевого завода, расположенного выше по течению. Неподалеку громоздились фабрики промышленного Ньюарка, а прямо перед университетом проходило скоростное восьмиполосное шоссе. Все это, сказал декан Глупс, привносит дыхание реальности в уединенную академическую атмосферу.

Джоэнису предоставили уютную комнату, а затем пригласили его на коктейль, на вечеринку факультетских преподавателей.

Там он встретил своих коллег.

Профессор Придир, заведующий кафедрой английского языка, вынул на минуту трубку изо рта и проговорил: «Добро пожаловать, Джоэнис. Если могу быть чем-то полезен, я к вашим услугам».

Лавочникер, кафедра философии, сказал: «Ну что ж...»

Хилякс, кафедра физики, сказал: «Надеюсь, вы не принадлежите к числу тех гуманитариев, которые считают своим долгом нападать на формулу $E = MC^2$? Уж так оно есть, черт побери, и

мы ни перед кем не обязаны извиняться. Я выразил свои взгляды в книге «Совесть физика-ядерщика» и буду отстаивать их до конца».

Хенли, кафедра антропологии: «Я уверен, что вы будете желанным гостем на моей кафедре, мистер Джоэнис».

Дальтон, кафедра химии: «Рад вас видеть в нашей компании, Джоэнис, и милости прошу на мою кафедру».

Джефрард, кафедра античности : «Вы, наверное, смотрите свысока на такую старую перечницу, как я».

Шулерис, кафедра политических наук: «Ну что ж...».

Свободолюдинг, кафедра изящных искусств: «Добро пожаловать, Джоэнис. У нас довольно разнообразная программа, не правда ли?».

Шкодборн, кафедра музыки: «По-моему, я читал вашу диссертацию, Джоэнис, и должен вам сообщить, что не вполне согласен с той аналогией, которую вы проводите касательно Монтеверди. Разумеется, я не специалист в вашей области, но ведь и вы не специалист в моей, так что нам обоим, очевидно, трудно проводить аналогии, не так ли? Тем не менее, приветствую вас в нашей компании».

Птоломей, кафедра математики: «Джоэнис? Кажется, я читал вашу докторскую работу по системам бинарно-сенсорных величин. Мне она показалась весьма любопытной. Хотите еще выпить?».

Скрыт Ник, кафедра французского языка: «Рад с вами познакомиться, Джоэнис. Разрешите наполнить ваш бокал?».

Весь вечер проходил в подобных и даже еще более приятных разговорах. Джоэнис пытался ненавязчиво выяснить, какой же предмет ему предстоит вести, беседуя с теми из профессоров, которые, казалось, были в курсе. Но эти люди, возможно из деликатности, не касались предмета Джоэниса, а предпочитали рассказывать истории, близкие им самим.

Поняв, что его попытки тщетны, Джоэнис вышел в фойе и оглядел доску объявлений. Но единственное объявление, которое имело к нему отношение, гласило, что занятия мистера Джоэниса начнутся в 11^{00} в аудитории 143 нового крыла вместо аудитории 341 корпуса Ваникера, как было сообщено ранее.

Джоэнис подумал, не отвести ли ему в сторону одного из профессоров, например мистера Лавочникера с кафедры философии (науки, безусловно, не чуждой подобных деликатных соображений) и не спросить в лоб, что ему, Джоэнису, надо преподавать. Но этому мешала его врожденная стеснительность. Вечеринка закончилась, и Джоэнис удалился к себе в комнату, так ничего и не узнав.

На следующее утро, стоя у входа в аудиторию 143 нового крыла, Джоэнис испытал типичный страх начинающего актера перед

выходом на сцену. Он даже подумал, не удрать ли из университета. Но ему так пришлась по душе университетская жизнь, судя по первым о ней впечатлениям, что было очень жаль лишаться ее из-за такого пустяка. Поэтому, придав лицу строгое выражение, он решительно вошел в аудиторию.

Разговоры стихли, студенты с жадным интересом рассматривали нового преподавателя. Джоэнис собрался с мыслями и обратился к классу с той напускной уверенностью, которая нередко лучше уверенности подлинной.

— Вот что, класс,— сурово начал он.— Я полагаю, что вам следует немедленно уяснить некоторые вещи. В виду определенной необычности моего курса, кое-кто из вас вероятно считает, что тут нечего делать, и что занятия наши будут носить развлекательный характер. Тех, кто так думает, предупреждаю сразу: лучше переводитесь на другой курс, более соответствующий вашим ожиданиям.

В аудитории воцарилось напряженное молчание. Джоэнис продолжал:

— До некоторых, возможно, дошли слухи, будто бы у меня легко получить положительную оценку. Советую побыстрее избавиться от этого заблуждения. Я отношусь к ответам беспристрастно, но строго. Знайте, что если потребуется, я без колебания завалю весь поток.

Легкий вздох, почти что отчаянная мольба, сорвался с губ студентов. По жалобным взглядам Джоэнис понял, что стал хозяином положения. Поэтому он продолжил уже более мягко:

— Теперь, когда мы познакомились поближе, мне остается только сказать вам — тем, кто выбрал курс из искренней жажды знаний — добро пожаловать в нашу компанию!

Студенты, как единый гигантский организм, разом облегченно выдохнули. Следующие двадцать минут Джоэнис занимался тем, что записывал фамилии и места слушателей. Когда он довел список до конца, его осенила счастливая идея.

— Мистер Ристократ,— обратился Джоэнис к серьезному и знающему на вид студенту, сидящему на первом ряду,— будьте любезны, подойдите ко мне и напишите на доске крупными буквами, чтобы всем было видно, название нашего курса.

Ристократ с трудом сглотнул, заглянул в свою тетрадку и вывел на доске: «Острова юго-западной части Тихого океана: мост между двух миров».

— Очень хорошо,— сказал Джоэнис.— А теперь вы, мисс Хуа, пожалуйста, возьмите мел и запишите краткий перечень тех вопросов, которые освещает наш курс.

Мисс Хуа оказалась высокой скромной девушкой в очках, и Джоэнис интуитивно почувствовал в ней хорошую студентку. Она написала: «Данный курс затрагивает вопросы культуры ост-

ровов юго-западной части Тихого океана, с уделением особого внимания искусству, науке, музыке, ремеслам, фольклору, психологии и философии. Будут проведены аналогии между изучаемой культурой, ее азиатскими истоками и заимствованной культурой Европы».

— Отлично, мисс Хуа,— сказал Джоэнис. Теперь он знал, что́ должен преподавать. Разумеется, оставалось еще немало трудностей. Он жил на Манитуатуа, в самом сердце южной части Тихого океана. О юго-западной части, куда, как ему казалось, входили Соломоновы, Маршалловы и Каролинские острова, он имел крайне слабое представление. И уж вовсе ничего он не знал о культурах Европы и Азии, с которыми ему предстояло проводить параллели.

Это, конечно, несколько обескураживало, но Джоэнис был уверен, что сумеет преодолеть все трудности. Кроме того, он с облегчением заметил, что время занятия истекло.

— Что ж, на сегодня достаточно,— сказал он студентам.— До свидания, или, как говорят полинезийцы, aloha. И, еще раз, добро пожаловать в нашу компанию!

С этими словами Джоэнис распустил свой класс. Когда все разошлись, в аудиторию вошел декан Глупс.

— Не вставайте, пожалуйста,— поспешно сказал он.— Я к вам, если можно так выразиться, неофициально. Я стоял за дверью и слушал, и хочу признаться — восхищен вашим подходом. Вы увлекли их, Джоэнис. По чести говоря, я опасался, что вам придется несладко, так как на курс почти целиком записалась наша баскетбольная команда. Но вы продемонстрировали ту самую гибкую твердость, которая является вершиной истинной педагогики. Я поздравляю вас и предсказываю вам долгую и блестящую карьеру в нашем Университете.

— Благодарю вас, сэр,— ответил Джоэнис.

— Не надо меня благодарить,— мрачно произнес декан Глупс.— Мое последнее предсказание относилось к профессору барону Мольтке, выдающемуся специалисту в области теории оширбок. Я пророчил ему великое будущее, но через три дня после начала семестра бедняга Мольтке свихнулся и убил пять членов университетской футбольной команды. В тот год мы проиграли Амхерсту, и больше я своей интуиции не доверяю. Но желаю вам удачи, Джоэнис. Я всего лишь простой администратор, однако я хорошо знаю, что мне нравится.

Глупс отрывисто кивнул и покинул аудиторию. Выждав для приличия некоторое время. Джоэнис поспешил в книжную лавку, чтобы приобрести необходимую для курса литературу. К несчастью, она была распродана, и ближайшее поступление ожидалось не раньше, чем через неделю.

Джоэнис пошел в свою комнату, лег на постель и погрузился в размышления об интуиции декана Глупса и о сумасшествии, постигшем бедного профессора Мольтке. Он проклинал злую судьбу, позволившую купить книги студентам и обошедшую куда более остро в них нуждающегося преподавателя. А еще он пытался придумать, что делать на следующем занятии.

Но когда пришло время и Джоэнис стал лицом к классу, на него снизошло озарение.

— Сегодня я вас учить не буду. Поступим наоборот — вы будете учить меня. О культуре юго-западной части Тихого океана, как вам, безусловно, известно, распространено множество искаженных представлений. В связи с этим, перед тем как мы начнем формальное изучение предмета, я бы хотел послушать вас. Говорите прямо, открыто, не бойтесь высказывать собственное мнение, даже если вы в чем-то не уверены. Наша цель на данном этапе — со всей откровенностью поделиться своими суждениями, чтобы впоследствии переориентироваться, если, конечно, это будет необходимо. Таким образом, отбросив ложные представления, мы сможем со свежей головой воспринять эту великую культуру, по праву именуемую «мостом меж двух миров». Надеюсь, вам это предельно ясно. Мисс Хуа, не начнете ли вы нашу дискуссию?

Джоэнису удалось использовать этот прием на протяжении следующих шести занятий и собрать массу противоречивых сведений о Европе, Азии и юго-западной части Тихого океана. Когда студенты интересовались, верно ли то или иное суждение, Джоэнис улыбался и говорил:

— Оставляю за собой право вернуться к этому вопросу позднее. А пока продолжим наше обсуждение.

На седьмом занятии студенты уже больше ничего не смогли ему рассказать. И тогда Джоэнис стал читать лекцию о воздействии электрических трансформаторов на культуру атолловых островов. С помощью анекдотов он растянул этот материал на несколько дней. А если студент задавал вопрос, на который Джоэнис не знал ответа, он неизменно говорил: «Прекрасно, Умникер! Вы попали в самую суть проблемы. Подготовьте-ка, пожалуйста, самостоятельно ответ к следующему занятию и изложите в письменной форме объемом, скажем, в пять тысяч слов, через два интервала».

Таким образом Джоэнис отвадил излишне любопытных, особенно из числа игроков в баскетбол, боящихся перенапрячь пальцы и выбыть из состава команды.

Но даже несмотря на эти уловки, Джоэнис вскоре опять исчерпал материал. В отчаянии он дал контрольную работу, предложив студентам оценить обоснованность ряда своих собственных суждений. Джоэнис со всей честностью пообещал, что результаты контрольной работы не отразятся на оценках.

Он понятия не имел, что делать дальше. Но, к счастью, подоспели долгожданные учебники, и в распоряжении Джоэниса оказались суббота и воскресенье для их изучения.

Весьма полезной была книга «Острова юго-западной части Тихого океана: мост меж двух миров», написанная Хуаном Диего Альваресом де лас Вегасом де Ривьерой. Автор когда-то был капитаном одного из перевозивших сокровища кораблей испанского флота, базировавшегося на Филиппинах и, если не считать выпадов против сэра Фрэнсиса Дрэйка, давал полную и содержательную информацию.

Равно полезной оказалась книга, озаглавленная «Культура островов юго-западной части Тихого океана: искусство, наука, музыка, ремесла, фольклор, нравы, психология и философия: связь между ее азиатскими истоками и заимствованной культурой Европы». Книга была написана пэром, достопочтенным Алланом Флинн-Скряггером, кавалером орденов Бани (женское отделение), Д. Д. Т., И.Т.Д., И.Т.П., бывшим генерал-губернатором Фиджи и руководителем карательной экспедиции на Тонго.

С помощью этих книг Джоэнис стал опережать студентов по крайней мере на одно занятие. Если по той или иной причине ему это не удавалось, он всегда мог дать контрольную работу по пройденному материалу. Но самым лучшим было то, что высокая очкастая мисс Хуа вызвалась проверять контрольные работы. Джоэнис испытывал глубокую признательность к преданной науке девушке, освободившей его от утомительнейших и скучнейших педагогических трудов.

Жизнь вошла в спокойное русло. Джоэнис читал лекции и устраивал контрольные работы, а мисс Хуа правила их и ставила оценки. Студенты быстро усваивали материал, писали контрольные и с легким сердцем забывали пройденное. Как и прочие молодые здоровые организмы, они быстро освобождались от всего вредного, раздражающего или просто надоедливого. Разумеется, они освобождались и от всего полезного, стимулирующего мысль или дающего пищу для размышлений. Об этом, возможно, стоило бы пожалеть, но такова уж неизбежная сторона процесса образования, с которой должен свыкнуться всякий преподаватель. Как сказал Птоломей с кафедры математики: «Ценность университетского образования заключается в том, что оно приближает молодежь к знаниям. Студента, проживающего в удобно расположенном общежитии, отделяют лишь тридцать ярдов от библиотеки, менее пятидесяти ярдов от лаборатории физики и всего-навсего десять ярдов от лаборатории химии. Я полагаю, что все мы можем по праву этим гордиться».

Однако возможностями, которые давал университет, в первую очередь пользовались все-таки преподаватели, соблюдавшие

правда, осмотрительность. Университетский врач строжайшим образом предупредил их об опасности злоупотребления знаниями и лично отмеривал им еженедельные дозы информации. Но несмотря на все предосторожности, несчастные случаи все-таки происходили. Старый Джефрард получил шок, когда читал в оригинале «Сатирикон», полагая, что это папская энциклика. Потребовалось две недели отдыха, прежде чем он окончательно пришел в себя. А Девлин, самый молодой профессор английского языка, перенес частичную потерю памяти, когда он, прочитав «Моби Дика», обнаружил, что не в состоянии дать сколько-нибудь логичную и здравую религиозную интерпретацию этого труда.

Таковы были опасности, свойственные их профессии. Но преподаватели не только не боялись их, но даже гордились ими. Как сказал Хенли с кафедры антропологии: «Землекопы рискуют быть засыпанными мокрым песком; мы рискуем жизнью, зарываясь в старые книги». Хенли изучал землекопов в полевых условиях и знал, что говорит.

Студенты, за редким исключением, не подвергались подобным опасностям. Они вели жизнь, резко отличавшуюся от жизни профессорско-преподавательского состава. Некоторые из более молодых сохранили ножи и велосипедные цепи, оставшиеся со школьных дней, и по вечерам выходили на улицу в поисках подозрительных личностей. Другие, как правило, проводили время в оргиях (вследствие чего в «Зале Свободы» еженедельно приходилось устраивать судебные заседания). Кое-кто увлекался спортом. Например, баскетболистов днем и ночью можно было видеть на тренировках, где они кидали мячи с механической регулярностью промышленных роботов.

И, наконец, были такие, кто проявлял рано пробудившийся интерес к политике. Эти, как их называли, интеллектуалы стояли на либеральных или консервативных позициях, в зависимости от воспитания и темперамента. Именно университетские консерваторы едва не добились успеха, выдвинув Джона Смита на пост президента Соединенных Штатов во время последних выборов. То обстоятельство, что Смит был мертв вот уже двадцать лет, ничуть не охлаждало их пыла; напротив, многие считали это важнейшим достоинством кандидата.

Они непременно победили бы, если бы большинство избирателей не описалось создания прецедента. Этим страхом умело воспользовались либералы. Они заявили: «Мы не возражаем против Джона Смита (да покоится его душа в мире), который, возможно, явился бы украшением Белого Дома. Но подумайте, что произойдет, если в неопределенном будущем президентское кресло займет *недостойный* покойник?»

Этот аргумент решил дело.

Либералы из студентов, однако, оставляли разговоры старшим. Сами они предпочитали посещать специальные занятия по партизанским методам ведения войны, изготовлению бомб и применению огнестрельного оружия.

Университетские консерваторы, уступившие победу на выборах либералам, делали вид, что в мире ничего не изменилось с тех пор, как генерал Паттон разбил персов в сорок пятом году. Они частенько посиживали в пивных и распевали «Балладу о побережье Омахи». Самые эрудированные могли исполнить ее в оригинале на древнегреческом.

Джоэнис наблюдал все это и продолжал преподавать культуру островов юго-западной части Тихого океана. Ему нравилась университетская обстановка. Постепенно коллеги стали принимать его, как своего. Сперва, конечно, были некоторые возражения.

Придир, кафедра английского языка: «Мне кажется, что Джоэнис не воспринимает «Моби Дика» как составную часть культуры юго-западной части Тихого океана».

Шкодборн, кафедра музыки: «Как я понимаю, он совсем не освещает важнейшую роль псалмов в народной музыке того района. Но это, в конце концов, его курс».

Хилякс, кафедра физики: «На мой взгляд, большим упущением с его стороны является то, что он не подчеркивает отсутствие влияния современной квантовой теории на жизнь островитян. Это наводит меня на кое-какие мысли».

Скрыт Ник, кафедра французского языка: «Насколько мне известно, Джоэнис не посчитал нужным отметить вторичное и третичное влияние французского на отглагольные формы в языках юго-западной части Тихого океана. Я, разумеется, всего лишь простой лингвист, но, по-моему, это весьма существенно».

Были и другие нарекания — со стороны профессоров, которые считали, что Джоэнис исказил или вообще игнорировал их специальности. Подобные трения, вполне возможно, могли бы привести со временем к натянутости в отношениях. Однако решающую роль сыграли слова Джефрарда с кафедры античности: — Вы, наверное, смотрите свысока на такую старую перечницу, как я. Но черт побери, я думаю, что он мировой парень!

Сердечный отзыв Джефрарда сослужил Джоэнису добрую службу. Профессора стали менее отчужденными и высказывали чуть ли не дружеское расположение. Все чаще Джоэниса приглашали на вечеринки и приемы в домах коллег, и вскоре он, как равный, вошел в жизнь УССВ.

Авторитет Джоэниса упрочился после завершения весенних студенческих соревнований. Но уже тогда он начал задумываться о трудностях человеческого существования, а в скором времени окончательно пришел к выводу, что ему лучше оставить уединенную университетскую жизнь.

КАК ДЖОЭНИС ПОПАЛ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ

(рассказано Маоа с Самоа)

Возможность покинуть университет представилась Джоэнису, когда кампус посетил правительственный агент по найму кадров. Чиновника звали Заммот; он носил титул Помощника Министра по Надзору за Распределением Государственных Должностей. Это был человек лет пятидесяти, невысокий, с коротко подстриженными седыми волосами и красным лицом, напоминавшим бульдожью морду. Его динамичность и целеустремленность взволновала Джоэниса до глубины души.

Помощник Министра Заммот произнес перед преподавателями короткую речь:

— Большинство из вас знают меня, поэтому я не стану тратить время на красивые слова. Я просто напомню вам, что правительству нужны талантливые, преданные люди для работы в различных службах и ведомствах. Мое дело — найти этих людей. Всех заинтересованных лиц милости прошу ко мне в корпус «Старый Скармут», в комнату 222, которой мне любезно разрешил воспользоваться декан Глупс.

Джоэнис отправился туда немедленно. Помощник Министра сердечно приветствовал его:

— Присаживайтесь,— сказал Заммот.— Курите? Пьете? Рад, что хоть кто-нибудь заглянул. Я уж думал, здесь все такие умники, в этом вашем Сент-Стивене Вуде, что прямо у каждого есть свой собственный план спасения мира, и в то же время никому нет дела до государственных проблем.

Джоэнис удивился: оказывается, Заммот был хорошо осведомлен о настроениях в университете.

— Мы держим ухо востро,— сказал Заммот.— На сегодняшний день преподавательский состав УССВ на две трети состоит из тайных агентов. Как только мы соберем достаточно компрометирующих материалов, то сразу же нанесем удар. Впрочем, к вам это не относится. Я так понимаю, что вы интересуетесь государственной службой?

— Интересуюсь. Меня зовут Джоэнис. Я...

— Знаю, все знаю,— перебил Заммот. Он отомкнул большой портфель и вынул записную книжку.— Ну-ка, посмотрим,— сказал он, перелистывая страницы.— Джоэнис. Арестован в Сан-Франциско по подозрению в произнесении речи подрывного характера. Предстал перед Комиссией Конгресса, где ему было предъявлено обвинение в непочтительности и отказе от дачи свидетельских показаний, в особенности, по вопросу связей с Арнольдом и Рональдом Блейками. После расследования приговорен Ораку-

лом к десяти годам тюремного заключения условно. Провел короткое время в «Доме «Холлис» для Невменяемых Преступников», после чего устроился на работу в данный университет.

Заммот закрыл книжку и спросил:

— Все более или менее правильно?

— Более или менее,— сказал Джоэнис, чувствуя, что спорить или объяснять что-либо бесполезно.— Полагаю, это досье свидетельствует о моей полной непригодности к государственной службе.

Заммот от души расхохотался. Отсмеявшись и утерев слезы, он заявил:

— Джоэнис, по-моему, здешняя обстановка слегка размягчила вам мозги. В вашем досье нет ничего страшного. Подрывной характер вашей речи в Сан-Франциско никем не доказан, это лишь подозрение. Ваша непочтительность к Конгрессу говорит только об обостренном чувстве личной ответственности — совсем как у наших величайших президентов. Ваш отказ свидетельствовать против Арнольда и Рональда Блейков, несмотря на угрозу, нависшую над вами лично, демонстрирует врожденную лояльность. Ваш отход от коммунизма очевиден. ФБР утверждает, что после того, как вы в первый и последний раз по заблуждению столкнулись с Блейками, вы решительно отвернулись от агентов мировой революции. Нет ничего постыдного и в том, что вы побывали в «Доме для Невменяемых Преступников»; если бы вы ознакомились со статистикой, то увидели бы, что большинство из нас рано или поздно начинает нуждаться в помощи психиатра. Мы, в правительстве, вовсе не лицемеры, Джоэнис. Мы знаем, что никто из нас не может быть совершенно чист, и каждый человек, хоть в мелочи, а допустил что-то такое, что вряд ли может вызвать прилив гордости. Если оценивать происшедшее с этих позиций, то вы вообще ни в чем не замешаны.

Джоэнис поспешил выразить свою глубочайшую признательность по поводу доверия, оказываемого ему правительством.

— Человека, которого вы действительно должны благодарить, зовут Шон Фейнстейн,— сказал Заммот.— Занимая пост Специального помощника Президента, он-то и выдвинул эти соображения в вашу защиту. Мы тщательно изучили ваше дело и пришли к выводу, что вы как раз тот самый человек, который нам нужен в правительстве.

— Кто? Я? — спросил Джоэнис.

— Вне всякого сомнения. Мы, политики, мыслим реалистически. Мы отдаем себе отчет, что нас осаждают мириады проблем. Для того, чтобы решать эти проблемы, нам нужны самые дерзкие, непредубежденные, бесстрашные мыслители. Лишь лучшие из лучших могут нам подойти, и никакие побочные соображения нас

не остановят. Нам нужны люди вроде ВАС, Джоэнис. Ну как, идете на службу в правительство?

— Иду! — закричал Джоэнис, пылая энтузиазмом.— И я постараюсь быть достойным того доверия, которое вы и Шон Фейнстейн мне оказали.

— Я знал, что вы так ответите, Джоэнис,— сказал Заммот дрогнувшим голосом.— Все так говорят. От всего сердца благодарю вас. Подпишите здесь и здесь.

Заммот вручил Джоэнису стандартный формуляр правительственного контракта, и тот расписался. Помощник Министра сунул бумагу в портфель и горячо пожал Джоэнису руку.

— Считайте, что с этого момента вы приступили к своим обязанностям в правительстве. Да благословит вас господь! Помните, что мы целиком полагаемся на вас.

Заммот направился было к двери, но Джоэнис окликнул его:

— Стойте! В чем же заключаются мои обязанности, и где именно я должен их выполнять?

— Вас известят,— сказал Заммот

— Когда? И кто?

— Я только агент по найму кадров,— сказал Заммот.— Следить за тем, что происходит с людьми, которых я вербую,— это совершенно вне моей компетенции. А теперь прошу меня извинить: меня ждут в Радклиффе для очень важного разговора.

Помощник Министра Заммот удалился. Джоэнис был чрезвычайно взволнован открывающимися перед ним перспективами. Уже на следующее утро он получил официальное письмо, присланное с курьером по особым поручениям. Ему было приказано прибыть за распоряжениями в комнату № 432, Восточное крыло Портико-Билдинг, Вашингтон, округ Колумбия, и сделать это с предельной срочностью. Письмо собственноручно подписал не кто иной как Джон Мадж, Специальный Помощник Начальника Управления по Координации Взаимодействий Родов Войск.

Джоэнис немедленно распростился со своими коллегами, бросил последний взгляд на зеленые лужайки и бетонные дорожки университета и сел на первый же самолет в Вашингтон.

И вот, наконец, наступил долгожданный момент — Джоэнис прибыл в столицу. По улицам из розового мрамора он спустился к Портико-Билдингу, миновав по пути Белый Дом — очаг американской имперской власти. Слева остались обширные угодья Октагона, построенного на месте маленького и тесного Пентагона. Еще дальше возвышались здания Конгресса.

Вид этих зданий особенно взволновал Джоэниса. По его представлениям, они воплощали в себе романтику истории. Перед глазами Джоэниса поплыли картины апофеоза Старого Вашингтона, бывшего столицей Эллинской Конфедерации вплоть до разрушения,

шительной Гражданской Войны. Он словно воочию увидел потрясшие мир дебаты между Периклом, представителем лобби резчиков по мрамору, и Фемистоклом, неистовым командиром подводной лодки. Он представил себе Клеона, покинувшего уютный домик в Аркадском Нью-Гемпшире, и пришедшего сюда, чтобы в нескольких скупых словах изложить свои мысли о ведении войны. Одно время здесь жил философ Алкивиад, представлявший в Конгрессе свой родной город Лунзиану, по этим ступеням поднялся Ксенофонт и все, стоя, устроили ему овацию за то, что он без потерь провел десять тысяч воинов от берегов Ялу до убежища в Пусане.

Воспоминания теснились, набегали одно за другим. Здесь Фукидид написал свой окончательный вариант истории трагической Войны между Штатами. Гиппократ — Начальник Медицинской Службы — победил здесь желтую лихорадку и, верный клятве, которую сам же и придумал, никогда об этом потом не распространялся. Наконец, Ликург и Солон, первые судьи Верховного Суда, затеяли здесь свою известную дискуссию о природе правосудия.

Все эти знаменитости словно толпились вокруг Джоэниса, когда он шествовал по широким вашингтонским бульварам. Перебирая в памяти их образы. Джоэнис преисполнился решимости сделать все возможное, дабы доказать, что он достоин своих предшественников.

Пребывая в таком восторженном состоянии духа, Джоэнис и вошел в комнату № 432, расположенную в Восточном крыле Портико-Билдинга. Специальный Помощник Джон Мадж принял его радушно и без малейших отлагательств. Несмотря на свою колоссальную загруженность, Мадж был сердечен, любезен и казалось, никуда не спешил. Джоэнис сразу уяснил, что в Управлении по Координации Взаимодействий Мадж единолично ведал всеми вопросами политики, поскольку его начальник дни и ночи трудился над составлением бесполезных прошений о переводе в армию.

— Ну, Джоэнис,— сказал Мадж,— мы очень рады, что вас определили к нам. Думается, мне лучше сразу объяснить, чем занимается наше управление. Мы функционируем как межведомственное агентство, которое призвано устранять дублирование усилий, предпринимаемых полуавтономными военными соединениями под началом военных властей. Кроме того, мы выступаем также как разведовательное и информационное агентство, обеспечивающее оперативными данными программы обслуживания всех родов войск, и как государственная организация, занимающаяся планированием психологической и экономической войны.

— Что-то многовато всего,— заметил Джоэнис.

— Это еще далеко не все! — воскликнул Мадж.— И тем не менее, наша работа абсолютно необходима. Возьмем, например, основную задачу Координации Взаимодействий Родов Войск. Не далее как в прошлом году, еще до того, как было создано это управление, части нашей армии вели трехдневные бои в непролазных джунглях северного Таиланда. Вообразите их разочарование, когда дым рассеялся, и они обнаружили, что все это время вели наступление против хорошо окопавшегося батальона морской пехоты США! Вы только представьте, как это повлияло на моральный дух войск! А если учесть, что наши военные обязательства тонкой паутиной опутали весь земной шар, то мы должны быть постоянно начеку, чтобы подобные инциденты не повторялись.

Джоэнис утвердительно кивнул. Мадж пустился рассуждать о необходимости выполнения агентством его прочих обязанностей.

— Возьмите, к примеру, разведку. Когда-то она была исключительно в ведении Центрального Разведывательного Управления. Но сейчас ЦРУ категорически отказывается рассекречивать свою информацию и вместо этого запрашивает все более крупные контингенты войск для решения задач, с которыми оно сталкивается.

— Прискорбно,— согласился Джоэнис.

— И, конечно, то же самое в еще большей степени относится к разведке сухопутных войск, военно-морской разведке, разведовательной службе ВВС, разведке морской пехоты, разведке военно-космических сил и всем прочим. Разумеется, никто не ставит под сомнение патриотизм людей, несущих службу в этих родах войск. Однако, каждый из них, заполучив средства ведения самостоятельных боевых действий, видит в командовании своего собственного рода войск единственную и последнюю инстанцию, которая способна оценить опасность и довести конфликт до победного конца. Конечно, при таком положении дел любая информация о противнике обретает противоречивый и подозрительный характер. А это, в свою очередь, парализует правительство, ибо оно не располагает достоверной информацией, на которой можно было бы строить проведение политической линии.

— Я и понятия не имел, что проблема настолько трудна,— сказал Джоэнис.

— Трудна и неразрешима,— ответил Мадж.— По моему разумению, порок гнездится в размерах правительственных организаций, штаты которых раздуты самым беспрецедентным образом. Один мой ученый друг как-то сообщил мне, что организм, который перерос свои естественные пределы, имеет тенденцию распадаться на составные части, чтобы со временем снова вступить в стадию роста. Мы разрослись сверх всякой меры, и процесс дробления уже начался. Тем не менее, наш рост был продиктован духом эпохи, поэтому мы не имеем права допустить какого бы то ни было распа-

да. Холодная война все еще продолжается, и мы обязаны латать, штопать, чинить наши войска и держать их хотя бы в условных рамках порядка и взаимодействия. Мы, в Управлении Координации, обязаны разузнать правду о противнике, передавать эти сведения на рассмотрение правительству в виде разработанной политической линии и заставлять рода войск действовать в соответствии с этой линией. Мы должны сохранить себя для будущих времен, когда внешняя угроза благополучно канет в прошлое, и тогда, надо надеяться, мы сократим размеры нашей бюрократической системы прежде, чем силы хаоса сделают эту работу за нас.

— По-моему, я вас понимаю,— сказал Джоэнис.— И я полностью разделяю ваше мнение.

— Я так и знал,— ответил Мадж.— Я знал это с того самого момента, как прочел ваше досье и распорядился, чтобы вас назначили сюда. Я сказал себе: этот человек, очевидно, прирожденный координатор. И, несмотря на многочисленные трудности, я добился, чтобы вас допустили к государственной службе.

— А я думал, что это работа Шона Фейнстейна,— сказал Джоэнис.

Мадж улыбнулся.

— Шон — чисто номинальная фигура. Он только подписывает бумаги, которые мы ему подсовываем. Он, конечно, первостатейный патриот и потому добровольно вызвался играть секретную, но очень важную роль правительственного козла отпущения. Прикрываясь именем Шона, мы проворачиваем все двусмысленные, непопулярные или подозрительные делишки. Когда они заканчиваются благополучно, все заслуги приписываются Начальству. Когда же дело оборачивается плохой стороной, всю вину берет на себя Шон. Таким образом, репутация Начальства остается незапятнанной.

— Шону, должно быть, приходится очень нелегко,— заметил Джоэнис.

— Конечно. Но если бы он не испытывал трудностей, он и не знал бы, может быть, что такое счастье. Так утверждает один из моих друзей психологов. А другой мой знакомый психолог — человек мистического склада ума — считает, что Шон Фейнстейн выполняет необходимейшую историческую функцию: ему предначертано быть первичным двигателем людей и событий. Такие решительные личности рождались во все исторические периоды, они — жизненная сила, оплодотворяющая ниву просвещения. И именно по этим причинам Шона ненавидят и поносят народные массы, которым он служит. Впрочем, где бы ни коренилась истина, я считаю, что Шон — фигура крайне полезная.

— Я хотел бы повидать его и пожать ему руку,— сказал Джоэнис.

— Как раз сейчас это невозможно,— сказал Мадж.— В настоящее время Шон отбывает срок одиночного заключения, сидя на диете из хлеба и воды. Его признали виновным в краже двадцати четырех атомных гаубиц и ста восьмидесяти семи атомных гранат из наших армейских арсеналов.

— Он действительно украл все это? — спросил Джоэнис.

— Да, но по нашей просьбе. Мы вооружили ими одно из подразделений войск связи, после чего парни одержали победу в битве за Розовое ущелье в юго-восточной Боливии. Должен добавить, что войска связи давно уже требовали удовлетворить их заявку на вооружение — но тщетно.

— Мне очень жалко Шона,— сказал Джоэнис.— Какой же ему вынесен приговор?

— Смертная казнь,— ответил Мадж.— Но его помилуют. Его всегда прощают. Шон слишком важная персона, чтобы ему отказывать в помиловании.

Мадж некоторое время смотрел в сторону, затем снова повернулся к Джоэнису.

— Ваше конкретное задание представляет собой поручение величайшей важности. Мы посылаем вас в поездку на Восток с целью анализа и инспекции. Разумеется, в прошлом предпринималось много таких поездок. Но... либо брало верх предвзятое мнение одной из разведок, и в этом случае поездка теряла смысл, либо отправным пунктом для поездки служила все-таки точка зрения Управления Координации, но тогда все данные получали гриф «совершенно секретно» и непрочитанными складывались в досье в Комнате Высшей Секретности, которая расположена под Форт-Ноксом*. Но в вашем случае все будет иначе. Шеф лично заверил меня, а я заверяю вас, что отчет, который составите вы, такая судьба не постигнет. Его прочитают и на его основании начнут действовать. Мы полны решимости придать Управлению Координации больший вес, поэтому все, что вы расскажете о противнике, будет принято к сведению и использовано на практике. А теперь, Джоэнис, вы должны пройти полную проверку на благонадежность, затем инструктаж, после чего получите последние распоряжения.

Сказав все это, Мадж отвел Джоэниса в Службу Безопасности, где полковник, руководитель группы френологии, ощупал его голову на предмет подозрительных шишек. Затем Джоэнис прошел сквозь строй государственных астрологов, гадателей на картах, гадателей на спитом чае, физиогномистов, психологов, казуистов и компьютеров. В конце процедуры он был признан лояльным, почтительным гражданином, в здравом уме, ответственным за поступки, заслуживающим доверия и, главное, счастливчиком. На

* Форт-Нокс — место, где хранится золотой запас США.

основании этого ему выдали Пропуск на Вход с Чемоданом и допустили к чтению секретных документов.

У нас имеется только частичный список материалов, которые Джоэнис прочитал в серой стальной Секретной Комнате. Тач за его спиной постоянно стояли два вооруженных охранника с завязанными глазами — необходимая мера, чтобы они не бросили нечаянный взгляд на драгоценные документы. Но мы точно знаем, что Джоэнис прочитал:

«Как я был невестой военного времени» — сокрушительное публичное разоблачение противоестественной практики, укоренившейся в Вооруженных Силах.

«Сиротка Энни встречается с человеком-волком» — детальное руководство по шпионажу, написанное одной из самых опытных шпионок всех времен.

«Тарзан и Черный Город» — потрясающий доклад о действиях партизан в Восточной Африке.

«Песни» (автор неизвестен) — шифрованный, полный загадок отчет о денежной и расовой теориях противника.

«Бак Роджерс вступает в Мунго*» — документальный отчет о героизме парней из военно-космических сил, с иллюстрациями.

«Основные принципы» Спенсера, «Апокрифы» (автор неизвестен), «Республику» Платона и «Малеус Малифакарум» — труд, написанный в соавторстве Торквемадой, епископом Беркли и Гарпо Маркузом. Эти четыре сочинения были душой и острием коммунистической доктрины, и мы уверены, что Джоэнис прочитал их с великой пользой для себя.

И, конечно, он прочитал «Плейбоя Западного Мира» — сочинение Иммануила Канта, которое решительно опровергало вышеупомянутые труды коммунистических авторов.

Все эти документы для нас утеряны — по причине того огорчительного обстоятельства, что они были напечатаны на бумаге, а не выучены наизусть. Многое мы бы дали за то, чтобы уяснить суть этих произведений, в которых, как в тиглях, выкристаллизовалась блистательная и сумасбродная политика того времени. И нам не остается ничего другого, как задаться вопросом: читал ли Джоэнис те немногие классические произведения двадцатого века, которые дошли до наших дней? Внимательно ли он рассматривал бередящую душу скульптуру «Бутсы», отлитую в бронзе? Читал ли «Наставления для практичных людей, владеющих недвижимостью» — полную изумительной фантазии книгу, которая — практически в одиночку — сформировала нравы двадцатого века? Встречался ли со своим современником — достопочтенным Робинзоном Крузо, величайшим из поэтов двадцатого столе-

* Бак Роджерс — популярный герой американских фантастико-приключенческих комиксов 20-х годов.

тия? Беседовал ли с кем-нибудь из представителей знатного швейцарского рода Робинсонов, скульптурные портреты которых можно видеть во многих наших музеях?

Увы, Джоэнис никогда не распространялся на темы культуры. Зато в его рассказах освещались вопросы куда более важные для того тревожного времени.

Закончив чтение документов, которое длилось три дня и три ночи, Джоэнис встал и покинул серую стальную Секретную Комнату и ее стражей с завязанными глазами. Теперь он был хорошо осведомлен о состоянии дел не только в своей стране, но и за ее пределами. С трепетной надеждой и ужасным предчувствием вскрыл он конверт с приказом.

Приказ предписывал Джоэнису прибыть за распоряжениями в Октагон, в комнату 18 891, этаж 12, уровень 6, крыло 63, подсекция АДжБ-2. К приказу был приложен план здания, чтобы Джоэнис не заблудился внутри колоссального строения. А дальше...— дальше все просто: когда Джоэнис доберется до комнаты 18 891, высокопоставленный октагонский чиновник, известный только под инициалом — мистер М., даст ему последние наставления и организует его отлет на специальном реактивном самолете.

Сердце Джоэниса переполнилось радостью, когда он прочитал приказ: наконец-то ему выпал шанс принять участие в великих делах. Он помчался в Октагон, чтобы получить последние инструкции и пуститься в путь. Однако задача, стоявшая перед ним, была не из тех, что решаются с налету и в лоб.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ОКТАГОНЕ

(Рассказано Маубинги с Таити)

Сгорая от нетерпения, Джоэнис влетел в Октагон и на минуту застыл от изумления. Он даже не представлял, что на свете может существовать такое великолепие. Наконец Джоэнис пришел в себя и устремился вперед по коридорам, вверх по лестницам, вниз по лестницам, по обходным галереям, по вестибюлям и холлам и снова по коридорам.

Когда воодушевление несколько улеглось, он наконец сообразил, что его план, мягко говоря, неточен, поскольку указания на нем не носили даже следов привязки к тому, что он видел вокруг. Казалось, что это план совсем другого здания. Джоэнис был теперь в самом центре Октагона. Он понятия не имел, что ждет его впереди, и сильно сомневался в своей способности вернуться назад тем путем, по которому уже прошел. Поэтому Джоэнис засунул план в карман и решил спросить совета у первого встречного.

Вскоре он нагнал шедшего по коридору мужчину в форме полковника Картографической Службы. Он производил впечатление человека доброжелательного и исполненного достоинства.

Джоэнис остановил полковника, объяснив, что он заблудился, и что его план, похоже, никуда не годится.

Полковник взглянул на план Джоэниса и заявил:

— О, что вы, он в полном порядке. Это схема Октагона из серии А443-321Б, которую моя служба пустила в обращение только на прошлой неделе.

— Но в ней невозможно разобраться,— сказал Джоэнис.

— Совершенно верно, черт побери! — гордо ответствовал полковник.— Вы хоть представляете себе, какое важное значение имеет это здание? Знаете ли вы, что здесь размещаются все высшие государственные организации, включая самые секретные?

— Я понимаю,— пытался возразить Джоэнис.— Но...

— Тогда вы можете оценить и то положение, в котором мы окажемся, если наши враги разберутся в структуре здания и размещения его кабинетов,— продолжил полковник.— В наши коридоры просочатся шпионы. Переодетые в солдат и конгрессменов, они получат доступ к важнейшей информации. Никакие меры безопасности не помогут изолировать шпиона, вооруженного подобной информацией. И тогда нам конец, дорогой сэр. А план, который вы держите в руках и который собьет с толку любого шпиона,— это одна из важнейших гарантий сохранности наших секретов.

— Думаю, что так оно и есть,— вежливо согласился Джоэнис.

Полковник картографии любовно погладил лист бумаги с изображенным на нем планом и сказал:

— Вы даже не представляете себе, насколько трудно составить такой план.

— Да что вы?! — изумился Джоэнис.— Я-то думал, что это очень просто: достаточно нарисовать план воображаемой территории.

— Непрофессионалы всегда так думают. Только наш брат картограф — или шпион! — способен должным образом оценить наши проблемы. Создать план, который ничего не раскрывает и в то же время производит впечатление подлинного, который даже у эксперта вызывает ощущение правдоподобия,— это, дружище, требует высочайшего искусства!

— Не сомневаюсь,— сказал Джоэнис.— Но зачем вам вообще понадобилось создавать фальшивый план?

— В целях безопасности,— ответил полковник.

Это объяснение окончательно завело Джоэниса в тупик, и некоторое время они с полковником стояли в полном молчании. Наконец, Джоэнис вымолвил:

— И часто вы вылавливаете шпионов в Октагоне?

— До настоящего времени,— сказал полковник,— ни один шпион не смог совладать с нашими наружными мерами безопасности и проникнуть внутрь здания.

Должно быть, полковник уловил тень разочарования на лице Джоэнса, потому что он быстро добавил:

— Поверьте, шпионы еженедельно попадаются в сети нашей наружной охраны.

— Я не заметил вообще никакой охраны,— сказал Джоэнис.

— Конечно, не заметили. С одной стороны, вы — не шпион. С другой стороны, служба безопасности хорошо знает свое дело и не обнаруживает своего присутствия. Она действует только по необходимости. По крайней мере, ныне дела обстоят именно так. Но, предвидя, что в будущем появятся более коварные шпионы, мы в Картографии заготовили фальшивые планы.

Джоэнис кивнул. Теперь ему не терпелось заняться своими собственными делами, но он не очень-то понимал, куда направить стопы. Решив действовать окольным путем, он спросил полковника:

— Вы убеждены, что я не шпион?

— Любой человек в каком-то смысле шпион, — сказал полковник.— Но поскольку вы вкладываете в это слово конкретный смысл, отвечу: да, я убежден, что вы не шпион.

— Тогда сообщаю вам, что я нахожусь здесь в соответствии с особыми инструкциями и обязан явиться в определенный кабинет.

— Могу я взглянуть на эти ваши инструкции? — попросил полковник.

Джоэнис передал ему бумагу. Полковник изучил документы и вернул их.

— На вид — в полном порядке,— сказал он.— Вам следует немедленно явиться в указанный кабинет.

— Тут-то и зарыта собака,— сказал Джоэнис.— По правде говоря, я заблудился. Я пытался воспользоваться одним из ваших блистательных фальшивых планов и, вполне естественно, так никуда и не пришел. Поскольку вы теперь знаете, что я не шпион, и видите, что нахожусь здесь по служебному вопросу, я был бы в высшей степени признателен, если бы вы оказали мне посильную помощь.

Джоэнис сформулировал свою просьбу в осторожных и окольных выражениях, полагая, что это более соответствует строю мыслей полковника. Но полковник отвел глаза, на его лице отразилось сильнейшее замешательство.

— Боюсь, что не смогу вам помочь. Я не имею ни малейшего понятия, где расположен тот самый кабинет, и даже не могу

посоветовать, в каком направлении вам надлежит двигаться.

— Не может быть! — вскричал Джоэнис.— Вы ведь картограф! И хотя вы чертите, в основном, фальшивые планы, я уверен, что вы создаете и подлинные, поскольку это заложено в самой природе вашей профессии.

— Все, что вы говорите, совершенно правильно,— сказал полковник.— Ничто не может удержать настоящего картографа от создания истинных карт. Я стал бы заниматься этим, даже если бы мне строго-настрого запретили. Но, к счастью, никто ничего подобного не запрещал. Более того, я получил на этот счет точный приказ.

— От кого? — спросил Джоэнис.

— От высшего начальства в этом здании,— ответил полковник.— Те, кто возглавляют службу безопасности, пользуются подлинными планами, чтобы легче было дислоцировать и размещать вверенные им силы. Но, разумеется, подлинные планы служат им только для удобства — это всего лишь клочок бумаги, с которым они сверяются столь же небрежно, сколь небрежно мы поглядываем на часы: сколько там натикало — полчетвертого или без двадцати четыре. Если нужно, они могут обходиться вовсе без планов, полностью полагаясь на собственные знания и власть.

— Если вы чертите для них настоящие планы,— сказал Джоэнис,— то уж наверняка можете подсказать мне, в какую сторону надобно двигаться.

— Нет, не могу,— возразил полковник.— Только высшие чины знают это здание настолько хорошо, чтобы ходить, куда им вздумается.

Полковник поймал недоверчивый взгляд Джоэниса и добавил:

— Я знаю, что мои слова кажутся вам неправдоподобными, но, видите ли, за один прием я вычерчиваю лишь небольшую часть всего здания. Никакой другой метод не дает благоприятных результатов, ибо здание очень велико и запутано. Чертеж я посылаю в вышестоящую инстанцию со специальным курьером. Затем я вычерчиваю следующую секцию, и так далее. Вероятно, вы думаете, что я могу мысленно объединить мои знания об отдельных секциях и составить представление о всем здании в целом? Скажу вам сразу: нет, не могу. Существуют еще и другие картографы; они вычерчивают те части здания, которые я так никогда и не видел. Но даже если бы я лично собрал по кусочкам всю структуру здания, я ни за что не смог бы сложить все части в целостную картину. Любая секция здания кажется доступной моему пониманию, и я с величайшей точностью отображаю ее на бумаге. Но когда речь заходит о том, чтобы охватить разумом все вычерченные мною бесчисленные секции, я совершенно теряюсь и не могу отличить одну от другой. А если я размышляю об этом слишком

долго, у меня пропадают сон и аппетит, я начинаю много курить, ищу утешения в выпивке, и это плохо сказывается на моей работе. Порой я допускаю ошибки и не осознаю нанесенного ущерба, пока начальство не спускает мне часть плана на переработку. Это подрывает мою веру в собственные способности, и тогда я принимаю решение покончить с дурными привычками и с головой погружаюсь в работу: продолжаю мастерски вычерчивать по одной секции в один прием и не мучаюсь домыслами о здании в целом.

Полковник сделал паузу и потер глаза.

— Я говорил уже, что секции общего плана, которые мы вычерчиваем, иногда возвращают нам для переработки. Но когда мы — картографы — обмениваемся мнениями, то порой обнаруживаем, что двое из нас чертили одну и ту же секцию, причем каждый запомнил ее и отобразил по-своему. Разумеется, подобные ошибки — в природе человека, и их следует ожидать. Но что приводит нас в замешательство — так это те случаи, когда начальство принимает обе версии. Можете вообразить себе чувства картографа, когда он узнает о чем-либо подобном!

— У вас есть какие-нибудь объяснения этому? — спросил Джоэнис.

— Ну, с одной стороны, у каждого картографа свой индивидуальный стиль, свои особенности метода; а отсюда — и вполне объяснимые расхождения. С другой стороны, даже самая блестящая память — ненадежный инструмент, поэтому вполне вероятно, что мы чертили совсем не ту секцию. Однако, по моему разумению, этих объяснений недостаточно, и только одно соображение представляется здравым.

— Какое же? — спросил Джоэнис.

— Мне думается, что рабочие, выполняя приказ высокого начальства, постоянно перестраивают отдельные части здания. Я даже мельком видел людей, очень похожих на рабочих. Но если бы я и не видел их, то все равно считал бы, что этим все объясняется. Вы только вдумайтесь. Начальство озабочено соображениями безопасности, а лучшая из возможных мер безопасности — держать здание в постоянном потусе перемен. Далее, если бы здание пребывало в статике, достаточно было бы провести одну-единственную картографическую съемку, между тем мы только и делаем, что чертим да перечерчиваем. Наконец, чем занимается большое начальство? Оно пытается управлять очень сложной и постоянно меняющейся мировой системой. Следовательно, если меняется система, то должно меняться и здание. Кое-где ремонт делается открыто, у всех на глазах, но иные перестройки совершаются сугубо в тайне. Именно по этим причинам охватить структуру здания в целом совершенно невозможно.

— Как же вы отыскиваете дорогу в собственный кабинет? — удивился Джоэнис.

— Увы, стыдно признаться, но в данной ситуации опыт картографа мне не помощник. Я нахожу свой кабинет таким же образом, каким все здесь отыскивают свои кабинеты — руководствуясь особым чутьем, которое сродни инстинкту. Большинство сотрудников не подозревает об этом. Они считают, что в выборе дороги каким-то образом участвует интеллект, что память подсказывает им: «поворот направо», «поворот налево». Вы расхохотались бы, а может, и разрыдались, если бы послушали, что эти люди твердят о нашем здании, хотя ни один из них в жизни не осмелился высунуть нос дальше коридора, ведущего к его кабинету. Только я, картограф, брожу по всему зданию, ибо такова моя работа. Иногда на территории, которую я уже миновал, происходят грандиозные перемены, неузнаваемо преображающие ее облик. Что делать? Каким путем возвращаться? И тогда какое-то чувство — не разум и не знание — направляет меня к кабинету, точно так же, как управляет оно и прочими чиновниками.

— Понятно,— произнес Джоэнис, хотя на самом деле он ничего не понял и пребывал в полном замешательстве.— Значит, вы не знаете, как я должен поступить, чтобы попасть в указанный кабинет?

— Не знаю.

— Может быть, вы посоветуете, на что я должен обращать внимание в поисках дороги? Может быть, есть какие-нибудь ориентиры?

— Я крупнейший знаток этого здания,— грустно промолвил полковник.— И мог бы рассказывать о нем целый год, ни разу не повторившись. Но, к несчастью, я не знаю ничего такого, что могло бы помочь вам в вашей исключительной ситуации.

— Как вы думаете, я найду когда-нибудь кабинет, в который меня послали? — спросил Джоэнис.

— Если поручение, ожидающее вас, на самом деле важное,— сказал полковник,— и если большое начальство заинтересовано в том, чтобы вы нашли этот кабинет,— я уверен, перед вами не возникнет никаких трудностей. Но, с другой стороны, может статься и так, что ваше дело представляет важность только для вас самого и больше ни для кого другого,— тогда поиски, вне всякого сомнения, затянутся надолго. Правда, у вас есть официальные инструкции, но я подозреваю, что большое начальство время от времени посылает людей в воображаемые кабинеты — просто чтобы проверить надежность внутренней системы безопасности. Если вас постигла такая участь — тогда, действительно, шансы на успех крайне малы.

— Так или иначе, перспективы у меня не очень-то радужные,— уныло произнес Джоэнис.

— Ну, дорогой мой, это риск, на который в данных условиях

должен идти каждый из нас,— сказал полковник.— Шпионы подозревают, что руководители посылают агентов с опасными заданиями только для того, чтобы избавиться от них, а картографы подозревают, что их заставляют чертить планы только для того, чтобы занять их работой и отвратить от злонамеренной праздности. У каждого — свои сомнения, и я могу только пожелать вам успехов и выразить надежду на то, чтобы ваши сомнения никогда не подтвердились.

Сказав все это, полковник учтиво поклонился и пошел дальше по коридору.

А Джоэнис отправился куда глаза глядят. И пока он, движимый надеждой, бродил по коридору, его не оставляла мысль, что тому отрезку пути, по которому он недавно прошел, уже придали иной вид.

Джоэнис шагал по огромным залам, вверх по лестницам, вниз по лестницам, по обходным галереям, по вестибюлям и холлам, и снова по коридорам. Он подавлял в себе желание свериться с замечательным фальшивым планом, но в то же время не мог заставить себя выкинуть эту бумажку.

Непонятно, сколько прошло времени, но в конце концов Джоэнис смертельно устал. Теперь он находился в старинной части здания. Полы здесь были большей частью из дерева, а не из мрамора, доски сильно прогнили, и каждый шаг грозил опасностью. Стены, покрытые скверной штукатуркой, облупились, в них зияли дыры. В некоторых местах обнажилась проводка; было видно, что изоляция превратилась в труху — того и жди пожара. Даже потолок не внушал доверия: местами он угрожающе вспучился, и Джоэнис опасался, что перекрытия обрушатся прямо ему на голову.

Когда-то здесь размещались различные отделы и службы, но теперь все исчезло, и помещения срочно нуждались в капитальном ремонте. Джоэнис даже углядел на полу брошенный рабочими молоток. Это вселяло надежду на то, что ремонтные работы когда-нибудь возобновятся, но пока он не встретил ни одного рабочего.

Окончательно заблудившись и крайне устав, он растянулся во весь рост на полу и через минуту заснул глубоким сном.

РАССКАЗ ТЕЗЕЯ

Джоэнис проснулся от неясного беспокойства и тут же вскочил на ноги. Он услышал чьи-то шаги, а затем увидел человека, идущего по коридору.

Это был высокий мужчина с умным, но очень нервным лицом, которое выражало крайнюю подозрительность. Мужчина держал в руках большой моток тонкой проволоки, насаженный на

спицу. Двигаясь по коридору, он разматывал проволоку, которая ложилась на пол и змеилась там, тускло поблескивая.

При виде Джоэниса, лицо его исказилось гневом, на нем пролегли жесткие складки. Мужчина вдруг выхватил из-за пояса револьвер и прицелился.

— Стойте! — закричал Джоэнис.— Я не сделал вам ничего плохого!

С видимым усилием взяв себя в руки, человек засунул револьвер за пояс. Глаза его, еще секунду назад безумно горевшие, обрели нормальное выражение.

— Извините великодушно. По правде говоря, я принял вас за другого.

— Я так похож на него? — спросил Джоэнис.

— Не совсем,— сказал мужчина.— Но в этом чертовом здании у меня что-то распустились нервы и появилась привычка сначала стрелять, а потом думать. Впрочем, моя миссия имеет настолько важное значение, что эти порывы горячей и чувствительной души, конечно же, простительны.

— Какова же ваша миссия? — поинтересовался Джоэнис.

— Моя миссия,— гордо заявил незнакомец,— заключается в том, чтобы принести людям мир, счастье и свободу.

— Немало,— заметил Джоэнис.

— Меньшим я бы ни за что не удовлетворился,— сказал человек.— Хорошенько запомните мое имя. Меня зовут Джордж П. Тезей. Без ложной скромности я надеюсь остаться в людской памяти как герой, сокрушивший диктатуру и освободивший народ. Мой подвиг навеки останется символом мужества и по праву будет считаться добродетельнейшим и справедливейшим деянием.

— Какой подвиг вы намереваетесь совершить? — спросил Джоэнис.

— Я собираюсь собственноручно убить тирана,— сказал Тезей.— Этому человеку удалось добраться до вершин власти, и множество легковерных дураков считают его благодетелем, потому что он отдает приказы о строительстве дамб на строптивых реках, и финансирует медицинскую помощь страждущим, и раздает пищу голодающим, и творит множество других подобных дел. Кое-кого это может обмануть, но меня вокруг пальца не обведешь.

— Если он действительно все это делает,— заметил Джоэнис,— тогда получается, что он на самом деле благодетель.

— Вы попались на удочку тирана,— сказал Тезей с горечью.— Но смею надеяться, что вы перемените свою точку зрения. Я не силен в науке убеждать, между тем как у этого человека состоят на службе лучшие пропагандисты. Мой единственный защитник — это будущее. В данный же момент я могу лишь рассказать вам,

что знаю сам,— рассказать правду, какой бы грубой и отталкивающей она ни была.

— Буду вам очень признателен,— сказал Джоэнис.

— Для того, чтобы вершить добрые дела, этот человек должен был достичь высокого положения. Для того, чтобы достичь высокого положения, он раздавал взятки и сеял раздоры, убивал тех, кто вставал у него на пути, подкупал властительное меньшинство и обрекал на голод бедствующие массы. Наконец, когда он возымел поистине беспредельную власть, он занялся общественным переустройством. Но, разумеется, не из любви к обществу. Нет, он занялся этим, как вы или я занялись бы прополкой сада — единственно ради того, чтобы глаза могли отдыхать на чем-то приятном, а не созерцали бы уродства. Тираны всегда идут на все, чтобы добраться до власти, и потому порождают и увековечивают то самое зло, которое они, якобы, призваны искоренять.

Джоэнис был тронут словами собеседника, однако тревога его не улеглась: глаза Тезея бегали и зловеще блестели. Поэтому Джоэнис заговорил как можно осторожнее:

— В общем-то, я понимаю, почему вы хотите убить этого человека.

— Нет, не понимаете, — мрачно заявил Тезей.— Вы, наверное, думаете, что я всего лишь хвастливый болтун, обуреваемый сумасбродными идеями, безумец с револьвером в руке. Вы ошибаетесь. Моя акция против тирана носит преимущественно личный характер.

— Вот как? — удивился Джоэнис.

— Этот тип,— начал Тезей,— в частной жизни проявляет вкусы столь извращённые, что они могут сравниться лишь с тем звериным инстинктом, который влек его к власти. Обычно информацию, подобную этой, держат в тайне или же высмеивают, объявив ее бреднями завистливых идиотов. Но я знаю правду.

Однажды тиран проезжал через мой родной город в своем бронированном черном «кадиллаке». Он сидел за пуленепробиваемым стеклом, попыхивая большой сигарой и время от времени взмахом руки приветствовал толпу народа. Вдруг его взгляд упал на маленькую девочку, и он приказал шоферу остановиться.

Его телохранители разогнали людей, и лишь немногие — те, кто наблюдали из окон подвалов и с крыш домов, — остались свидетелями последовавшей сцены. Тиран вышел из машины и подошел к маленькой девочке. Он предложил ей мороженое и конфеты и стал просить ее сесть вместе с ним в автомобиль.

Некоторые из свидетелей поняли, что происходит, и бросились, чтобы спасти ребенка. Но телохранители открыли по ним огонь. Они стреляли из бесшумных пистолетов, чтобы не испугать девочку. Ей они сказали, что, мол, эти дяди решили немного поспать на улице.

И все же в девочке проснулись какие-то подозрения. Что-то напугало ее: то ли красное, обливающееся потом лицо тирана, то ли его толстые трясущиеся губы. Задумчиво посмотрев на сладости и отметив нервические судороги исходящего похотью тирана, она сказала, что сядет в машину только вместе со своими подругами. Ужасно, до чего простодушна невинность: девочка считала, что она будет в безопасности среди своих друзей.

Тиран расцвел от радости. Было ясно, что он получил больше того, на что рассчитывал. «Чем больше — тем веселее», так гласил его зловещий лозунг. Дети стайкой слетели к черному «кадиллаку». Они прибежали бы и без приглашения, потому что тиран включил автомобильный приемник на полную громкость, и из машины доносилась чарующая музыка.

И вот тиран усадил всех детей в автомобиль и захлопнул дверцу. Телохранители на мощных мотоциклах окружили машину тесным кольцом. Затем все умчались, спеша предаться позорнейшей оргии в одной из потайных комнат тирана, специально предназначенных для развлечений. О тех детях никто больше никогда не слышал. А девочка, как вы, наверное, уже догадались, была моей родной сестрой.

Тезей вытер глаза — слезы из них лились уже потоком.

— Теперь вы знаете те подлинные причины личного характера, по которым я собираюсь убить тирана,— сказал он Джоэнису.— Я должен искоренить зло, отомстить за павших товарищей, спасти бедных детей и, главное, отыскать мою несчастную сестру.

Джоэнис — а его глаза тоже были далеко не на сухом месте — обнял Тезея и воскликнул:

— От всего сердца желаю удачи в вашем нелегком поиске!

— Спасибо,— сказал Тезей.— Мне не занимать решимости и коварства, столь необходимых в этом трудном деле. Начать с того, что я разыскал дочь тирана. Я втерся к ней в доверие, призвал на помощь все свое обаяние, и наконец она влюбилась в меня. Тогда я совратил ее и даже испытал некоторое удовлетворение от содеянного, ибо она не особенно отличалась по возрасту от моей несчастной сестры. Она жаждала выйти за меня замуж, и я обещал жениться на ней, хотя скорее перерезал бы себе горло. Далее я, хитроумно выбрав подходящий момент, объяснил ей, что за человек ее отец. Поначалу она не хотела мне верить — эта маленькая идиотка страстно любила своего отца-тирана! Но меня она любила еще сильнее. И вот финальный шаг: я попросил, чтобы она помогла мне в деле убийства ее отца. Можете представить, как это было трудно! Эта ужасная девчонка не желала, чтобы ее папочку убивали: неважно, что он — само воплощение зла, неважно, что он творит жуткие вещи. Но я пригрозил, что брошу ее навсегда, и она, разрываясь между любовью ко мне и любовью к отцу, едва не

сошла с ума. Снова и снова она умоляла меня забыть прошлое: ведь ни один акт мести не может стереть содеянного. Много дней подряд она удерживала меня, думая, что сможет убедить, заставить действовать так, как хочет она. Без конца объяснялась в любви, истерически клялась, что никогда и ни за что не допустит разлуки, а если случится так, что меня постигнет смерть, то она тогда убьет себя тоже. И говорила еще много подобных глупостей, которые я, как человек здравомыслящий, находил совершенно отталкивающими.

Наконец, я отвернулся от нее и стал прощаться. И тут вся ее непреклонность рухнула. Это маленькое чудовище согласилось помочь мне в убийстве — при том условии, что я дам клятву никогда не бросать ее. Конечно, я дал такую клятву. Я пообещал бы что угодно, лишь бы добиться требуемой помощи.

Она выдала мне то, что знала только она одна: а именно — рассказала, как в этом огромном здании найти кабинет ее отца. Еще она дала мне моток проволоки, чтобы я мог отмечать свой путь, а потом быстро вернулся, как только подвиг будет совершен.

— Вы еще не нашли тирана? — спросил Джоэнис.

— Нет, еще не нашел,— ответил Тезей.— Как вы сами могли заметить, здешние коридоры очень длинные и извилистые. К тому же, мне не везет. Вот совсем недавно случайно выстрелил и убил человека в офицерской форме. Он внезапно вышел на меня, и я, не успев подумать, открыл огонь.

— Это был картограф? — спросил Джоэнис.

— Не знаю, кто он такой,— ответил Тезей,— но у него были полковничьи знаки различия, а лицо, вроде бы, доброе на вид... Но еще больше я сожалею о той троице, которую застрелил в здешних коридорах. Должно быть, я очень невезучий человек.

— Кто они? — поинтересовался Джоэнис.

— К моей величайшей скорби, это были трое из тех детей, ради спасения которых я и пришел сюда. Должно быть, они улизнули из покоев тирана и пытались выбраться на свободу. Я застрелил их, так же как застрелил офицера и так же как едва не застрелил вас. Я невыразимо сожалею о случившемся, и решимость моя только возросла: тиран должен заплатить за все.

— Что вы сделаете с его дочерью?

— Я не стану прислушиваться к своим естественным побуждениям, и поэтому не убью ее,— сказал Тезей.— Но эта уродина, эта сучка меня никогда больше не увидит. И я буду только богу молиться, чтобы у тиранского отродья разорвалось сердце.

Сказав так, Тезей обратил свой гневный лик к тускло освещенному коридору, уходящему вдаль.

— А теперь я должен идти,— сказал он.— Пора заканчивать работу. До свиданья, друг мой. Пожелайте мне удачи.

Тезей быстро пошел прочь, разматывая на ходу поблескивающую проволоку, и вскоре скрылся за поворотом. Некоторое время еще слышались его удаляющиеся шаги, затем все стихло.

Внезапно за спиной Джоэниса в коридоре появилась женщина. Она была очень молода, совсем еще ребенок; глаза ее безумно блестели. Она молча шла следом за Тезеем и сматывала проволоку, которую тот укладывал на пол. Миновав Джоэниса, она обернулась и окинула его диким взглядом, полным ярости и тоски. Она не произнесла ни слова, только приложила палец к губам, призывая его к молчанию, и исчезла так же быстро, как и появилась. Джоэнис потер глаза, снова улегся на пол и заснул крепким сном.

РАССКАЗ МИНОТАВРА

Джоэнис проснулся оттого, что кто-то грубо тряс его за плечо. Он вскочил на ноги и увидел, что коридор, в котором он заснул, превратился из старого, запущенного помещения в светлый, современного вида вестибюль. Человек, который разбудил Джоэниса, был необъятных размеров, на его широком суровом лице читалось: «Без дураков!». Совершенно очевидно, что это мог быть только большой начальник.

— Вас зовут Джоэнис? — спросил начальник.— Что ж, если вы проснулись окончательно, полагаю, мы можем приступить к работе.

Джоэнис выразил глубочайшее сожаление, что он спал вместо того, чтобы разыскивать кабинет, в который его послали.

— Пустяки,— сказал начальник.— Мы, конечно, соблюдаем здесь определенный протокол, но, по-моему, ханжами нас не назовешь. В сущности, это даже хорошо, что вы спали. Я размещался в совершенно другой части здания и вдруг получаю срочный приказ от начальника Службы Безопасности перенести мой кабинет именно сюда и произвести любые ремонтные работы.

В кабинете был большой стол, заваленный грудами бумаг, и три беспрестанно звонящих телефона. Начальник предложил Джоэнису присесть, пока он разберется с абонентами, и ответил на звонки с предельной оперативностью.

— Говорите! — заревел он в трубку первого телефона.— Что? Миссисипи опять выходит из берегов? Постройте дамбу! Постройте десять дамб, но наведите порядок! Когда закончите, направьте мне докладную.

— Да, слушаю вас! — закричал он во второй телефон.— Голод в Кастрюльной Ручке*? Немедленно начинайте раздавать продукты! Крупно напишите мое имя на государственном складе!

* Кастрюльная Ручка — (амер. шутл.) — название штата Западная Виргиния.

— Успокойтесь, иначе я ни черта не разберу! — зарычал он в третий телефон.— Чума косит Лос-Анджелес? Немедленно доставьте туда вакцину и телеграфируйте мне, как только эпидемия будет под контролем.

Начальник бросил последнюю трубку и заметил:

— Эти идиоты помощники впадают в панику по каждому пустяку. Ребенок будет тонуть в ваночке — и эти рохли не вытащат его, не испросив прежде моей санкции!

Джоэнис слушал краткие и решительные разговоры начальника по телефонам и в душу его закралось сомнение.

— Я не вполне уверен,— начал он,— но, кажется, есть тут один обиженный молодой человек, который...

—...Который собирается убить меня,— закончил начальник.— Правильно, не так ли? Что ж, я позаботился об этом еще час назад. Не так-то просто застать врасплох Эдвина Дж. Минотавра! Того парня забрали мои телохранители. Вероятнее всего, его ждет пожизненное заключение. Только никому не говорите об этом.

— Почему? — удивился Джоэнис.

— Плохая реклама,— пояснил Минотавр.— Особенно эта интрижка с моей дочерью, которую парень между делом обрюхатил. Сколько раз я говорил этой блаженной, чтобы она приводила друзей в дом, но нет, ей приспичило украдкой бегать на свидания с анархистом!... Мы опубликуем специально сфабрикованное сообщение, будто бы этот парень, Тезей, тяжело ранил меня и будто бы он сбежал из-под стражи и женился на моей дочери. Вы-то по достоинству можете оценить такое сообщение.

— Не совсем,— сказал Джоэнис.

— Черт побери, да ведь оно вызовет рост симпатий в мой адрес! — вскричал Минотавр.— Люди будут искренне сочувствовать мне, когда узнают, что я на грани смерти. И они будут еще больше мне сочувствовать, когда услышат, что моя единственная дочь вышла замуж за убийцу. Видите ли, несмотря на то, что всем известны лучшие стороны моего характера, которые я продемонстрировал в деле, все-таки черпь меня недо любливает... Эта история должна помочь мне завоевать их сердца.

— Замысел очень остроумный, — согласился Джоэнис.

— Спасибо,— сказал Минотавр.— Откровенно говоря, я уже довольно давно забочусь о моей общественной репутации. И если бы не вылез этот кретин со своей проволокой и револьвером, мне пришлось бы кого-то нанять для той же цели. Надеюсь, что газеты подадут эту историю должным образом.

— А разве на этот счет есть какие-то сомнения? — спросил Джоэнис.

— О, они напечатают все, что я им прикажу,— заявил Минотавр с угрозой в голосе.— Найму человека, чтобы он написал об

...ом книгу, и еще будет пьеса, и кинофильм, снятый по книге. Будьте уверены, я выдою из этой истории все, что только можно.

— А что вы приказали им написать о вашей дочери? — спросил Джоэнис.

— Ну, как я говорил, она выходит замуж за этого молодчика. Затем, через год-другой, мы опубликуем сообщение об их разводе. Кстати, надо бы дать ребенку имя... Однако, бог знает, что эти идиоты напишут о моей бедной толстой маленькой Ариадне. Может быть, превратят ее в красавицу, рассчитывая, что мне это понравится. А всякие грязные подонки, которые любят читать такого сорта статейки, будут проливать слезы и просить еще. Человеческая раса в значительной степени состоит из лживых, ни на что не способных дураков. Я могу управлять ими, но будь я проклят, если понимаю их.

— А как там насчет детей? — спросил Джоэнис.

— Что вы имеете в виду — «насчет детей»? — вопросил Минотавр, свирепо уставившись на него.

— Ну, это... Тезей говорил, что...

— Этот человек талантливый враль,— заявил Минотавр.— Если бы только не мое высокое положение, я возбудил бы против него дело за диффамацию. Надо же — дети! Разве я похож на извращенца? Полагаю, мы можем благополучно опустить вопрос о детях. А теперь не пора ли нам вернуться к вашему заданию?

Джоэнис кивнул.

— Самая главная сейчас проблема — это информация. На что противник способен? Что там вообще, черт побери, происходит?! Я знаю, что Джон Мадж из Координации Родов Войск объяснил вам, до какой степени нам нужна правда — пусть даже самая ужасная. И об этой правде нам должен прямо и откровенно доложить человек, которому мы можем доверять. Осознаете ли вы всю серьезность задачи, которую мы ставим перед вами, Джоэнис?

— Думаю, что да,— сказал Джоэнис.

— Вы служите не какой-нибудь отдельной группе или фракции. Не нужно ни преуменьшать, ни преувеличивать то, что увидите. Наоборот — излагайте события как можно проще и объективнее.

— Я сделаю все от меня зависящее,— пообещал Джоэнис.

— Вряд ли я имею право требовать большего,— проворчал Минотавр.

Минотавр передал Джоэнису деньги и документы, которые могут понадобиться ему во время путешествия, а затем вместо того, чтобы выставить Джоэниса в коридор, где тот сам должен был бы искать дорогу к выходу, он открыл окно и нажал на кнопку.

— Я лично всегда пользуюсь только таким способом,— сказал он, помогая Джоэнису занять место рядом с пилотом вертолета.— С этими чертовскими коридорами одни хлопоты. Желаю удачи, Джоэнис. Помните о том, что я вам сказал.

Джоэнис заверил его, что будет помнить об этом всегда. Он был глубоко тронут доверием, оказанным ему Минотавром. Вертолет оторвался от здания и взял курс к Вашингтонскому аэропорту, где Джоэниса должен был ждать специальный реактивный самолет с автопилотом. Когда вертолет набирал высоту, Джоэнису показалось, что он услышал детский смех, доносившийся из комнаты, которая примыкала к кабинету Минотавра.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ

(Рассказано Телеу с Хуахине)

Джоэнис сел на специальный реактивный самолет, и скоро он был высоко в воздухе.

Печально рассказывать о том, что было дальше... Когда Джоэнис пролетал над Калифорнией, автоматическая радарная станция приняла его самолет за вторгшийся самолет противника и открыла огонь, выпустив по нему серию ракет класса «воздух—воздух». Этим трагическим инцидентом и открылась начальная стадия великой войны.

История войн изобилует ошибками подобного рода. И в Америке двадцать первого века, когда доверие и привязанность людей к машинам стали поистине безграничными, такая ошибка должна была привести к самым страшным последствиям.

Объятый ужасом, Джоэнис зачарованно следил, как ракеты на полной скорости неслись к его самолету. Затем он ощутил, что самолет резко лег на крыло — это автопилот, обнаружив опасность, дал залп своими антиракетами в целях самозащиты.

Этот удар вызвал ответную атаку со стороны ракетных станций наземного базирования. Некоторые из этих станций были автоматическими, другие — нет, но все мгновенно отозвались на сигнал «чрезвычайной обстановки». А тем временем самолет Джоэниса израсходовал весь свой боезапас.

Впрочем, что касается запаса коварства, которым его снабдили проектировщики, то самолет не потерял его ни в малейшей степени. Автопилот переключил радиостанцию на волну, на которой шел радиообмен между землей и ракетами, и объявил, что его атакуют, и что все ракеты, находящиеся в воздухе, суть вражеские цели, которые следует уничтожить.

Эта тактика имела определенный успех. Те ракеты, что постарше, не отличались хитроумием и не могли атаковать самолет, который они считали своим. Однако новые ракеты, более искушенные и изощренные, были обучены ждать от неприятеля именно та-

них коварных трюков. Поэтому они усилили натиск, в то время как старые ракеты отчаянно бились на стороне одиночного самолета.

Когда битва между ракетами была в полном разгаре, самолет Джоэниса сделал маневр и благополучно ушел от огня. Оставив зону боя далеко позади, он молнией унесся к своему родному аэропорту в Вашингтоне, округ Колумбия.

Прибыв туда, Джоэнис отправился на эскалаторе в Главный Командный Пункт, располагавшийся под землей на глубине семисот футов. Здесь его сразу же подвергли допросу. От Джоэниса добивались, чтобы он рассказал о характере совершенного на него нападения и опознал противника. Но единственное, что Джоэнис знал наверняка — это то, что какие-то одни ракеты его атаковали, а какие-то другие держали оборону.

Об этом Командный Пункт уже знал, и офицерам не оставалось ничего другого, как приняться за допрос автопилота, который вел самолет Джоэниса.

Поначалу автопилот давал уклончивые ответы, поскольку никто не мог вспомнить нужный секретный код, на который автомат отзывался. Но после того как код подобрали, он заявил, что над Калифорнией их самолет атаковали ракеты наземного базирования, и некоторые из этих ракет принадлежали к совершенно неизвестному ему типу.

Все эти, а также прочие данные, касающиеся ракетного боя, были заложены в Калькулятор Вероятности Войны, который сразу же выдал следующие варианты, приведенные здесь в порядке убывающей вероятности:

1. На Калифорнию напал Коммунистический Блок.
2. На Калифорнию напали нейтральные страны.
3. На Калифорнию напали члены Западного Альянса.
4. На Калифорнию напали пришельцы из космоса.
5. На Калифорнию вообще никто не нападал.

Калькулятор также выдал все вероятные комбинации и перестановки этих пяти возможностей и выстроил из них систему альтернативных подвозможностей.

Офицеры, обслуживающие Калькулятор, были совершенно ошеломлены огромным количеством вероятностей и подвероятностей, возможностей и подвозможностей, свалившимся им на голову. Они надеялись выбрать наиболее вероятное утверждение и, основываясь на нем, действовать. Но Калькулятор не дал им этого сделать. По мере поступления новых данных, вычислительная машина пересматривала и уточняла вероятности и, не останавливаясь ни на секунду, перестраивала и перегруппировывала их, добиваясь все новых сочетаний. Листки уточненных данных, помеченные грифом «КРАЙНЕ СРОЧНО», машина изрыгала со

скоростью десяти штук в секунду, и среди них, к полной досаде обслуживающего персонала, ни один не повторял другого.

И все же машина делала только то, что делал бы на ее месте идеальный офицер разведки: рассматривала все проверенные донесения, схватывала их суть, оценивала вероятность, выдавала рекомендации на базе той информации, которая относилась к делу и поддавалась вторичной проверке, и никогда не настаивала на прежней точке зрения из чистого упрямства или гордости — напротив, охотно шла на пересмотр любого суждения, если к тому побуждали новые данные.

Разумеется, Калькулятор Вероятности Войны не отдавал приказов; это оставалось делом чести мужчин, и ответственность всегда возлагалась на человека. Равным образом, нельзя было винить компьютер и в том, что он не мог явить целостную правдивую и непротиворечивую картину боевых действий над Калифорнией: такую картину просто невозможно было явить. И эта невозможность проистекала из самого характера ведения войны в двадцать первом веке.

Давно уже командир собственной персоной не выступал во главе своих войск и не обозревал взглядом ряды противостоящей армии, сомкнувшейся за спиной вражеского генерала. И форма противных сторон не отличалась резко по цвету, и враг не размахивал боевыми знаменами, не распевал воинственные песни, и все это не складывалось в безошибочную картину чувственного восприятия идущего боя, не оставляющую ни малейших сомнений в физическом присутствии противника, его сущности и опознании характерных черт.

Те дни давно канули в прошлое. Приемы войны шли нога в ногу с промышленной цивилизацией, становясь все более сложными и все более машинизированными, а военная техника все больше и больше обособлялась от людей, которые были призваны ею командовать. Генералам приходилось удаляться от передовой на все большие и большие расстояния, дабы поддерживать надежную связь со всеми людьми, вступившими в схватку, и со всеми машинами, брошенными в бой.

Не удивительно, что офицеры группы обслуживания в конце концов вернулись к тем пяти главным возможностям, которые Калькулятор выдал в самом начале, признали их равновероятностными и вынесли на рассмотрение генерала Пустойга, главнокомандующего Вооруженными Силами. Он и должен был принять окончательное решение.

Пустойг был в курсе всех проблем современной войны. Изучив пять вариантов выбора, отданного в его руки, он с великой тоской осознал, насколько же зависит человек, обязанный принять разумное решение, от базисной информации. Он понимал также,

что информация поступает к нему от чрезвычайно дорогостоящих машин, которые порой не могут отличить гуся от ракеты, машин, которым требуются в помощь целые полки высококвалифицированных специалистов, обученных обслуживать, чинить, улучшать и ублажать их любыми способами. И еще Пустойг знал, что при всей заботе, которой люди окружали машины,— а может быть, именно благодаря этой заботе,— машинам нельзя по-настоящему доверять. Эти создания были ничем не лучше своих создателей, в сущности, они даже походили на своих творцов, переняв у них множество худших черт. Как и люди, машины часто бывали не в духе, или начинали вдруг проявлять чрезмерное усердие, а иные даже впадали в кататонический ступор. Кроме того, машины еще имели слабость оказываться под эмоциональным влиянием работающих на них людей — операторов. Фактически, те из машин, которые сильнее других поддавались внушению, были не более чем продолжением личности оператора.

Но это обилие проблем не смутило генерала Пустойга, так как он был специально обучен умению принимать решения. И вот, наконец, в последний раз окинув взором все пять вариантов выбора, быстро прогнав в памяти свой жизненный опыт и перебрав различные точки зрения, Пустойг снял телефонную трубку и отдал приказ.

Мы так и не знаем, какую из пяти возможностей выбрал генерал, и в чем заключалась суть приказа. Это не имеет никакого значения. Боевые действия совершенно вышли из-под контроля генерала, и он уже был не властен ни довести атаку до конца, ни дать отбой, он вообще был не в силах оказать хоть какое-то влияние на ход сражения. Бой развивался неуправляемо, и обстановка менялась с нарастающей быстротой — ведь машины были как-никак наполовину самостоятельными организмами.

Подбитая калифорнийская ракета пронзительно завыла высоко в небесах, рухнула на мыс Канаверал во Флориде и стерла с лица земли половину военно-воздушной базы. Оставшаяся половина собралась с силами и нанесла ответный удар по врагу, явно окопавшемуся в Калифорнии. Прочие ракеты, поврежденные, но не уничтоженные, рвались по всей стране. Командующие войсками в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Пенсильвании и многих других штатах также нанесли ответные удары. По правде говоря, перед тем как линии связи оборвались окончательно, на тех и других обрушился просто шквал донесений, предусматривающих любые повороты событий.

По всей Калифорнии и по всей Западной Америке этот ответный удар вызвал новый ответный удар — встречный. Здешние военачальники решили, что враг — кто бы он ни был — захватил

плацдармы на американском восточном побережье. Они спешили ликвидировать эти плацдармы и без колебаний пускали в ход атомные боеголовки, если таковые действия представлялись им необходимыми.

События развивались с ужасающей быстротой. Местные войска и машины, подвергшиеся чудовищному обстрелу, старались продержаться как можно дольше. Может быть, кто-то еще и ждал особых распоряжений, но под конец дрались уже все, кто только мог драться, а неразбериха приводила к новым разрушениям. И вскоре процветающая машинная цивилизация полностью исчезла с лица земли.

В то время, как происходили все эти события, Джоэнис — совершенно ошарашенный — стоял в Главном Командном Пункте и наблюдал, как одни генералы отдавали приказы, а другие генералы отменяли их. Джоэнис с самого начала видел все собственными глазами, но так до сих пор и не разобрался, кто же противник или хотя бы где он находится.

В этот момент Командный Пункт сотрясся от мощного толчка. Хотя он находился во многих сотнях футов под землей, он тоже подвергся нападению — в атаку пошли особые землеройные машины.

Джоэнис взмахнул руками, чтобы удержать равновесие, и вцепился в плечо какого-то молоденького лейтенанта. Лейтенант обернулся, и Джоэнис сразу же узнал его.

— Лам! — вскричал он.

— Привет, Джонсик! — выпалил в ответ Лам.

— Как ты здесь оказался? — спросил Джоэнис.— И что ты делаешь в армии? Да еще в лейтенантской форме?

— Ну, старик,— сказал Лам,— это необыкновенная история. И тем более странная, что я, в общем-то, не из тех, кого называют «военной косточкой». Впрочем, я очень рад, что ты задал мне этот вопрос.

Командный Пункт тряхнуло еще раз, и многих офицеров швырнуло на пол. Но Лам умудрился сохранить равновесие и не сходя с места поведал Джоэнису о том, как он поступил на военную службу.

КАК ЛАМ ПОСТУПИЛ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ

(Записано со слов самого Лама, текст приводится по «Книге Фиджи», каноническое издание)

Ну, старик, значит, утек я из «Дома «Холлис» для Невменяемых Преступников» вскоре после тебя, подался в Нью-Йорк и

сразу же затесался в одну компашку. С ходу накокаинился на всю катушку и полетел высоко-высоко. Я ведь, понимаешь, всю жизнь был на короткой ноге с мескалином, вот и подумал, что кокаин — это так, старомодная штучка, а в тот вечер попробовал, ну и забалдел.

Привиделось мне, будто я вроде Флоренс Найтингейл* и должен лечить всю страждущую боевую технику в мире. Чем больше я размышлял, тем больше укреплялся в этом решении и тем тоскливее мне становилось,— я все думал о бедных несчастных старых пулеметах с прогоревшими стволами, о танках с проржавленными звеньями гусениц, об истребителях с поломанными шасси и о всем таком прочем. Я думал об ужасных муках, через которые прошла вся эта бессловесная боевая техника, и пришел к выводу, что я просто обязан лечить и утешать ее.

Можешь представить, я был под хорошими парами и вот в этом состоянии направился маршевым шагом к ближайшему вербовочному пункту и с ходу записался, чтобы быть поближе к несчастным машинам.

Наутро проснулся, смотрю — уже в казарме. Ну, конечно, я сразу очухался, если не сказать — перетрусил. Выскочил наружу и бросился искать этого чертового сержанта-вербовщика, который воспользовался тем, что я был под балдой. Но, оказывается, он уже вылетел в Чикаго, чтобы провести агитацию в каком-то борделе, расписывая прелести военной службы. Тогда я бегу к командиру части — сокращенно КЧ — говорю, мол, помимо прочего, я наркоман и совсем недавно содержался в заведении для невменяемых преступников, могу, мол, документально подтвердить и то, и другое. Дальше — больше. Говорю, дескать, у меня всякие нехорошие наклонности, и я страх как боюсь огнестрельного оружия, и еще слеп на один глаз, и вообще спина болит. Плюс ко всему, говорю, меня по закону нельзя зачислять в армию, смотри закон о поступлении на военную службу, страница 123, параграф «С».

КЧ посмотрел мне прямо в глаза и улыбнулся так, как могут улыбаться только кадровые вояки, да еще «фараоны». И говорит: «Солдат! Сегодня первый день твоей новой жизни, поэтому я склонен смотреть сквозь пальцы на то, что ты нарушил устав и обратился ко мне не по форме. А теперь, будь добр, катись отсюда к черту и ступай к сержанту за распоряжениями».

Когда я не сделал ни того, ни другого, он перестал улыбаться и заявил: «Слушай, солдат, никому нет дела до причин, которые побудили тебя поступить на военную службу. И точно так же никому нет дела до того, что ты вчера, так сказать, нанюхался до

* Флоренс Найтингейл (1820—1910) — популярная в Великобритании сестра милосердия. (Примеч.перев.)

чертиков. Что касается многочисленных немощей, о которых ты упомянул, то можешь не беспокоиться. Наркоманы прекрасно управляются с делами в органах стратегического планирования. Все, что от тебя требуется — это быть хорошим солдатом, и тогда ты увидишь, что армейский распорядок — это лучший образ жизни. И не цитируй на каждом углу закон о воинской службе, словно ты «гауптвахтный юрист», это может не понравиться моим сержантам, и они сделают из твоей башки котлету. Понял? Вижу, что понял. Теперь мы разобрались, что к чему, и я на тебя зла не держу. В сущности, я хочу поздравить тебя и поблагодарить за тот патриотический пыл, который побудил тебя подписать вчера вечером специальный контракт на пятьдесят лет службы без всяких оговорок. Отлично, солдат! А теперь катись к черту...»

И вот, значит, вышел я из кабинета и думаю, что же мне теперь делать: ведь это из тюрьмы или из сумасшедшего дома можно сбежать, а из армии — никогда. Я уж совсем было пал духом, и вдруг меня вызывают, производят в лейтенанты и включают в состав личного штаба генерала Пустойга, а это в здешнем начальстве самый главный начальник.

Поначалу я думал, что всему причиной — моя смазливая внешность, но потом выяснилось, что дело совсем не в этом. Оказывается, когда я записывался в армию — залетев высоко-высоко под «кокой»,— то указал в графе «специальность»: «сводник». Эта запись попалась на глаза офицерам, которые занимаются комплектацией особых групп по специальностям. Они доложили генералу Пустойгу, и тот немедленно отдал приказ о моем переводе.

Поначалу я понятия не имел, что мне делать, поскольку никогда в этой области не подвизался. Но другой генеральский сводник — или офицер по особым поручениям, как его культурно называют,— подсказал мне, что и как. С тех пор я по четвергам организую для генерала Пустойга вечеринки, ибо ночь с четверга на пятницу — единственное «окно», когда генерал свободен от своих военных обязанностей. Работа непыльная, потому как все, что от меня требуется,— это позвонить по одному из телефонов, указанных в «Руководстве по отдыху и развлечениям личного состава Вашингтонского района обороны». Или же, в случае крайней нужды, я посылаю срочную депешу в Управление Поставок для Вооруженных Сил, которое имеет отделения во всех крупных городах. Генерал выразил мне сердечную благодарность за квалифицированную работу, и я должен признаться, что армия — вовсе не столь мрачное и ужасное место, как мне ранее представлялось.

Вот, Джоэнис, теперь ты знаешь, что привело меня сюда. Как адъютант и близкий друг генерала Пустойга, могу тебе доло-

жить, что эта война — с каким бы дьяволом мы там ни воевали,— не могла попасть в более надежные руки. Думаю, это важно знать всем, поскольку о людях, занимающих высокое положение, сплошь и рядом врут напропалую.

Кроме того, Джонсик, по-моему, мне следует обратить твое внимание на то, что на Командном Пункте только что произошел взрыв — не иначе как намек на грядущие большие перемены. Так, погасли несколько лампочек и вроде дышать становится чуть труднее. Ну что же, поскольку в наших услугах здесь явно не нуждаются, предлагаю выйти из игры и побыстрее унести отсюда ноги, если это еще в наших возможностях.

Ты со мной, Джонсик? Старик, ты в порядке?

БЕГСТВО ИЗ АМЕРИКИ

(Рассказано Пааун с Фиджи)

Джоэнис был контужен — по той причине, что рядом с его головой произошел небольшой взрыв. Лам оттащил его к лифту, который увлек друзей еще глубже в недра земли. Когда дверь лифта открылась, они очутились в широком коридоре. Прямо перед ними была надпись: «Подземная аварийно-спасательная магистраль, только для особо уполномоченных».

— Не знаю, можем ли мы считать себя особо уполномоченными,— сказал Лам,— однако времена такие, что о формальностях лучше позабыть. Джоэнис, ты в состоянии разговаривать? Там впереди должна быть тележка, которая домчит нас до... черт побери, до такого места, где мы, как я от души надеюсь, будем в безопасности. Об этой системе мне рассказывал генерал. Я доверяю старому хрену. Вроде бы он ни капельки не шутил.

Они нашли тележку в том месте, где Лам и предполагал, и много часов ехали под землей, пока наконец не выскочили на поверхность на восточном побережье штата Мэриленд. Перед ними открылся Атлантический океан.

Здесь энергия Лама иссякла: он решительно не знал, что делать дальше. Зато к Джоэнису полностью вернулись присутствие духа и способность соображать. Взяв Лама под руку, он направился к пустынному берегу. Там друзья повернули на юг и шли несколько часов, пока не вышли к заброшенной маленькой гавани.

Из множества парусных судов, которые покачивались на волнах в акватории порта, Джоэнис выбрал одну яхту и принялся переносить на нее продукты, воду, карты и навигацион-

ные приборы — все, что обнаружилось на прочих судах, снаряженных когда-то для дальних плаваний. Работа не была закончена и наполовину, когда над головами друзей с завыванием пронеслись ракеты, и Джоэнис решил отчаливать, не теряя больше ни секунды.

Судно уже было в нескольких милях от берега, когда Лам встрепенулся, огляделся по сторонам и вопросил:

— Эй, старик, куда это мы направляемся?

— На мою родину,— ответил Джоэнис.— На остров Маитуатуа в южной части Тихого океана.

Лам поразмыслил немного над услышанным и кротко сказал:

— Вроде как неслабое путешествие получается, а? Я к тому, что придется ведь огибать мыс Горн, и тогда вся эта музыка растянется примерно так на восемь—десять тысяч миль, верно?

— Что-то вроде этого,— согласился Джоэнис.

— Может, передумаешь, и вместо этого поплывем в Европу? Так-то будет всего-навсего три тысячи миль?

— Я плыву домой,— твердо заявил Джоэнис.

— Ага. Ну ладно,— сказал Лам.— В гостях хорошо, а дома лучше. Но для такого путешествия у нас вроде не очень здорово с водой и продуктами, а по пути вряд ли что-нибудь попадется. К тому же, у меня лично нет полной уверенности в непотопляемости этого судна. По-моему, оно уже дало течь.

— Все правильно,— сказал Джоэнис.— Но кажется, течи можно заделать. А что касается воды и продуктов, то будем надеяться на лучшее. Честное слово, Лам, я не знаю другого места, куда еще стоило бы плыть.

— Порядок,— сказал Лам.— Я же не выпендриваюсь. Просто пришли в голову кое-какие мыслишки, я и подумал, может удастся их обсосать. Нет — так нет. Стало быть, я, как и ты, буду надеяться на лучшее. И вот еще какая идея: может быть, пока мы совершаем этот увеселительный круиз, ты начнешь писать мемуары? Во-первых, не исключено, что получится увлекательное чтение, а во-вторых, они помогут опознать наши несчастные иссохшие трупы, когда кто-нибудь наткнется на это суденышко.

— Я вовсе не убежден, что нам придется погибнуть,— сказал Джоэнис.— Хотя должен признать, что вероятность этого весьма велика. А почему ты сам не хочешь писать мемуары?

— Может, и набросаю главу-другую,— ответил Лам.— Но большую часть пути я собираюсь провести в размышлениях о людях и правительствах, и о том, как их можно улучшить. На эту задачу я брошу все резервы моих пропитанных наркотиками мозгов.

— По-моему, это просто замечательно Лам,— воскликнул Джоэнис.— У нас, у обоих, есть много чего рассказать людям.

Если только, конечно, мы найдем людей, которым можно все это рассказать.

Вот так, в полном согласии, и пустились Джоэнис и его верный друг в плавание по тепловодному морю, вдоль опасных берегов, навстречу далекой и неопределенной цели.

КОНЕЦ ХОЖДЕНИЯ

(написано Издателем с привлечением всех доступных источников)

Излишне распространяться о путешествии друзей вдоль берегов двух Америк, вокруг мыса Горн и затем на северо-запад, к островам, лежащим в южной части Тихого океана. Достаточно лишь упомянуть о том, что испытания, выпавшие на долю Джоэниса и Лама, были суровы, а опасности, с которыми они сталкивались,— многочисленны. Но то же самое можно сказать и о великом множестве моряков, плававших по океанам во все времена — включая и наше собственное. Что, как не глубочайшее сочувствие могут вызвать у нас рассказы о том, как Джоэнис и Лам страдали от лучей тропического солнца, как их швыряли ураганы, как у них кончились продукты и вода, как их суденышко получило пробоину, потеряло мачту, как с подветренной стороны они увидели опасные рифы, и так далее и тому подобное. Однако, отдав дань сопереживания, попутно отметим, что все эти детали мы встречали и в бесчисленном множестве других рассказов о переходах на малых судах. Это единообразие, конечно, не умаляет ценности приобретенного опыта, но зато вполне может вызвать определенное падение читательского интереса.

Сам Джоэнис тоже никогда не распространялся об этом ужасном путешествии, поскольку его интересовали совершенно иные вещи. А что касается Лама, то, говорят, единственным его ответом на вопрос, какие ощущения он испытывал во время плавания, было: «Ну, старик, знаешь ли!..»

Мы-то знаем. Потому и переходим сразу к финалу путешествия, когда Джоэниса и Лама, изголодавшихся, но живых, целехоньких, но бесчувственных, волны выбросили на берег, и заботливые обитатели Маитуатуа вернули их к жизни.

Придя в себя, Джоэнис сразу осведомился о своей возлюбленной Тонделайо, которую он оставил на островах. Но эта пылкая девушка устала его ждать, вышла замуж за рыбака с острова Туаморту и теперь растила двух сыновей. Джоэнис с достоинством

воспринял этот факт и переключил свое внимание на мировые события.

Он обнаружил, что война оказала весьма малое воздействие на Маннуатуа и соседние архипелаги. Эти острова, которые давно уже не поддерживали контактов с Азией и Европой, вдруг потеряли связь с Америкой. Поползли слухи один нелепее другого. Кто-то утверждал, что приключилась большая война, в которой все крупные государства Земли уничтожили друг друга. Иные возлагали вину на пришельцев из космоса, обладавших, якобы, невероятно злобным нравом. Третьи говорили, что никакой войны не было вовсе, а случился великий мор, который и привел к общему краху всей Западной цивилизации.

Эти и многие другие теории прежде вызывали жаркие дискуссии, спорят о них и теперь. Ваш издатель придерживается той же точки зрения, что и Джоэнис: это была спонтанная и хаотическая вспышка военных действий, кульминационным пунктом которых стало самоуничтожение всей Америки, последней из великих цивилизаций Старого Света.

Слухи множились с неудержимой силой. Высоко над головой иногда пролетали ракеты. Большинство из них безобидно плюхалось в воду, но одна ракета упала на Молотеа и полностью разрушила восточную половину этого атолла, унеся семьдесят три жизни. Американские ракетные базы, расположенные, в основном, на Гавайях и Филиппинах, ждали распоряжений, которые так и не пришли, и командиры баз неустанно бились над проблемой опознания противника. Последняя ракета плюхнулась в море, и больше их не стало. Война закончилась. Старый Свет сгинул без следа, словно его никогда и не было.

Все эти дни Джоэнис и Лам пребывали в сознании, но по-прежнему испытывали сильнейшую слабость. Только спустя несколько месяцев после окончания войны они смогли восстановить силы. И наконец, настал день, когда каждый ощутил в себе готовность сыграть свою роль в формировании новой цивилизации.

Как ни печально, но они смотрели на свое призвание с разных точек зрения и так и не смогли прийти к полному согласию. Они пытались сохранить дружеские узы, но с каждым днем это становилось все более затруднительно. Их последователи пытались сглаживать острые углы, но многие из них считали, что эти два человека, столь страстно ненавидевшие войну, вполне могли начать ее между собой.

Однако этого не случилось, так как влияние Джоэниса на островах южной части Тихого океана — от Нукухивы на западе до Тонга на востоке — было неоспоримым. Тогда Лам со своими последователями загрузил продовольствием несколько каноэ и отплыл на восток, направившись к Фиджи, туда, где идеи Лама вызвали

неподдельный интерес. К тому времени и Джоэнис, и Лам уже достигли зрелого возраста и распрощались друг с другом, охваченные великой печалью, не надеясь более свидеться.

Последние слова Лама, обращенные к Джоэнису, были таковы:

— Что же, старик, как я понимаю, каждый лабух должен знать, когда ему пора лабать. Но, веришь ли, если по правде, то я готов шизануться, видя, как мы с тобой пляшем в разные стороны. Ведь мы с тобой, Джоэник, прошли через все это с самого начала, и мы единственные, кто об этом знает. Поэтому, хотя я и думаю, что ты не прав, бей всю дорогу в одну точку, паря, и время от времени давай о себе знать. Мне будет не хватать тебя, старик, поэтому не перегибай палку.

Джоэнис рассыпался примерно в таких же выражениях. Затем Лам уплыл на Фиджи, где его идеи упали на благодатнейшую почву. Даже в наши дни Фиджи остаются центром Ламизма, и фиджийцы говорят не на диалекте английского языка, основы которого заложил здесь Джоэнис, а предпочитают диалект, на котором говорил Лам. Многие эксперты считают, что это самая чистая и наиболее древняя форма английского языка.

Основную идею философии Лама лучше всего передать его собственными словами — в том виде, в каком они записаны в «Книге Фиджи»:

Слушай, вся эта история приключилась так, как она приключилась, не почему-то там, а из-за машин.

Стало быть, машины плохие.

Они, к тому же, сделаны из металла.

Так что металл еще хуже. То есть, в металле — все зло.

Значит, как только мы избавимся от всего этого чертового металла, всюду будет полная лафа.

Это, конечно, только часть учения Лама. Он также выдвинул четкие теории о пользе интоксикации и исступленного веселья («Давайте кайфовать!»); об идеальном поведении («Не будем липнуть друг к другу»); о границах влияния общества на личность («Не давайте обществу ездить на вас»); о пользе хороших манер, терпимости и взаимоуважения («Не следует лажать ближних»); о значимости объективно обусловленных ощущений («Я секу в корень, без понта»); о кооперации в рамках общественной структуры («Клево, когда все лабухи трубят дружно»)...— и о множестве прочих вещей, так что эти теории охватывали почти все стороны человеческой жизни. Эти примеры взяты из «Книги Фиджи», где полностью собраны все изречения Лама вкупе с примечаниями.

В те ранние дни Нового Мира фиджийцев больше всего интересовала теория Лама о природе зла: будто бы зло изначально коренится во всех металлах. Будучи от природы людьми предприимчи-

выми и склонными к далеким путешествиям, они снарядили большие флотилии и пустились на них в плавания под предводительством Лама, чтобы топить в море металл всюду, где только он отыщется.

Во время этих экспедиций фиджийцы собрали под свои знамена новых сторонников зажигательного ламистского вероучения. Идея уничтожения металлов облетела все острова Тихого океана, и фиджийцы, проповедуя ее, добирались и до Австралии, и до побережья Америк. Их подвиги увековечены во множестве песен и устных рассказов. Особенно это касается работы, проделанной ими на Филиппинах, и с помощью маори — в Новой Зеландии. Только в конце столетия, через много лет после смерти Лама, фиджийцы смогли завершить свое титаническое предприятие на Гавайях — таким образом, острова Тихого океана простились примерно с девятью десятыми своих запасов металлов.

К тому времени, когда слава фиджийцев достигла апогея, они уже завоевали многие острова и вошли в контакт с их жителями. Однако этот малочисленный народ не смог долго удерживать под своей властью другие народы. Какое-то время фиджийцы правили на Бора-Бора, Райатеа, Хуахине и Оаху, но затем они были или ассимилированы местным населением, или изгнаны с островов. Словом, большинство фиджийцев, наконец, в полной мере постигли выражение Лама, гласившее: «Сделал дело — и свали со сцены: главное, не околачивайся где не надо и не будь букой».

Так закончилась фиджийская авантюра.

В отличие от Лама, Джоэнис не оставил нам собрания философских трудов. Он никогда не выражал своего отрицательного отношения к металлам, напротив, был к ним совершенно равнодушен. Он с недоверием относился к законам, даже к самым удачным, хотя и признавал, что они необходимы. По Джоэнису, закон мог быть хорошим только тогда, когда проистекал из самой природы людей, отправляющих правосудие. Если природа этих людей менялась — а Джоэнис полагал, что сие неизбежно,— менялась и природа законов. А когда это происходило, следовало искать новые законы и новых законодателей.

Джоэнис учил, что люди должны активно стремиться к добродетели, и в то же время признавал, что это крайне трудно. Самая большая трудность, как считал Джоэнис, заключалась в том, что все в мире, включая людей и их добродетели, постоянно меняется, и человек, взыскующий добра, вынужден, таким образом, расстаться с иллюзией неизменности всего сущего, разобраться в переменах, происходящих в нем самом и в ближних, и сосредоточить свои усилия на беспрестанном поиске островков преходящей стабильности в бурном море жизненных метаморфоз. Это поиск, указывал Джоэнис, мог оказаться успешным лишь при большом

исхода — объяснить сей феномен невозможно, но, безусловно, элемент удачи играет очень важную роль.

Джоэнис всегда придавал особое значение превосходству добродетели над пороками, подчеркивал настоятельную потребность человека в волевом действии и недостижимость совершенства. Но некоторые утверждают, что в старости Джоэнис стал проповедовать совершенно иные идеи. К примеру, что мир — это не более чем страшная игрушка, которую злые боги смастерили в виде театра, чтобы ставить для своего развлечения бесконечные пьесы, создавая людей и используя их в качестве действующих лиц и исполнителей. Когда актеры должным образом подготовлены, боги получают колоссальное удовольствие, наблюдая за спектаклем марионеток, разгуливающих с напыщенным видом, преисполненных сознанием собственной значимости и убежденных в том, что они занимают важное место в миропорядке. Они даже пытаются это научно доказать и трудятся в поте лица, чтобы разрешить проблемы, которые поставили перед ними боги. А боги покатываются со смеху, взирая на спектакль, и ничто не может доставить им большего наслаждения, чем вид какой-нибудь марионетки, вдруг вознамерившейся прожить безгрешно и умереть достойно. Но даже и это не самое страшное. Со временем боги устанут от своего театра и от маленьких марионеток-человечков, они уберут их подальше, снесут театрик и обратятся к иным развлечениям. Пройдет еще немного времени, и даже сами боги не вспомнят, что где-то когда-то существовал такой народец — люди.

Но мы считаем, что эта концепция не характерна для Джоэниса, и ваш издатель полагает, что она недостойна его. Мы всегда будем хранить в памяти образ Джоэниса в расцвете сил и лет, когда он шел к людям с проповедью надежды.

Джоэнис прожил достаточно долго. Он видел смерть старого мира и рождение нового, он помнил, что многие наши предки прибыли из Европы, Америки или Азии. Но несмотря на это смешение рас, мы чувствуем себя полинезийцами, меланезийцами и микронезийцами. Ваш издатель, живущий на острове Гаваики, считает, что современный мир своим процветанием обязан малым размерам наших островов, их многочисленности и удаленности друг от друга. Потому что это делает совершенно невозможным тотальное завоевание одних островов другими и в то же время позволяет отдельно взятой личности с легкостью покинуть данный остров, если он ей чем-либо не нравится. Таковы наши преимущества, которых были лишены обитатели континентов в прошлом.

Конечно, у нас есть свои трудности. Между архипелагами по-прежнему вспыхивают войны, но масштаб их несоизмеримо

скромнее по сравнению с войнами прежних эпох. Все еще существуют социальное неравенство, несправедливость, преступления и болезни; но эти несчастья никогда не вырастают до таких размеров, чтобы сокрушить островные сообщества. Жизнь меняется, но в наши дни перемены происходят гораздо медленнее, чем в прошлые лихорадочные времена.

Возможно, эта неспешность перемен отчасти объясняется великим дефицитом металлов. На наших островах металлов всегда было очень мало, а фиджийцы, к тому же, уничтожили большую часть из того, что было в наличии. Небольшое количество металла все еще добывают на Филиппинах, но он крайне редко поступает в обращение. Ламистские общины все еще активны, они крадут весь металл, который только удается найти, и топят его в море. Многие из нас чувствуют, что эта иррациональная ненависть к металлу — лишь прискорбное наследие прошлого; но мы по-прежнему не можем найти ответ на старинный вопрос Лама, который до сих пор звучит едкой насмешкой в устах ламистов.

Вопрос этот гласит: «Послушай, парень, ты когда-нибудь пробовал построить атомную бомбу из кораллов и кокосовой скорлупы?».

Так и течет жизнь в наши дни. Мы осознаем, что, как это ни грустно, наши мир и процветание покоятся на развалинах общества, самоуничтожение которого и сделало возможным наше существование. Но такова судьба всех обществ, и мы не можем здесь ничего изменить. Тем, кто оплакивает прошлое, следовало бы заглянуть в будущее. Некоторые фиджийские ламисты, отваживающиеся пускаться в дальние морские путешествия, сообщают о каком-то движении диких племен, населяющих ныне Американский континент. В настоящий момент этих разрозненных, пугливых дикарей еще можно игнорировать: но кто знает, что принесет нам будущее?

Что касается финала Хождения Джоэниса, то о нем рассказывают следующее. Лам встретил смерть в возрасте шестидесяти девяти лет. Он возглавлял очередной поход разрушителей металла, и ему проломил голову дубинкой некий здоровенный гавалец, который пытался защитить свою швейную машинку. Падая, Лам произнес: «Ну что ж, ребята, я отправляюсь на Большой Балдеж на Небесах, где заправляет Самый что ни на есть Великий наркоман на свете».

Это было последнее запротоколированное выступление Лама по вопросу религии.

Джоэниса ожидал совершенно иной конец. На семьдесят третьем году жизни Джоэнис, находясь с официальным визитом на богатом острове Мооpea, увидел на берегу какое-то движение и направился туда, чтобы выяснить, в чем дело. Там он обнаружил

человека, принадлежавшего к его собственной расе, который приплыл на плоту. Одежда незнакомца была в лохмотьях, тело жестоко обожжено солнцем, но он пребывал в добром состоянии духа.

— Джоэнис! — вскричал человек.— Я знал, что вы живы, и был уверен, что найду вас. Ведь вы Джоэнис, не так ли?

— Так,— сказал Джоэнис.— Но боюсь, что мы с вами не знакомы.

— Я Чевоиз, — сообщил человек.— Как в «Чево изволите?». Я тот самый похититель бриллиантов, которого вы встретили в Нью-Йорке. Теперь вспомнили меня?

— Вспомнил,— сказал Джоэнис.— Но зачем вы разыскивали меня?

— Джоэнис, наша беседа тогда длилась всего несколько мгновений, но она оставила неизгладимый след в моей душе. Делом моей жизни стали вы и только вы. Потребовалось много сил и много времени, чтобы собрать воедино все, что вам может понадобиться, но я ни перед чем не останавливался. Мне оказывали помощь, я получал знаки внимания на высшем уровне, и был доволен. Затем грянула война, и трудностей стало намного больше. Я вынужден был многие годы скитаться по изуродованному лику Америки, разыскивая то, что вам могло бы потребоваться в будущем, и, наконец, я завершил свой труд и прибыл в Калифорнию. Оттуда я отправился под парусом к островам Тихого океана и в течение многих лет переезжал от острова к острову. Я часто слышал о вас, но никак не мог найти. Но я не падал духом. Я всегда помнил о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться вам, и в этих воспоминаниях черпал свои силы. Я знал, что ваша работа имеет отношение к завершающей стадии истории человечества, но моя работа имела отношение к завершающей стадии вашей истории.

— Все это в высшей степени поразительно.— сказал Джоэнис совершенно спокойно.— Но мне кажется, дорогой Чевоиз, что вы, вероятно, не совсем в своем уме, правда, для меня это не имеет никакого значения. Мне очень жаль, что я причинил вам столько хлопот. Но я понятия не имел, что меня разыскивают.

— А вы и не могли иметь такого понятия,— возразил Чевоиз.— Даже вы не в состоянии знать, кто и зачем вас разыскивает, пока вас не нашли.

— Хорошо,— сказал Джоэнис,— вот вы и нашли меня. Кажется, вы упомянули, что у вас для меня что-то есть?

— Несколько вещичек,— сказал Чевоиз.— Я преданно хранил и лелеял их, поскольку они совершенно необходимы для завершения вашей истории.

С этими словами Чевоиз извлек клеенчатый сверток, который был примотан к его телу. Сияя от счастья, он передал сверток Джоэнису.

Джоэнис развернул пакет и нашел там следующее:

1. Записку от Шона Фейнстейна, который сообщал, что взял на себя издержки по пересылке всех этих вещей, а также по снаряжению Чевоиза, которому выпала роль связника. Он выражал надежду, что у Джоэниса все в порядке. Что касается его самого, то он вместе с дочерью Диедри спасся от катастрофы, бежав на остров Сангар, расположенный в двух тысячах миль от побережья Чили. Там он стал торговцем и со временем добился на этом поприще неплохих успехов; а Диедри вышла замуж за местного парня, человека прилежного и с широким кругозором. Шон Фейнстейн искренне надеялся, что приложенные к записке документы будут для Джоэниса ценным подарком.

2. Короткую записку от доктора, с которым Джоэнис встретился в «Доме «Холлис» для Невменяемых Преступников». Доктор писал, что он хорошо помнит интерес Джоэниса к пациенту, который возомнил себя Богом и исчез как раз перед встречей с Джоэнисом. Однако, поскольку Джоэнис проявил в этом вопросе искреннюю любознательность, доктор прилагал к записке единственное письменное свидетельство, которое оставил после себя тот сумасшедший,— клочок бумаги, что был найден на его столе.

3. План Октагона, заверенный официальной печатью Управления Картографии и подписями высших начальников. Рукой самого Главы Октагона на плане было начертано: «Точный и окончательный». План гарантировал любому посетителю быстрый доступ в любую часть здания.

Пока Джоэнис разглядывал все эти вещи, лицо его каменело, обретая сходство с выветрившимся гранитным останцом. Он долго стоял неподвижно и пошевелился лишь тогда, когда Чевоиз попробовал заглянуть в бумаги из-за его плеча.

— Я же хочу по справедливости! — вскричал Чевоиз.— Всю дорогу я вез эти бумаги и ни разу не заглянул в них. Да, мой дорогой Джоэнис, я имею полное право хотя бы мельком увидеть план и просто обязан хоть одним глазком заглянуть в бумажку, оставленную сумасшедшим.

— Нет,— ответствовал Джоэнис.— Эти документы были посланы не вам.

Чевоиз пришел в ярость, и жителям деревни пришлось сдерживать его, чтобы он не вырвал бумаги силой. Несколько деревенских жрецов, умоляюще глядя в глаза Джоэнису, направились было к нему, но он попятился от них с выражением такого ужаса на лице, что люди подумали — еще секунда, и он швырнет бумаги в море. Однако Джоэнис не сделал этого. Он судорожно прижал документы к груди и бросился бежать по крутой тропе, поднимавшейся в горы. Жрецы последовали за ним, но вскоре потеряли Джоэниса из виду в густом подлеске.

Они спустились к морю и сказали людям, что Джоэнис скоро вернется, что он просто ненадолго отлучился, чтобы изучить бумаги в одиночестве. Люди ждали и не теряли надежды еще много лет, даже после смерти Чевониза. Но Джоэнис так никогда и не спустился с гор.

Почти через два столетия некий охотник отправился полазить по крутым склонам Мооpea в поисках горных козлов. Вернувшись с охоты, он заявил, что видел очень старого человека, который сидел перед входом в пещеру и разглядывал какие-то бумаги. Охотник заметил, что бумаги, которые старик держал в руках, давно выгорели на солнце и выцвели под дождем, так что на них остались лишь неясные каракули, совершенно не поддающиеся чтению, да и старик, кажется, давным-давно ослеп от неустанного вглядывания в тексты.

— Как вы можете читать эти бумаги? — спросил охотник.

— Мне незачем читать,— ответил старик.— Я выучил их наизусть.

Тут старик поднялся на ноги и направился в пещеру, и через несколько мгновений ничто уже здесь не напоминало о старике — будто его никогда и не было.

Правдива ли эта история? Мог ли Джоэнис — несмотря на невероятный возраст — все еще жить в горах и размышлять о высших секретах ушедшей эпохи? А если даже так, могут ли записки сумасшедшего и план Октагона иметь какое-нибудь значение для наших дней?

Этого мы никогда не узнаем. Три экспедиции были посланы в то место, и ни одна из них не нашла следов человеческого обиталища, хотя пещера существует на самом деле. Исследователи считают, что охотник, скорее всего, был пьян. Они резонно доказывают, что Джоэнис от тоски и печали повредился в уме, поскольку слишком поздно получил важнейшую информацию; что он убежал от жрецов и жил отшельником наедине со своими выцветающими бесполезными бумагами; и что в конце концов он умер в каком-нибудь недоступном месте.

Это объяснение представляется вполне благоразумным. Но обитатели Мооpea воздвигли возле пещеры скромную усыпальницу.

Содержание

А. Кубатиев. Одноразовый час мистера Роберта Шекли . . . 3
Рыболовный сезон. *Пер. Б. Белкина* 8
Чумной район. *Пер. В. Буки* 20
Застывший мир. *Пер. В. Буки* 25
Тело. *Пер. В. Буки* 32
Прогулка. *Пер. В. Баканова* 36
Верный вопрос. *Пер. И. Лобанова* 43
Стандартный кошмар. *Пер. Б. Белкина* 51
Записки о Ланграпаке. *Пер. И. Гребенко* 64
Город — мечта, да ноги из глины. *Пер. В. Баканова* . . 68
Па-де-труа шеф-повара, официанта, клиента. *Пер. В. Баканова* 82
Заметки по восприятию воображаемых различий. *Пер. В. Баканова* 93
Хождение Джоэписа. *Пер. В. Бабенко и В. Баканова* . 98

Роберт Шекли

ЧУМНОЙ РАЙОН

Составитель *В. Баканов*
Художник *В. Цупров*
Технический редактор *Н. Рогачева*
Корректор *Н. Рогачева*

Сдано в набор 12.01.91. Подписано в печать 11.05.91. Формат 60×81 1/16
Печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 11,16. Бумага офсетная. Печать высокая.
Тираж 200 000 экз. Заказ № 6250. Цена 6 р.
Агентство печати «NB — ПРЕСС»
Фонда социальных изобретений СССР.
129243, Москва, ул. Ярославская, 4, корп. 8.
Отпечатано с готовых диапозитивов
на ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Минииформпечати РСФСР.
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Ч90 **Роберт Шекли**

Сборник крупнейшего современного американского писателя-фантаста Роберта Шекли, включающий наряду с ранее публиковавшимися произведениями рассказы, впервые издающиеся в русском переводе, представляет автора с нетривиальной стороны.

Сост. В. Баканов.— М. «Дезарк», 1991.— 189 с.

Доверьте нам Ваши проблемы!

И если они касаются трудностей со складскими помещениями и транспортом, подготовкой и изданием печатной продукции, поставками компьютерной техники и программного обеспечения, то

МЫ ГОТОВЫ В КРАТЧАЙШИЕ СРОКИ УСТРАНИТЬ ИХ!

Во всех остальных случаях мы поможем Вам найти оптимальный выход из затруднительного положения.

Хороший партнер — залог успеха!

Звоните в «ДЕЗАРК»!!!

Наши координаты:

Тел.: 240-56-16; 128-56-26.
Телекс: 411568, PLAST
Факс: 240-44-66
Для писем: 103473, Москва, а/я 121 или 55.

ЭТО ФАНТАСТИКА —

восклицает читатель, обнаружив в оглавлении журнала «СОС» имена Патрика Квентина, Фрица Лейбера, Нормана Хаммонда, Дэймона Раньона, Альфреда Бестера и других авторов, чьи имена вызывают неизменный ажиотаж на нашем книжном рынке.

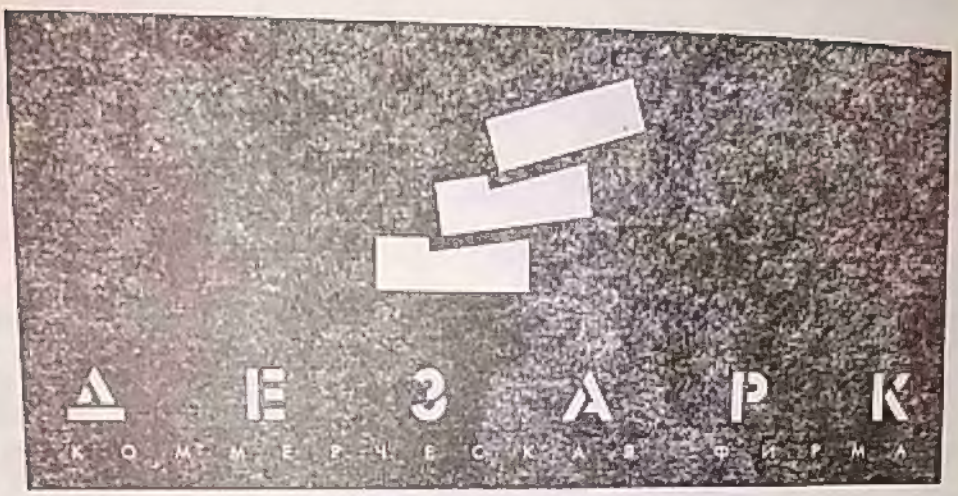
Блистательное созвездие ведущих мастеров острого сюжета представила поклонникам детектива и фантастики редакция нового издания Агентства «Нота Бене Пресс» ФСИ СССР в первом же своем номере. Не меньше сюрпризов припасено на второй и последующие номера.

Яркая обложка, обилие иллюстраций, внушительный объем (около 300 страниц) при весьма скромной цене (всего семь рублей) — все эти достоинства тем не менее блекнут перед впервые переведенными на русский язык шедеврами приключенческого жанра.

Агентство готово рассмотреть предложения организаций об оптовой закупке тиража и о совместных усилиях по изданию.

Вы не станете спорить — немногим более 2 копеек за каждую страницу блестящей остросюжетной прозы —

ЭТО ФАНТАСТИКА!



КОНТУРЫ БУДУЩЕГО ОБРЕТАЮТ ВОПЛОЩЕНИЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВМЕСТНЫХ УСИЛИЙ

Москва
240-56-16,
128-56-26